

Тира Стрельникова

ДИКАЯ И ОПАСНАЯ

18+

Кира Стрельникова

Дикая и опасная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41183498

SelfPub; 2019

Аннотация

После выпускного я и подумать не могла, что в восемнадцать останусь сиротой. Но судьба порой совершает удивительные повороты... И вот вместо обычного института я студентка заведения, выпускающего дипломированных экстрасенсов. А личная жизнь мне совсем неинтересна, однако мой староста имеет на этот счет совсем другое мнение. Только несносного альбиноса с убойной харизмой не хватало для полного счастья! Ловля вампиров, темных магов, поиски потерянных артефактов – все это щедро сдобрено нашим противостоянием. И вредный альбинос получает при этом истинное удовольствие! Что ж, работать с ним мне нравится, а вот дальше – посмотрим.

Содержание

Часть 1. Дикая и опасная	4
Пролог	4
Уровень 1. Институт	12
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Часть 1. Дикая и опасная

Пролог

Я щёлкнула зажигалкой и прикурила, прикрыв огонёк ладонью. Усталость навалилась свинцовой тяжестью от казавшегося бесконечным забега по улицам Питера. Такого родного и знакомого днём, и преобразавшегося ночью в лабиринт дворов-колодцев, узких, тёмных улочек и широких, освещённых проспектов в центре. Да вот только я была уже далеко от того самого центра, где и ночью не стихала жизнь, и теперь сидела в районе метро «Балтийской», где-то недалеко от Обводного канала, заняв стратегически удобное место у большого окна в подъезде с выломанным домофоном. Квадратный двор с окнами, в которых не горел свет, и которые мыли, по-моему, последний раз в прошлом веке. Света в подъезде тоже не было, как и во дворе, что мне только на руку. У меня на перекур оставалось всего несколько минут, и я длинно затянулась, не забывая посматривать вниз. «беретта» лежала на коленях, полностью заряженная, глушитель тоже на месте – незачем пугать мирных жителей разборками. Ну и да, в случае чего, самым любопытным сотру память – экстрасенс я или где, зря, что ли, три года в Институте отучилась? Хотя, к моему огромному сожалению, пушка в мо-

ей ситуации вряд ли поможет – коллег убивать запрещено... Это я скорее по привычке, прочно укоренившейся в подкорке, без оружия на улицу не выходила, мало ли что.

Каком Институте, спросите? Любопытном очень, который развивает паранормальные способности. Причём не понарошку, как многочисленные курсы по усилению чакр и натиранию нимба, чтоб сиял сильнее, а всерьёз экстрасенсов выпускает.

– Соня-а-а-а-а! – раздался со двора протяжный, довольный голос.

Я прошипела ругательство и резво вскочила с подоконника. Наполовину истлевшая сигарета полетела в угол, а «беретту» я успела подхватить, чтобы не загремела. Вот засрапец, даже покурить не дал, а. Быстро бегают, гад. Пора делать ноги, хотя до конца я так и не отдохнула.

– Сонька, хватит прятаться, всё равно достану, знаешь же, – снова заговорил мой персональный кошмар последних нескольких лет.

– На фиг пошёл, – сквозь зубы процедила я шёпотом, бросив в темноту последний взгляд перед тем, как рвануть вверх по лестнице.

Смотрела не глазами, а внутренним экстрасенсорным зрением – и сразу увидела две ярко светящиеся ауры. Одну обычную, белую с вкраплениями зелёного на фоне жёлтой окантовки, вторая, расцвеченная длинными языками насыщенного зелёного цвета, привычно переливалась густо-фи-

олетовым, практически сливаясь с темнотой. Зелёный, признак сенсов. Да, Тим тоже экстрасенс, только я классом выше буду.

Стараясь не шуметь, начала подниматься по лестнице, перескакивая через две ступеньки, благо кроссы на мягкой подошве гасили звуки, а куртка не на молнии, на пуговицах, и я не звенела.

– Что, прячется опять? – подал голос приятель Тима и к сожалению мой напарник по ячейке, Игорь. – Сонь, хватит бегать! Из этого двора только один выход, и из подъезда тоже!

Шустрый какой, ага. Усмехнувшись, поправила «беретту» за поясом и привычно проверила щит и блок – первый экранировал тело, дабы мне в самый неподходящий момент не сделали расстройство желудка, второй не позволял в мозги залезть. Угу, только если блок помогал, мою ауру Тим тоже видел преотлично, и внутренний компас, связывавший нас, никуда не делся. Для него я фонила, как Александрийский маяк в ночи, несмотря на все мои ухищрения и «С» класс... Связь, чтоб её, сводила на нет многочисленные попытки укрыться. И не снять, не избавиться никак – ментальный удар в состоянии аффекта, да ещё без умения контролировать способности, это вам не хухры-мухры. Как Верден в тот вечер три с лишним года назад жив остался, не знаю, повезло ему несказанно.

Ладно, это всё лирика, некогда рассуждать о превратно-

стях судьбы. Может, хоть в эту ночь удастся свалить от настырного альбиноса и переночевать где-нибудь в гостинице, хоть высплюсь как человек. Утром подумаю, как быть дальше. Выход снизу один, Гарик прав, а вот крыши домов соприкасаются, я этот район очень хорошо знаю. В своё время тоже пришлось... побегать тут. Виски кольнуло неприятное ощущение, словно кто-то поскрёбся изнутри черепа, но тут же пропало. Обломись, Верден, уж что-что, а мой блок ты фига с два вскроешь, сколько бы ни пытался. Наловчилась уже многослойные ставить, с хитрой защитой. Ну что ж, это значило, что скотина красноглазая знает, где нахожусь, и надо как-то задержать их хотя бы на пару минут, чтобы успеть на крышу вылезти.

Я тихо хихикнула и решила похулиганить: сосредоточилась и с размаху вломила в сознание Тима, представив крупным планом известную фигуру из пальцев, которая не фига. Со двора послышался сдавленный крик и трёхэтажный мат вполголоса. Да, знаю, больно. А не хрен загонять экстрасенса класса «С» в угол. Сколько раз говорила – не лезть, не слушал. Сколько раз просила не заходить в мою спальню, если я никого не хочу там видеть – ноль на массу. Последней каплей стало то, что наглый командир поставил перед фактом, что спать будем теперь вместе, а Гарику остаётся в распоряжение вся вторая комната. Я не выдержала и сбежала... Жалко, что уволиться нельзя по собственному желанию, или перевестись в другую ячейку. К сожалению, несмотря на се-

рѣзные разногласия, работали мы с Верденом отлично, Николаич в своё время прав оказался: из нас получилась прекрасная команда. Когда того требовала ситуация, мы живо забывали о ненависти и вечной войне и решали поставленные задачи. Успешно, между прочим.

– Сонька, чтоб тебя!.. – хрипло выкрикнул Тим и рванул к подъезду.

Гарик припустил за ним, и я поднажала, почти добежав до последнего этажа. Загрохотали шаги вниз. Я скрипнула зубами и ускорила, отчаянно не желая попадаться обратно в руки этих двоих. А ведь как всё хорошо начиналось, а...

Удариться в воспоминания не успела, очень быстро пронеслись два оставшихся этажа, и я упёрлась в железную лесенку на чердак. Взлетев по ней, достала набор отмычек – угу, всё своё ношу с собой, и этому тоже в Институте учили, – быстро нашла нужную и легко вскрыла навесной простенький замок на дверце.

– Да стой же, паршивка дикая! – голос Тима раздался уже с площадки четвёртого этажа, а всего в доме их пять.

Сейчас, аж три раза. Русские не сдаются и идут до конца. Дёрнув замок, оторвала к чертям хлипкие ушки, на которых он крепился, и вылезла наконец-то на чердак, а оттуда, через окошко на крышу. На мгновение замерла, заворожённая зрелищем уходящих к горизонту бесконечных крыш, и чуть не прохлопала вылезавшего следом за мной альбиноса. Шустрый какой, убиться об стену...

– Попалась, – он оскалился в ухмылке, и красные глаза блеснули в свете полной луны.

Вампир недоделанный, ч-ч-чёрт. Отпрыгнув от его загребущих лап, молча развернулась и припустила к ближайшему краю крыши – соседний дом всего в полуметре, и вот там как раз подъезд сквозной. Позади загрохотали шаги – Гарик тоже поднялся. Я поднажала и перепрыгнула, услышав сдавленный двойной вопль. Едва не поскользнулась, ругнувшись, и втиснулась в очередное узкое окошко. Поправила пистолет, пожалела, что нет времени нарисовать какую-нибудь вредную пентаграмму, и сбегала на первый этаж... Чтобы упереться носом в заколоченную наглухо дверь сквозного подъезда. Мать, мать, ма-а-а-а-ать!!!! Да что за невезуха-то, а! Давно не заходила сюда, тут что, выселили наконец всех и на ремонт дом закрыли? Вторая дверь вела в тупиковый двор, из которого выхода не было. Да, такие вот странные дворы в Питере тоже есть. С размаху пнула заколоченную дверь, тоскливо вздохнула и поняла, что действительно попалась.

– Ну что, Сонька, побегала и хватит, – за спиной раздался довольный голос Тима, и его ладони легли на железную створку по обе стороны от моих плеч.

Вместо ответа я сжала губы и, не поворачиваясь, попыталась двинуть локтем назад, рассчитывая попасть ушлому альбиносу по печени. Эта зараза хорошо усвоила уроки, мгновенно прижав меня сильным телом к двери и не

давая пошевелиться. Только и получилось сдавленно пискнуть, выразив возмущение и бессильную ярость от происходящего.

– Угомонишься или нет, строптивая? – выдохнул Тим на ухо, родив стадо бешеных мурашек вдоль позвоночника, и прижался губами к нежной коже на затылке, одновременно крепко обняв и обхватив запястья, чтоб вырваться не вздумала.

Зашипев, как кобра, я дёрнулась, ненависть и раздражение полыхнули багровым перед глазами, и я сделала первое, что пришло в голову: банально наступила каблуком Тиму на ногу, от души и со всей силы. Свой блок альбинос уже восстановил, да и стоя спиной и не видя его, ещё в такой опасной и, честно говоря, волнующей близости от него – к бую всю концентрацию, – я мало что могла сделать, используя собственные способности. Он тихонько взвыл, но не отпустил, зараза такая. А тут ещё и Гарик подоспел. Нет, двоих точно не осилю.

– Помочь? – непринуждённо поинтересовался этот придурок, и я услышала, как он смачно зевнул. – Я домой хочу, в конце концов, и спать. Сонь, поехали, а? Надоело за тобой по всему городу бегать.

– В пень иди, – огрызнулась, ожесточённо пытаюсь оттолкнуть Тима. Получалось откровенно плохо. Эх, мне б лицом к нему, в момент сотворила бы расстройство желудка. Но существовала реальная опасность, что если повернусь, этот

стукнутый на всю голову альбинос снова целоваться полезет. А воздействие на внутренние органы требовало сосредоточенности хотя бы на несколько минут. – Н-ненавижу!.. – аж поперхнулась, так горло перехватило от эмоций.

– Я это уже много раз слышал, Сонечка, – проникновенно сообщил Тим, слегка прикусив кожу на шее, и я мысленно взвыла. Знает, как облупленную, тварь беловолосая, его действия только подкинули дровишек в пожар моих эмоций. – Гарик, подсоби, а? А то эта кошка дикая не угомонится никак.

Мда. У меня, конечно, класс «С», самый высокий, но эти двое, один класса «В», второй «А», и последний спец по вскрытию чужой ментальной защиты, – вполне способны взломать мой блок. Грубо, болезненно, но действенно. Что они, собственно, и сделали. В голове взорвался фейерверк, я вскрикнула, зажмурившись и чувствуя, как сон стремительно наваливается мягкой подушкой. Утром буду как кисель, и это я припомню кое-кому на ближайшем задании.

– Извини... – долетело издалека с нотками сожаления, и я вырубилась.

Уровень 1. Институт

Да, начиналось всё... не совсем чудесно и удивительно, но тем не менее, ничего не предвещало таких глобальных неприятностей на мою многострадальную пятую точку, как альбинос Тим Верден и работа с ним в одной ячейке. Я была обычной выпускницей восемнадцати лет, и ни сном, ни духом не подозревала о наличии у себя каких-то необычных способностей. После торжественного вручения аттестатов, как полагается, катер, буйное веселье, Алые Паруса, и всё такое. Уже под утро я возвращалась к себе – мы жили около метро «Фрунзенской», и родители пошли домой чуть раньше после клятвенного заверения, что меня проводят до подъезда, – одна, правда. Маринка, соседка по площадке, которая и должна была провожать, слиняла с Пашкой, и понятно, что не о погоде они собрались беседовать у него дома. Неприятностей я не ждала, район спокойный, и тем более, по всему городу шлялись компании хмельных и весёлых выпускников и бдительные патрули полиции. Но мой двор, в который свернула, был тёмный, пуст и тих. До поры, до времени. Я не заметила, собравшуюся в дальнем углу тёплую компашку, тоже изрядно навеселе – Федька сотоварищи. Фёдор учился на втором курсе СПбГУ, Универа в просторечии, и постоянно цеплялся ко мне при каждом удобном случае с грязными намёками. Пока, правда, всё ограничивалось попытками об-

нять да пару раз зажать около подъезда и поцеловать. А вот на излёте выпускной ночи попала. Я успела пройти половину двора, когда за спиной раздался пьяный голос Федыки:

– Это кто тут у нас такой расписной, а, киса?

Я вздрогнула, не оборачиваясь, и ускорила шаг, надеясь успеть до подъезда – беспокойство зашевелилось, но я по-прежнему не ожидала от Федыки никаких серьёзных неприятностей. Однако бегать на шестисантиметровой шпильке как-то не слишком удобно, и собственно, выход из нашего двора всего один, и тот уже перегородили. Я убедилась в этом, оглянувшись через плечо. В общем, убежать не смогла, их было слишком много, и случилось то, что случилось: меня затащили на скамейку в углу, где тусовались ещё два Федыкиных дружка, и разложили на этой скамейке. Рот мне сразу заткнули, так что кричать не вышло, да и бесполезно было бы, думаю. Руки связали чьим-то ремнём, и мне осталось только зажмуриться, расслабиться и думать о природе – нарываться на побои не хотелось, синяки на лице меня бы не украсили. Против пьяных, распалённых молодых людей я всё равно бы не выстояла. Удовольствие, к сожалению, как советует известная поговорка, получить не удалось, моё удобство мало кого волновало. Было больно, противно и стрёмно, а ещё, внутри вдруг родилось странное чувство, оно стремительно разрасталось, и когда меня пустили по второму кругу, я вдруг отчётливо осознала: убью. Каждого из тех, кто сейчас грубо трахал меня прямо под окнами моей

же квартиры. Лично. Не знаю как, но сделаю это. Сами того не понимая, Федька с дружками подписали себе в ту ночь смертный приговор.

Домой явилась на полусогнутых, между ног всё горело огнём, было мокро и противно. Как ни велико оставалось желание скрыть всю историю от родителей, в коридоре встретила проснувшаяся мама, и включив свет и увидев, в каком я состоянии, ужаснулась. Мама разбудила папу, меня немедленно отправили в душ, пока не расспрашивая. Слёзы не шли, напал ступор, и я просто сидела в ванной под горячими струями и молча обдумывала, что и как сделаю с ублюдками. Мой упрямый характер не позволил сломаться. Родители, конечно, жутко разозлились на тех, кто со мной это сделал, но я категорически отказалась идти и писать заявление. Знала, бесполезно, а проблем не оберусь потом. Папочка Фёдора был какой-то шишкой в бизнесе, и скорее всего замнёт дело так, сунув нужным людям взятки, да ещё и повернёт всё дело так, будто я сама полезла к его сыночку и попросила, чтобы меня поимели. По этому поводу мы долго ругались с папой, но я ушла в несознанку, не говоря, кто же со мной сотворил такое. Скорую вызвали, пока в душе сидела, и потом меня увезли – при осмотре выяснилось, что надо накладывать швы. В больнице провалялась неделю и всё это время обдумывала месть, но пока даже не знала, с чего начать и как подступиться к задаче.

Случай подвернулся неожиданно, и получилось всё со-

всем не так, как я думала, точнее, я вообще не думала, что всё так получится. Вернувшись домой из больницы, я столкнулась с Федькой в том же дворе и не успела юркнуть мимо него к своему подъезду.

– О, Сонька, давно не виделись! – развязно произнёс он и преградил мне дорогу под смешки своих дружков.

Когда Федька с похабной ухмылочкой бесцеремонно облапил меня, я посмотрела ему прямо в глаза. Страстное желание, чтобы он сдох вот прямо сейчас, полыхнуло нефтяным факелом, обожгло изнутри едкой кислотой. Перед глазами пронеслись картинки той ночи, и в горле аж запершило от бешенства. Фёдор запнулся на полуслове, его зрачки расширились, а я с удовольствием представила, как сжимаю в кулаке сердце Федьки... Он вдруг захрипел, отпустил меня и схватился за грудь, закатив глаза. Я испугалась, отступила на шаг, а потом и вовсе почти бегом выбежала со двора, слыша за спиной встревоженные крики и голоса гулявших мамаш и бабушек. А вечером от родителей узнала, что Федя внезапно скончался от резкой остановки сердца, скорая приехала забирать уже труп. Вот тут мне стало по-настоящему страшно, ибо пришло чёткое осознание, что это я его убила одним своим желанием. А кто-то шибко добрый из соседей доложил папочке Федьки, что последней рядом с его драгоценным отпрыском видели меня – это я уже потом узнала, задним числом.

На следующий день после этого события я уехала отды-

хоть на всё лето, а когда вернулась к сентябрю, к началу занятий в вожденной Техноложке, моя жизнь перевернулась с ног на голову всего за каких-то несколько дней.

Первое сентября прошло весело, я познакомилась с группой, изучила расписание, отсидела вводную лекцию, а потом мы пошли развивать дружеские связи в ближайшее злачное место, коим оказался бар «SPB» на 2-й Красноармейской. В нашей группе оказалось всего три девчонки, включая меня, остальные двенадцать человек – парни. Хотя меня после достопамятного выпускного к лицам мужского пола не особо тянуло. Заинтересованные взгляды одноклассников вызывали раздражение, и я молча порадовалась, что не стала выражаться в первый день взрослой жизни. Джинсы, футболка и завязанный на шее свитер на всякий случай, вдруг прохладно будет. Короткие тёмные волосы вечно торчали в разные стороны, не поддаваясь расчёскам, и я давно махнула на них рукой, и с утра обычно просто проходила пару раз щёткой по кудряшкам, и всё. В общем, завалились мы всей честной компанией в бар, я тут же пристроилась с краю около Оксанки – роскошной блондинки с обалденной фигурой, которую наши парни облизывали глазами. Вот и ладошки, я на её фоне вообще никак не выделяюсь, что мне и надо.

Мы сидели, болтали, пили пиво, курили – я обзавелась этой вредной привычкой летом, – и ничто не предвещало беды. А потом зазвонил мой мобильник.

– Да? – я вышла на улицу, чтобы нормально слышать.

Номер кстати незнакомый, и меня кольнуло предчувствие.

– Софья Александровская? – мужской, незнакомый и усталый голос.

– Я, а что? – сразу насторожилась.

– Вы где сейчас находитесь?

– На Техноложке, – подозрения усилились, а сердце нехорошо сжалось от предчувствия.

– Александровская Татьяна Владимировна и Александровский Константин Иванович кем вам приходятся?

Сердце превратилось в ледяной ком, а пальцы рук и ног похолодели. Предчувствие превратилось в уверенность.

– Р-родители, – я запнулась. – Что с ними? – чуть не сорвалась на крик и нервно сглотнула, достав сигарету. Руки дрожали.

– Авария, – кратко ответил незнакомый мужчина. – Сожалею, ваш отец погиб на месте. Мать в реанимации. Надежды мало, черепно-мозговая и множественные переломы с внутренними повреждениями. Они с трассы вылетели...

Дальше я не слушала. Не обращая внимания на прохожих, косившихся на меня, медленно сползла по стене и села на асфальт. Так и не зажжённая сигарета выпала из ослабевших пальцев, а в носу заципало. Мужик говорил что-то ещё, называл адрес, куда мне надо подъехать – как раз на место аварии, – спрашивал, есть ли родственники, а я не понимала его слов, отвечала на автомате. Новость в голове не укладыва-

лась до тех пор, пока не увидела накрытое простынёй в пятнах крови тело. Лицо папы можно было узнать, хотя оно выглядело страшно в кровоподтёках и ссадинах. Я сглотнула, судорожно кивнула на вопрос, мой ли это отец, и меня тут же вывернуло на обочину.

Это случилось на Московском шоссе, между Шушарами и Ленсоветовским посёлком, родители от знакомых возвращались. Какой-то придурок, по рассказам очевидцев, на чёрном джипе, летел по трассе на встрече, задумал видимо обогнать, а тут мои родители ехали. В общем, папин старенький «Форд» вынесло и перевернуло, пострадали ещё машины, но... Папа умер сразу, там некстати дерево оказалось на пути. Машину вскрывали лазерным резаком, потому что салон жутко покорёжило. Естественно, виновник аварии не остался на месте, а унёсся в неизвестном направлении.

Несчастный случай, такое часто бывает. Номер джипа, конечно, не успели запомнить. Я пребывала в таком глубоком шоке от происходящего, что добиться от меня внятного слова никто не мог. Больница, куда маму отвезли, находилась на Костюшко, и я поехала туда же на скорой. Выпав из страшной реальности, пришла в себя только в белом длинном коридоре около двери с надписью «операционная». Хорошие врачи укутали в одеяло, всучили в руки стакан с каким-то успокоительным, да ещё в машине вкатили парочку уколов, а меня всё не отпускало. Сколько я там просидела, уставившись в стену невидящим взглядом, не знаю. Когда вышел

усталый, широкоплечий дядька в халате и маске и сообщил, что они сделали всё возможное, но к сожалению операция не помогла, я посмотрела на него, залпом выпила остатки жидкости в стакане и ушла в обморок.

...Как чувствует себя подросток в восемнадцать лет, оставшись без родителей? Хреново, если не сказать хуже. После смерти мамы психика наконец включила защитные механизмы, и у меня случилась долгожданная – врачами – истерика, что всяко лучше продолжительного шока. Два дня я пролежала в той больнице на успокоительных и снотворном, от рыданий глаза и лицо опухли, голос почти пропал, и я хрипела, как неисправное радио в поисках волны. Еду в меня впихивали силком и грозили капельницей, если не перестану взбрыкивать. Пришлось давиться, но есть. На третий день я нашла силы взять себя за жабры и хотя бы временно запихать все эмоции и переживания подальше – надо заняться организацией похорон. Из родственников в Питере остался только брат папы дядя Миша, который жил в своём доме под Петергофом. Он и помог тогда. Забрал из больницы, привёз домой.

– С тобой остаться, Соня? – спросил Миша, высадив у подъезда.

Глядя прямо перед собой, отрицательно помотала головой. Сейчас мне хотелось просто побыть одной.

– Глупостей не наделаешь? – он нахмурил кустистые брови.

– А? – я очнулась и непонимающе уставилась на него. – Дядь, ты чего? Мне восемнадцать, какой суицид? Мне ещё искать тех ублюдков, что маму с папой грохнули, – перед глазами снова всё поплыло, слёзы покатались по щекам.

– Следователи пусть ищут, – дядя нахмурился сильнее. – Тебе учиться надо. Денег подкидывать буду, с работой не торопись пока. Может, чего придумаю.

– Я найду, – тихим голосом повторила я, упрямо сжав губы. – Полиция может до скончания веков копаться с этим делом...

– Ладно, – дядя вздохнул. – Похоронами займусь, ты отдохни пока, только на учёбе предупреди.

Я вышла, а он уехал. Поднимаясь на третий этаж, отстранённо думала, что теперь делать с трёшкой, так неожиданно доставшейся мне в пользование. Сдавать? Не, жить с незнакомыми людьми одной опасно, мало ли, что у кого на уме. Впускать чужих людей в дом, где я прожила всю жизнь, тем более не хотелось. Продать и купить однушку? Более подходящий вариант, остальное можно вложить куда-нибудь, чтобы проценты капали, будет капитал на чёрный день, пока сама на ноги не встану. Потому что для меня одной столько свободного пространства слишком много. Да и... жить воспоминаниями не дело, у меня цель есть. Несмотря на кошмар случившегося, то самое упрямство не давало депрессии затопить с головой, побуждало что-то делать и куда-то двигаться. Проще всего махнуть рукой, сдаться, сесть на попе

ровно и покрываться мхом, жалея себя и ненавидя весь мир за то, что он такой плохой. Нет уж. Я найду того, кто сидел за рулём джипа, и убью. Кровожадно для восемнадцатилетней? Плевать. Меня лишили самых дорогих и близких людей, и я хочу знать, кто это сделал. В наш самый гуманный суд в мире и самых честных судей я уже давно не верю.

Ещё оставались два приятеля Федьки, развлекавшиеся со мной в выпускной. Да-да, я не забыла и про них. Короче, есть, чем заняться кроме бесполезного копания в собственном горе. Хватит, и так два дня в больнице прохлаждалась. За этими мыслями поднялась на свой этаж и замерла, уставившись на торчавший в двери сложенный листок бумаги. Это кто тут мне любовные письма таким оригинальным способом шлёт? И не вытащили, поди ж ты. Выдернула, развернула, прочитала. «Ты следующая, тварь!» Оп-па. Открыв дверь, вошла в тёмный коридор, включила свет, снова и снова пробегая глазами одну строчку, отпечатанную на принтере. Страх не было, вместо него появился нездоровый азарт: я поднесла листок к носу и втянула воздух, словно надеясь что-то унюхать. Пальцы легко пробежались по надписи, и... подушечки колынуло странное ощущение. Перед глазами замелькали образы, почему-то Федькина ухмыляющаяся рожа. Потом словно кто-то на паузу нажал, память услужливо подбросила картинку пару раз виденного мной бати умершего ублюдка. Тучного краснолицего мужчины в дорогом костюме, пиджак которого не сходился на внушительном пузе.

Ага-а-а... Пальцам стало тепло, и я откуда-то поняла, что вычислила автора записки. Папочка Федьки, значит, считавший меня виноватой в смерти его сына.

Улыбнулась, опустила руку с листком и чуть ли не облизнулась.

– Раз, два, три, четыре, пять, я иду тебя искать, – мурлыкнула в пустоте квартиры, и собственный хриплый голос показался чужим, странным.

У меня теперь есть цель, и ради неё не пожалею ни сил, ни средств. На автомате прошла в свою комнату, бросила рюкзак на диван, скинула ботинки. Поняла, что хочу в душ. Смыть всё и очиститься. Начать с нуля. Переродиться, если угодно. А под тугими, горячими струями воды меня снова прорвало. Скорчившись на дне ванной, я заревела, даже нет, завывала в голос, выплёскивая всю боль, ужас, отчаяние и одиночество. Сжавшись в комочек, избавлялась от накопившегося за последние дни напряжения, и как ни странно, чувствовала облегчение. Словно кто-то нажал сливной бачок, и всё дерьмо смыло в канализацию. А вместе с ним и усталую, обиженную на весь мир восемнадцатилетнюю девчонку, внезапно оставшуюся одну. Именно в ту ночь началась моя новая жизнь.

Проревевшись и помывшись, я завалилась спать, пока ещё не имея никаких чётких планов, но твёрдо намеренная найти всех, из-за кого моя жизнь полетела к чертям. И я дала себе слово больше не плакать. Никогда. Как бы хреново ни было,

что бы ни происходило. Я все слёзы выплакала в больнице и тогда, в ту ночь. Я одна, и надеяться ни на кого, кроме себя, не стоит.

На похоронах не проронила ни слезинки, глядя на два одинаковых гроба. Мама, папа, я знаю, кто вас убил. И он заплатит за это. Клянусь. На ваших могилах клянусь.

* * *

Учёбу я не забросила, в деканате, не вдаваясь в подробности, скупо объяснила своё недельное отсутствие семейными проблемами и показала справку. И плотно засела в интернете в поисках информации об экстрасенсах и их способностях. Кроме как наличием у меня этих самых способностей, по-другому смерть Федьки я объяснить себе не могла. Кроме того, я начала ходить в тир, хотела научиться стрелять. Возможно, позже и подумаю о разрешении на ношение и покупке оружия. Идею с квартирой рассказала дяде Мише, он согласился помочь, и через месяц я решила вопрос, переехав в однушку на Петроградке – дядя по своим каналам нашёл хороший вариант. Остатки денег положила на счёт под проценты. Но о мести не забывала.

Нарыла нужные сведения об экстрасенсорике, пробовала делать кое-какие упражнения – на удивление, у меня что-то стало получаться. Признаться, где-то глубине души всё равно сидели сомнения, что я умею. Однако медитация мне да-

валась легко, и когда поняла, что могу легко определить, что у соседки, с которой столкнулась на лестнице, зверски болит голова с похмелья, осознала – мои способности действительно существуют. И я тренировалась... Как умела. К концу октября у меня сложился простой план, как отомстить для начала тем дружкам Феди, которые участвовали в сомнительном развлечении летом. Угрозу его отца я тоже помнила, и в сумочке всегда лежал баллончик с газом. Поскольку переехала я тихо и никому кроме дяди новый адрес не сообщала, на старом месте жительства не появлялась, выиграла для себя ещё время.

Мой план мести был прост: проделать с остальными то же, что и с Федькой. Меньше подозрений вызовет такая смерть. К тому времени анатомический атлас стал чуть ли не моей настольной книгой, расположение внутренних и жизненно важных органов я знала наизусть. И в один из октябрьских ненастных деньков из Техноложки поехала не домой, а туда, где прошли мои школьные годы и закончилась счастливая жизнь. Мне повезло, они сидели во дворе – двое оставшихся приятелей и какие-то девицы потрёпанного вида с ними. Сдержала торжествующую ухмылку и смело направилась к ним, не скрываясь. Теперь я их не боялась, знала: они мне ничего не смогут сделать. Такие, как они, трусы и при свете дня только и могут, что задирать на словах.

– О, киса, куда ты пропала? – оскалился в улыбке один из них, заметив меня. Костик, кажется. – Мы скучали. Тебе

же понравилось тогда, правда? – он подмигнул с похабной ухмылочкой.

– Понравилось, – я кивнула, не став спорить и остановившись рядом со скамейкой, засунула руки в карманы, ожидая их дальнейших действий.

Для осуществления моего плана требовался физический контакт, об этом я тоже вычитала в уроках по экстрасенсорике. Компания – там ещё были какие-то придурки, которых я не знала, трое человек не считая девиц, – заржала, явно в курсе, о чём он говорил, и Костик встал со скамейки, вплотную подойдя ко мне. Я внутренне подобралась.

– Ну, я знал, что ты для виду ломалась, – он положил свою лапу на мою талию, а мне только того и требовалось.

Глядя ему в глаза, представила, где его сердце, и... Ощущения нахлынули неожиданно, я вдруг увидела вокруг Коляна странное свечение, грязно-белое с лиловыми разводами. И пульсирующий ярко-синий комок как раз с левой стороны груди. Как в атласе рисовали.

– Спокойной ночи, Костик, – нежно проговорила я и представила, как сжимаю этот комок крепко-крепко.

Он захрипел, схватился за грудь и завалился на скамейку. Я не отпускала комок, пока Костян не затих. Остальные резко замолчали, не понимая, что происходит, и почему их приятель вдруг свалился без движения на скамейку, хохот прекратился. Я стиснула в кармане баллончик с газом, чувствуя нездоровый азарт, и полностью уверенная, что хозяйка

положения – я.

– Что ты с ним сделала, девка?.. – растерянно прошипел его приятель, как раз тот, третий, кто веселился со мной на выпускном.

Мои губы разъехались в весёлой ухмылке.

– Убила, Толик, – спокойно ответила я. – И ты следующий, ублюдок.

– Как убила?! Больная, что ли?! – заорал он и рванул ко мне.

Я выкинула вперёд руку с баллончиком и зарядила ему струей перцового газа в глаза. Он завыл, закрыл ладонями лицо и споткнулся, а я второй рукой ухватила его за запястье, повторив трюк с сердцем. В этот раз вообще всё практически на автомате произошло, и Толя лёг рядом с приятелем. Остальные застыли соляными столбами, в их взглядах плескалось ошарашенное выражение, и я вдруг очень чётко ощутила их эмоции: страх, паника, растерянность и слабые проблески ненависти. Обвела глазами компашку и произнесла, чётко выговаривая каждое слово:

– Вы. Ничего. Не видели.

Их глаза остекленели, они заторможенно, и что удивительно, одновременно кивнули. Я молча развернулась и быстрым шагом покинула двор, испытывая удовлетворение. Врут те, кто говорит, что месть не приносит удовольствия. Я была рада. Даже нет, я была счастлива. То, что только что убила двух людей, не вызвало ничего кроме чувства глубоко-

го удовлетворения. Они того заслуживали, оба, как и покойный Федя тоже. Как и его отец, который стоял следующим в моём списке. Я не сомневалась, джип и авария на трассе – его грязных рук дело, и записка только подтверждала, что папочка насильника каким-то образом узнал, что я причастна к смерти его сына, и решил меня уничтожить. Не на ту напал. У меня тоже есть когти и зубы, несмотря на то, что мне всего восемнадцать с половиной. И плевать, что он какой-то там авторитет и связан с криминалом. Вспоминая себя в то время, до сих пор улыбаюсь и поражаюсь, какой везучей оказалась. Наивная была тогда, ужас просто.

Когда я покинула двор и отошла на некоторое расстояние, меня накрыло. Не страх, нет, и не вина, не ужас от содеянного. Откат, что ли. В голове воцарилась звенящая пустота, тело пробрала крупная дрожь, и до слюноотделения курить захотелось. Я остановилась, трясущимися руками достала сигарету и в три длинных затяжки выкурила. Потом сразу вторую. На третьей немного отпустило, и теперь появилось желание выпить пива для окончательного успокоения. Погода стояла солнечная, хотя и прохладная, и я решила прогуляться пешком по любимому городу, по пути заскочив в какой-нибудь бар. Так и получилось, что до Петроградки и дома дошла уже в сумерках, около шести вечера. И едва вступив под арку двора и сделав несколько шагов, замерла.

Ощущение опасности пронзило от макушки до пяток, аж зубы заныли, и я судорожно сжала в кармане баллончик с

газом. Упрямо сделала ещё один шаг, а дальше ноги отказались слушаться сигналов мозга. Так, понятно, интуиция решила взять бразды правления в свои шаловливые руки. Ну, не буду спорить. Я развернулась и упёрлась взглядом в высокого человека в длинном кожаном пальто, с коротким ёжиком волос и квадратным подбородком. Он появился за моей спиной совершенно бесшумно, я не услышала шагов. Глаза непонятного в полумраке цвета, но холодные и равнодушные, смотрели на меня.

– Чего встала? Двигай давай, к машине, – обронил он. – И без глупостей, – мужик шевельнул рукой в кармане, и я скорее почувствовала, чем увидела сквозь ткань, что там пушка. – С тобой поговорить хотят напоследок.

– К-как напоследок?.. – вырвалось у меня, от неожиданности происходящего эмоции впали в ступор и сознание охватило странное оцепенение.

– Молча, – шкаф пожал плечами. – Шевелись давай.

Время, замедлившееся с того момента, как узрела мужика в плаще, рывком пошло дальше, мозг пинком отправил накатывавшую панику подальше и лихорадочно заработал, выдавая варианты дальнейшего развития событий. Я – экстрасенс, пусть и самоучка. Я знаю, где расположено сердце, почки, печень, желудок. Самое действенное, это заняться внутренними органами похитителя, но нужен физический контакт. Мелькнуло воспоминание, что в бывшем своём дворе мне удалось как-то загипнотизировать невольных свидетеле-

лей, однако как я это сделала, понятия не имею, и сейчас совершенно не место и не время для экспериментов в этой области. Буду делать то, что умею. Как заставить его коснуться себя? Или хотя бы за руку схватить? В голову ничего не пришло, кроме как банально споткнуться, когда разворачивалась спиной – хотя внутри всё вопило, что этого делать не надо ни в коем случае.

Ага, аж три раза. Едва не въехала носом в асфальт, а этот, с пушкой, только гаденько хихикнул, и не подумав помочь.

– Не выйдет, притворщица. Шагай давай, чёрный джип вон стоит.

Это вот о чём он сейчас?! Закралось нехорошее подозрение, что амбал каким-то образом вызнал про мои способности, и в курсе, как я Федьку грохнула. Чёрт, но как?! Ведь обычные люди не могут видеть, что я делаю! Я сглотнула, самообладание сдало позиции, прогнувшись под паникой.

– Ч-что не выйдет? – пробормотала, с трудом переставляя ноги, позвоночник чуть не в пружину сворачивался от ощущения целившегося из кармана дула. Может, закричать?

– Ничего не выйдет, – жёстко отрезал мужик и зазвенел ключами. – Орать не вздумай, с такого расстояния не промахнусь, а выстрела не услышат.

Джип мигнул фарами, и я остановилась перед дверью. Похититель пугал всё больше, особенно когда неожиданно прижал меня к машине и больно вывернул руки назад.

– Я знаю, что тебе видеть человека надо, – выдохнул он

в ухо, пока связывал запястья. Паника набирала обороты, превращаясь в просто-таки животный ужас, мешавший думать. – И касаться него. Я подготовился, дорогуша.

Удерживая меня за плечо, мужик открыл заднюю дверь и грубо втолкнул на сиденье. Как назло, двор оставался тихим и пустым, и вряд ли я настолько удачлива, что кто-нибудь подойдёт к окошку и заметит неладное. У нас вообще жители удивительно равнодушны и предпочитают закрывать глаза на то, что их не касается, и уж тем более может нести потенциальную опасность. Пока неизвестный обходил джип и садился, у меня закрались подозрения, кто это по мою душу. Я же получила предупреждение? И непозволительно расслабилась. Да, переехала тихо, но ведь училась в том же институте, куда поступила. И квартиру продала, а у папочки Федоса связи в строительном бизнесе. Наследила всё равно.

– Тебя Федькин отец послал, да? – прохрипела я, завозившись на заднем сиденье и пытаясь принять вертикальное положение.

Запястья ныли, вывернутые плечи тоже, страх не проходил, балансируя на грани ужаса и паники. Мужик молча пожал плечами и завёл машину. Я ещё пыталась что-то придумать, прикидывала так и эдак, но моих знаний о собственных способностях катастрофически не хватало, и несмотря ни на что, я оставалась восемнадцатилетней девчонкой, сиротой, одиночкой и очень, очень испуганной. Когда джип выехал за пределы города и за окнами потянулся серый, осенний лес,

паника выплеснулась обжигающе ледяной волной, затопив сознание до самого верха. События того вечера в памяти не отложились, стёртые напрочь инстинктом самосохранения, и даже потом, позже, уже в Институте, этот блок снять не смогли. Назвали обтекаемым словом «неконтролируемый выброс способностей», и на том остановились. Я только поняла, что хочу жить, со страшной силой поняла, и всё существо рванулось к этой мысли.

Кажется, до меня донёсся вопль водителя, и это последнее чёткое воспоминание. Сознание сузилось до точки, а потом его словно выключили. Единственное, я осознавала, что не в обмороке валяюсь на заднем сиденье джипа, и дальше, как понимаю, дальнейшим правили дремучие инстинкты. А когда пришла в себя и снова начала воспринимать окружающее, выяснилось, что всё совсем худо: джип стоял, уткнувшись мордой в дерево, водитель лежал лбом на руле, слава богу хоть не на гудке, и я увидела толстую струйку крови, сползшую из его уха по шее. Сердце колотилось в ушах, в них же звенел противный тоненький звук, как комар, и воздуха не хватало, я дышала со всхлипом и неровно. Со страшной силой захотелось курить, но руки по-прежнему были связаны за спиной. И ещё лоб саднило – кажется, я ударилась о подголовник переднего сиденья. Надо выбирать. Не знаю, сколько времени прошло с момента аварии, но наверняка кто-то уже вызвал нашу доблестную полицию. Снова светить в сводках свою фамилию не хотелось, тем более, я точно зна-

ла: водитель мёртв. Вдруг начнут вопросы неудобные задавать, как я оказалась в этой машине, да ещё со связанными руками. Рассказывать о своей мести вообще, обо всей этой мутной истории с Фёдором и его отцом не хотелось от слова совсем.

Башка болела, в висках неприятно пульсировало, запястья уже занемели – на совесть связал, скотина такая, – да ещё и волнами тошнота накатывала. От голода, видимо, последний раз днём в столовке институтской ела. Скрипнула зубами, скорчилась на сиденье, подтянув колени к подбородку, и кряхтя и матерясь, перевела связанные руки вперёд. Потом ещё зубами теребила узел верёвки, обкусав губы до крови, и наконец, когда издали послышался вой полицейской сирены, запястья освободились. Постанывая, кое-как с третьего раза справилась с дверью и выпала наружу. Грязь, поломанные ветки, и к моему счастью, пустая обочина – видимо, или мне безумно повезло и в момент аварии никого на трассе не наблюдалось, или все водители разом стали глухими и слепыми. Что-то подсказывало вероятность второго варианта. Оглядевшись, определилась с направлением к городу по следам от джипа, и поковыляла со всей возможной скоростью прочь, надеясь, что попадётся попутка и подбросит до ближайшего метро.

Меня знобило, и непонятно, от чего больше: от холодного ветра и начавшегося мокрого снега, или от пережитого. Сознание впало в ступор, заморозив эмоции, и я просто шла

вперёд, даже позабыв о желании курить и глубоко засунув руки в карманы. Честно, как добралась до города, помню очень смутно, кажется, всё-таки кто-то подкинул до Парнаса – очень удобно, как раз по прямой до Петроградки. Как не загребла полиция, тоже не знаю. Всю дорогу в метро продремала, и только закрыв за собой дверь моей маленькой уютной квартирki, поняла, что отделалась малой кровью и хорошо ещё, жива осталась. Колени ослабли, я сползла по двери, не сняв одежды, и у меня вырвался истеричный смешок. Два раза роняла сигарету, пока наконец не прикурила, перед глазами всё плыло, а мозг настойчиво бился в глухую стену, пытаюсь понять, что же случилось на трассе. Попытки оканчивались неудачей, и я махнула рукой.

Выкурив три подряд сигареты, посмотрела на часы – девять вечера. Хорошо, завтра суббота, можно поспать. Чёрт, что ж делать-то? Батя Федьки знает, где я живу, и надо как можно скорее разобраться с ним. Да только узнав о смерти своего человека, неизвестно, что он выкинет. Я знала только подъезд, где жил Федька, и тот с домофоном. Караулить его отца во дворе – глупая затея. Но эта попытка похищения – ещё одно доказательство причастности старшего Крупина к смерти моих родителей. Правда, косвенное, однако я чувствовала, что на правильном пути, и мои догадки верны. Снова начало ломить виски, и я пока отложила продумывание действий на утро, отправившись в душ, а потом на кухню, готовить. Желание повыть и побиться головой об стенку

жёстко задавила двадцатью каплями пустырника и глотком коньяка, и спала я, как убитая, даже без снов.

А утром, сварганив гренки и чашку кофе и прикурив сигарету, села за ноут, собирать информацию про Крупина. Успела выяснить только, что у него несколько крупных фирм, занимающихся поставками стройматериалов, а потом меня прервали. В дверь неожиданно раздался звонок, я вздрогнула и уронила пепел на клавиатуру, тихо чертыхнувшись. Интуиция зашевелилась, но вроде не сигнализировала об опасности. Тем не менее, я сжала баллончик и вышла в коридор, порадовавшись, что дверь стальная и с глазком. Хотя, последний можно жвачкой заклеить... Паранойя, вон. Крупин-старший так быстро не организуется. Я осторожно заглянула в глазок: на площадке стояли двое мужчин, одеты вполне прилично в костюмы и длинные тёмные пальто. Снова звонок.

– Софья Константиновна, откройте, пожалуйста, мы знаем, что вы дома, – вдруг произнёс один из них, и я чуть не села прямо на пол в коридоре.

– А вы кто? – через дверь настороженно спросила я, ладони отчего-то вспотели.

– Мы хотим поговорить и предложить помощь, – огорошили меня ответом.

– Она мне не требуется, – открестилась я от неизвестно откуда свалившихся помощничков. – Всего хорошего.

Они переглянулись, и я заметила улыбки на лицах. Прак-

тически одинаковые. Парни что, близнецы, что ли? Очень уж похожи.

– Вы убили четверых весьма необычным способом, Софья, – мягко сообщили мне, и я повторно чуть не потеряла самообладание.

Как так быстро узнали?!

– Вы кто? – отрывисто повторила я.

– Институт паранормальных явлений, отдел аналитики, – к глазку поднесли корочку, и я прочитала имя: Пахомов Александр Дмитриевич, начальник отдела аналитики.

Чуть не захихикала, не торопясь открывать.

– Да ладно, нет у нас в Питере такого.

Больше со мной спорить не стали, а толстая щеколда с внутренней стороны вдруг сама собой поползла в сторону, синхронно с моими бровями – только они поползли вверх. Дверь распахнулась, а баллончик выпал из моих ослабевших пальцев.

– Простой телекинез, – пожал плечами тот, который был Александром Дмитриевичем. – Экстрасенс класса «С», приятно познакомиться, Софья Константиновна. Вы позволите войти?

Я молча посторонилась, закрыла за ними дверь, подобрала челюсть, и мы проследовали на кухню.

– И? – устроилась на табуретке, согнув одну ногу в колене и подтянув к груди, смяла в пепельнице тлевший окурочок.

– Будем кратки, – говорил Александр, а второй помалки-

вал, равнодушно глядя в окно. – Институт занимается развитием паранормальных способностей, мы действительно выпускаем биоэнергетиков и экстрасенсов широкого профиля с настоящим дипломом. Вчера наш отдел засёк сильный всплеск на севере города, мы проверили и вышли на вас, Софья. Когда ваши способности проявились? – он внимательно посмотрел на меня, и от взгляда этого аналитика стало не по себе.

– Полгода назад, – буркнула я, не торопясь вот так с ходу верить рассказу. – Ну и нафига этот ваш Институт готовит экстрасенсов? Для гадательных салонов, что ли? – насмешливо хмыкнула я. – Так там эти дипломы никому не нужны, главное антураж и побольше таинственности. Ну и знания психологии, конечно.

– Хороший вопрос, – Александр улыбнулся. – Правильный. Но нет, не совсем для гадательных салонов, хотя наши выпускники работают и частным образом. Софья, вы верите в привидения и вампиров? – снова огорошил он вопросом.

Спроси он меня об этом полгода назад, рассмеялась бы в лицо. Вампиры бывают только в книжках, а привидения в мультиках. Но после того как я лично завалила нескольких людей только лишь с помощью своей странной силы, подобный вопрос не звучал для меня смешно. Ну... разве что вампиры всё же вызывали сомнения.

– А они на самом деле существуют? – осторожно ответила я, прищурившись.

– Вы умеете убивать человека одним усилием мысли, – улыбка Пахомова превратилась в усмешку. – И сегодня я открыл вашу дверь, не коснувшись и пальцем. Эти факты не вызвали у вас удивления, так почему бы не существовать вампирам и привидениями? И другим, обладающим необычными способностями наравне с экстрасенсами? – его взгляд стал острым, пронизывающим, и меня снова пробрала дрожь. – Магам, например?

Слово резануло слух в обычной типовой питерской квартире, но смеяться я не торопилась.

– Так для чего тогда вы учите экстрасенсов? – повторила свой вопрос, не дав гостью съехать с темы.

– Ловить призраков и чёрных магов, – невозмутимо ответил мужчина. – А также убивать вампиров, зомби и злобных духов, всякую другую нечисть. И избавляться от прочих, кто пытается нарушить покой обычных людей, живущих в нашем славном городе.

Он не шутил, я видела. Тем сильнее было моё замешательство. Это что, меня вербуют в отряд Охотников за привидениями, что ли? Они, значит, реально существуют в Питере? Интересное кино, и как отлично шифруются – я никогда не слышала о таких отрядах, даже слухи, даже какие-то байки. Хотя, возможно, правильно делают, наше общество ещё не настолько продвинутое в плане тонких материй и всяческих чудес, чтобы спокойно принять такую новость.

– Софья, – Александр продолжил, видя, что я не тороп-

люсь что-то говорить, его голос звучал настойчиво. – Крупин вас достанет, а сама вы не справитесь, – выдал он следующую порцию сведений обо мне, чем снова насторожил – много же они накопили за столь короткий срок. Видать, действительно заинтересованы во мне, как в будущей студентке. – Вы не умеете толком пользоваться своими возможностями, вы не умеете драться, и вы не сумеете защитить себя даже с помощью оружия, поверьте мнению профессионала. У вас даже этого оружия и нет, Софья, как и разрешения на него, – в его тоне проскользнула насмешка, но тут я возмущаться не стала – прав, да. – Наш Институт даст вам необходимые навыки, обеспечит интересной, высокооплачиваемой работой, и вы сможете разобраться со своими проблемами в свободное время. Мы вас прикроем, своих людей мы в обиду не даём.

Змей-искуситель прямо, красиво вещает. Всего за одну ночь они так много узнали обо мне, подробности, о которых никто не мог знать... Всего на миг я помедлила с ответом, а потом на меня вдруг снизошло спокойствие и даже некоторая отрешённость. Зашевелилась уверенность, что с помощью этих странных людей действительно смогу найти своё место в жизни и осуществить месть. Да какая хрен разница, кого ловить придётся? Хоть гигантских Зефирных человечков, мне фиолетово, если меня научат использовать свои способности и всему тому, что перечислил Пахомов, я отомщу за родителей. И я решила.

– Что от меня надо? – я выпрямилась и отодвинула ноут.

– Поставить подпись здесь, – Александр достал из кожаного портфеля, дорогого даже на вид, лист бумаги и протянул мне. – Стандартный договор на обучение, срок три года. Все расходы и обеспечение жильём берёт на себя Институт, как и оформление необходимых документов. Подробнее узнаете, когда придёте на вводную лекцию.

Я, не колеблясь, поставила закорючку в нужном месте. Со следующего дня моя жизнь претерпела серьёзные изменения и привела к таким результатам, о которых мне даже и в страшном сне не могло присниться. Но отступить было некуда, и в общем и целом, я не жалею, что в тот день подписала договор.

* * *

Первое, что предстояло сделать – это в очередной раз переехать. При Институте имелось общежитие, в котором и жили студенты странного заведения. Александр сказал, за мной заедет машина в четыре дня в субботу, и чтобы я собрала самое необходимое, включая документы. Добавил также, что вопрос с переводом из Техноложки решат, и что в их Институте базовые предметы изучались наравне со специальными. Так что, образование я получу вполне себе высшее по стандарту. Хотя нагрузка будет серьёзной, по словам того же Александра. Это меня не испугало: меньше времени останется думать обо всём, что случилось со мной за послед-

ние месяцы.

Вещей набралось всего на одну сумку – если что-то ещё понадобится, потом съезжу. Ровно в четыре дня я вышла во двор, положив ключи от квартиры в карман. Вишнёвый «Шевроле» моргнул фарами, я подошла к нему и открыла дверь, сев на переднее сиденье – Александр скинул сообщением номер и марку машины. В дороге я молчала, глазела в окно, рассеянно размышляя, что же меня ждёт в Институте со столь странной и необычной специализацией, и в груди ворочалось странное, давно позабытое ощущение неясного предвкушения. А мне уже казалось, что мои эмоции впали в глубокую спячку, и чтобы их разбудить, придётся очень и очень постараться. Пару раз даже поймала себя на том, что улыбаюсь уголком губ. Привезли меня в район Чёрной речки, само здание Института располагалось на набережной. Пять этажей, длинное, облицованное серым мрамором – обычное такое здание, без лишних деталей, похожее на какой-нибудь НИИ. Таблички с названием я так и не увидела, кстати. Водитель тормознул у входа, не заглушая двигатель.

– На проходной назовёшь имя и фамилию, тебе скажут, куда идти, – коротко пояснил он, даже не посмотрев в мою сторону.

Я кивнула и вышла, вытащив сумку из багажника. Охранник на проходной, дядька внушительной комплекции с пышными рыжеватыми усами и добрыми глазами, сказал оста-

вить её у него, назвал номер кабинета и этаж, выписал временный пропуск, и я пошла дальше. В коридорах Института я никого не встретила, что слегка удивило – здесь не учатся по субботам? Или просто все на занятиях сейчас? И вообще, кстати, середина октября, а меня так запросто перевели. Если здесь такое специфическое обучение, то как я буду навёрстывать программу? Надеюсь, эти вопросы мне прояснят.

Добралась до нужного этажа быстро, даже не заблудившись по пути. Кабинет оказался директорским, как гласила табличка, и постучав, я услышала негромкое «Войдите».

– Добрый день, Софья, – едва я показалась на пороге, меня поприветствовал мужчина средних лет с короткой стрижкой и ничем не примечательной внешностью. – Присаживайся, – он кивнул на стул. – Илья Викторович, директор Института. Рад познакомиться, – представился хозяин кабинета.

– День добрый, – кивнула я, разглядывая помещение.

Добротный, широкий стол, покрытый бордовым сукном, позолоченный письменный прибор из малахита, ноутбук с эмблемой надкусанного яблока, в углу – сейф, вдоль стены стеллаж с книгами и папками. Ничего лишнего, и в то же время понятно, что человек здесь работает, а не в игрушки гоняет на ноуте. Я перевела взгляд на директора и приготовилась слушать, что мне расскажут.

– Итак, – Илья Викторович взял со стола тонкую папку с моим именем. – Софья Константиновна Александровская, восемнадцать с половиной лет, студентка первого курса Тех-

нологического института, сирота, – начал он, открыв папку, и я увидела лист типа анкетного, с моим фото.

Я молча пожала плечами, не удивившись – сведения, которые легко достать и без всяких специальных допусков. Что ещё скажет интересного?

– Имеется серьёзный конфликт с господином Крупиным, владельцем фирм по поставке стройматериалов, – продолжил директор, и вот тут уже я насторожилась. Об этом никто кроме меня и самого Крупина не знал, и вот тут впору поверить в чудеса, потому что так быстро узнать эту информацию они не могли. Разве что, в Институте узнали обо мне не вчера, когда я столкнулась с похитителем от Крупина, а гораздо раньше. – Единственный родственник, Михаил Александровский, проживает под Петербургом. Первый всплеск способностей произошёл полгода назад, летом, и ознаменовался убийством Фёдора Крупина, – голос директора Института звучал ровно, негромко.

Вот оно. Уже тогда отслеживали? Но ведь вряд ли банальная остановка сердца так уж сильно всколыхнула астрал, или что там ещё, чтобы меня вот так сразу заметили. И для чего тогда ждали эти полгода, ведь могли ещё летом сразу предложить. Я окончательно запуталась в своих размышлениях и потому решила кое-что прояснить.

– Вы уже тогда знали о моём существовании, что ли? – я не сводила с него слегка напряжённого взгляда. – А почему тогда раньше не позвали к себе? И вообще, что дальше? Мой

личный конфликт с Крупиным помешает мне учиться здесь?

Илья Викторович отложил папку и улыбнулся, его глаза прогулялись по мне, вызвав желание поёжиться. Словно сканером провёл, такой пронзительный взгляд у мужика оказался.

– Нет, не помешает, – негромко ответил он. – И – нет, узнали о тебе действительно только вчера ночью. Просто у нас хорошие аналитики работают, – его улыбка стала шире. – Дальше? А дальше, Соня, с понедельника зачисляешься на первый курс, сегодня заселяешься в общежитие и учишься. Пройдёшь тесты на определение уровня способностей, со второго года обучения начнётся специализация, сейчас пока общие предметы, за некоторым исключением. На третьем будете уже учиться работать в будущих ячейках, ну да это тебе объяснит куратор, – невозмутимо объяснил он. – Летом ещё практика будет.

– А что за ячейки? – тут же спросила я, вспомнив упоминание Александром отрядов особого назначения, если так можно выразиться. – Это что такое?

– Подробности объяснят в течение учёбы, – директор соединил кончики пальцев. – После окончания Института будет окончательное распределение, обычно в одну группу набирают не более четырёх человек, и эта группа формируется в процессе учёбы. Обязанности тоже узнаешь на последнем курсе. Пока просто учишь, Соня, и обещаю, легко не будет, – почему-то директор выглядел очень довольным, и ко

мне вернулась настороженность.

– Тут как насчёт режима? – поинтересовалась я. – Ну, в смысле, можно в город-то выходить? Или совсем армейская дисциплина? – не удержалась от ехидного замечания.

Илья Викторович издал короткий смешок, ничуть на меня не обидевшись и даже не сделав замечания. Хм, мне он уже нравился, мировой мужик, несмотря на то, что директор подобного странного заведения.

– Можно, но общежитие закрывается в час, как и все студенческие, – с готовностью пояснил он. – Никакой армией у нас и не пахнет, хотя стрельба и физическая подготовка есть, и последняя немного отличается от обычной физкультуры. Да, кстати, дай ключи от твоей квартиры, – огорошил вдруг странной просьбой директор.

– Это зафига ещё? – насторожилась я и выпрямилась на стуле, бросив на него косой взгляд.

– Ты там больше жить не будешь, – Илья Викторович пожал плечами. – Те, кто приходит к нам учиться, исчезают для остальных, Соня. О том, куда ты ушла, никто не должен знать, – директор прищурился и снова обжёг пристальным взглядом. – После окончания Института жильё вам выделят, не волнуйся.

– А дядя Миша? – нахмурилась я. – Он беспокоиться будет, я не хочу, чтобы он думал, что со мной что-то случилось!

– Это наша забота, он тебя искать точно не будет, и тревожиться за тебя тоже, – спокойно сообщил Илья Викторович

и пошевелил пальцами на протянутой ладони. – Ключи, Соня. Конфиденциальность – залог существования нашей организации и Института, так что в понедельник тебе ещё поставят блок, чтобы лишнего не рассказала, до самого выпуска. Ну, мало ли, вдруг очень захочется с друзьями поделиться, – он хмыкнул.

– У меня нет друзей, – сумрачно отозвалась я, изучая рисунок паркета на полу. – Можете не трудиться, мне этот ваш блок нафиг не сдался. Болтать не собираюсь, мне просто не с кем.

Он помолчал, не сводя с меня изучающего взгляда, и кивнул.

– Да, вижу, точно не надо. Ну, тем лучше. Так где ключи? – напомнил о своей просьбе Илья Викторович.

Ладно, отдала. Ценного там ничего нет, ни денег, ни техники, ни тем более драгоценностей. И правда, если я теперь буду жить в общежитии, зачем мне пустая квартира? Сдавать уж точно не хочу, своих средств вроде хватает на жизнь.

– Если продавать будете, деньги мне не забудьте отдать, – тем не менее, сочла нужным напомнить о своих интересах.

– Обязательно, – кивнул директор. – Пока учишься, на карточку стипендия начисляется, достаточная, чтобы на жизнь хватало, если шиковать не будешь и на пьянки спускать. Работать будет некогда, – предупредил он. – Вопросы есть?

– Да не, – пожала плечами.

Со стипендией хорошо, конечно, но у меня и свои средства есть, однако об этом я, конечно, распространяться не стала. Скорее всего, и так знают, ну а если нет, будет моим козырем. Кто знает, как сложится учёба здесь, вдруг не приживусь всё-таки.

– Отлично. Общежитие рядом, на Байконурской. Вот, держи, – Илья Викторович достал из ящика стола синюю корочку и протянул мне. Оказалось, студенческий. – Покажешь коменданту, он определит в комнату. Посмотри расписание и не опаздывай в понедельник, – дал последние наставления директор.

– А ничего, что уже конец октября? – поинтересовалась я. – Занятия-то всюю, я так думаю?

Мужик улыбнулся.

– У нас занятия начинаются по мере комплектации группы. Ты – последняя в своей, значит, у вас с понедельника учёба. Расписание внизу, у тебя первый курс, кафедра экстрасенсорики и биоэнергетики, группа А-1. Возникнут вопросы, обращайся к куратору, в понедельник познакомишься с ним. А, да, библиотека на первом этаже, в правом крыле. И, Соня, – пронзительный взгляд пригвоздил меня к стулу. – Никаких контактов со знакомыми из прошлой жизни или с дядей Мишей. Поверь, я узнаю, если что, и наказание тебе очень не понравится. Забудь про свою прошлую жизнь, – жёстко припечатал директор.

Прошлая жизнь... Да не осталось там никого, с кем хо-

телось бы встретиться. Даже с дядей Мишей не особо и общалась, после смерти родителей так тем более. Лучше пусть думает, что я вообще уехала из Питера. Однако оставалось кое-что, недоделанное дело, которое нужно закончить обязательно.

– Мне с Крупиным разобраться надо, – каким-то чужим, скрипучим голосом произнесла я, смело взглянув в глаза директору. – Он моих родителей убил...

– Выучишься, ради бога, – пожал плечами Илья Викторович, не дав мне договорить. – Разбирайся, с кем хочешь. До тех пор – никаких вояжей. И не переживай, тебя здесь не найдут.

Почему-то в это поверила сразу. Если уж работники Института меня вычислили меньше, чем за сутки, и вон даже досе успели собрать, сделать так, чтобы люди Крупина-старшего потеряли мой след, они могут.

– Всё, иди, у меня дел много, – махнул рукой Илья Викторович, и я вышла из кабинета, сжимая в руке новенький студенческий.

По пути вниз сфотала расписание, потом забрала сумку с проходной и вышла на улицу. До Байконурской и четырёхэтажного П-образного общежития добралась пешком, благо, сумка не тяжёлая. Вот тут повеселее атмосфера: курившие на ступеньках крыльца студенты весело галдели, что-то обсуждая, из окон неслась громкая музыка, из магазинчика у входа вываливалась не совсем трезвая шумная компания.

Покосившись на них, я поправила сумку на плече и поспешила к проходной. Охранник любезно объяснил, как пройти к коменданту, и я надеялась, что очереди там нет. Внутри общага оказалась на удивление чистенькой, никаких обшарпанных или исписанных стен, выдранных с мясом выключателей. Приятно, что здесь студенты не гадят в том же месте, где живут. Через несколько минут я уже сидела в кабинете перед комендантом.

– Угу... – пожилой, представительный дядечка внимательно изучил мой студенческий, порылся в бумагах и выудил лист. – Софья Александровская, да, есть такая. Вот пропуск, не теряй, будь любезна, – мне протянули пластиковую карточку. – Оплата за комнату списывается из стипендии автоматически, сюда же она и начисляется. В холле банкомат, а вообще, можно снять из любого аппарата без процентов. Так теперь комната, – комендант встал и подошёл к большому железному шкафу на стене. Открыл, достал обычный ключ. – Третий этаж, триста пятнадцать, левое крыло. Комнаты на двоих, душ и туалет на каждые две комнаты общие, кухня общая на этаж. Курить можно на лестнице, на улице, в кухне, в остальных местах защита против табачного дыма. Общежитие закрывается в час ночи, открывается в семь утра. Не опаздывать, – водянистые голубые глаза строго взглянули на меня, и мужик протянул ключ. – Вся мебель в комнате есть, посуда тоже, бельё, если нужно, возьмишь у кастелянши в соседнем кабинете.

Я взяла ключ, вежливо поблагодарила и вышла. Через некоторое время, обзаведясь чистым, вкусно пахнущим лавандой бельём, направилась обживать выделенную жилплощадь. Своё потом как-нибудь куплю. Немного пугало, что придётся жить с незнакомым человеком, но за последние несколько месяцев в моей жизни произошло столько всего, что такие мелочи не стоили сильных переживаний. Я поднялась на нужный этаж, свернула в коридор и дошла до середины, где располагалась указанная комната. Вставив ключ, открыла дверь, но войти не успела.

– Оу, нашего полку прибыло? – раздался ленивый, тягучий голос справа, и я посмотрела на говорившего.

Прислонившись к стенке около соседней двери, засунув руки в карманы, на меня с небрежной ухмылкой смотрел самый странный тип из всех, когда-либо виденных мною. Бледная кожа, светлые, необычного для мужчины платинового оттенка длинные волосы, свободно лежавшие на плечах. Прищуренные глаза с белками насыщенного розового цвета и странной, словно выцветшей радужкой с провалом зрачка, узкие губы – в целом, привлекательная физиономия, если присмотреться. Альбиносов я встречала впервые. Тип был выше меня почти на полторы головы, широкоплеч, но при этом с узкой талией, в длинном кожаном плаще, чёрных джинсах, толстых высоких ботинках на шнуровке и чёрном свитере. Ну натуральный вампир, клыков только не хватает.

– Новенькая? – красные глаза заинтересованно оглядели

меня, и их выражение мне очень не понравилось.

– Да, – отрывисто сказала я, резко открыла дверь и шагнула в комнату.

Изнутри поспешно вставила ключ обратно в замок и повернула, не став вытаскивать. Да ещё так, чтобы выпихнуть его не представлялось возможным. Надеюсь, студенты тут ещё не умеют телекинезом пользоваться. Вообще, парни меня не особо интересовали, учитывая мой крайне неудачный опыт с Федькой и компанией, я не горела желанием приобщаться к этой стороне взрослой жизни. Мне и без отношений хорошо жилось. А этот, беловолосый, начнёт приставать – откручу хозяйство под корень без анестезии. Надеюсь, его минутный интерес не перерастёт во что-то большее, ещё от назойливых поклонников отбиваться не хватало.

Стука в дверь, как опасалась в глубине души, не последовало – вот и ладушки. Огляделась и осталась довольна: просторная комната, дверь отгорожена шкафом, за которым две кровати, тумбочки, полки на стенах, стол у окна, современный холодильник и плоский телевизор на стене. Ух ты, нехило тут однако финансирование поставлено. Да и мебель не обшарпанная, как можно было ожидать: шкаф-купе с зеркальной дверью, кровати с толстыми ортопедическими матрасами, а не совковые пружинные. Круто, что сказать. Справа от входа ещё одна дверь, заглянула в неё – небольшой коридорчик, там располагался туалет и душ. С другой стороны дверь в соседнюю комнату, по всей видимости. Унитаз и

раковина не разбитые, в душе смеситель исправный, ничего не течёт, в общем, всё очень даже прилично на удивление. Я устроилась на кровати, скрытой шкафом, быстренько раскидала вещи, застелила бельё, и прежде, чем сгонять в магазин, пополнить запасы, решила немного выдохнуть.

Не успела раскрыть ноут и приятно удивиться бесплатному вай-фаю – надо только номер карточки-пропуска ввести, – как в двери заскрежетал ключ, и я выпрямилась: кажется, прибыла соседка. Раздался сочный мат, сказанный яростным женским голосом, и кто-то пнул дверь.

– Да иду, иду! – громко отозвалась, отложив ноут, и поспешила вытащить ключ.

– Ну ё-моё, наконец-то! – мимо меня в комнату широким шагом вошла миниатюрная шатенка с длинными волосами ниже плеч и большим рюкзаком за спиной. – Чего заперлась, как будто тут золотой запас страны спрятан?

Я не удержалась и осторожно выглянула в коридор – альбиноса не наблюдалось. Выдохнула, мысленно перекрестилась, хотя махровая атеистка, и снова закрыла дверь. Ну не по себе мне было от этого беловолосого упыря, честно.

– Та-а-ак, и что тут у нас? О, нехило однако! – барышня свалила рюкзак на вторую кровать и плюхнулась на матрас. – Ольга Грановская, – протянула она руку, глядя на меня живыми, насмешливыми глазами цвета жареных кофейных зёрен.

– Софья Александровская, – нейтральным тоном ответи-

ла я и пожала ладонь.

Ольга кивнула и встала, начав распаковывать рюкзак.

– Так, давай сразу договоримся, в душу друг другу не лезть, о прошлом не спрашивать, в окно курить по очереди, – заявила соседка, копаясь в недрах рюкзака.

– Да не вопрос, – я пожала плечами. – Я в магаз, питаться отдельно будем или как?

Ольга вынырнула, почесала затылок и пожала плечами.

– Раз живём на одной жилплощади, проще вместе, вобщак скидывать и из него брать. Я всеядная, так что проблем не будет. Чек принеси, отдам половину.

На том и договорились. До конца дня мы с Ольгой обживались: раскладывали шмотки, болтали потихоньку, осторожно прощупывая общие темы, попутно выяснили, что будем учиться в одной группе. Пару раз, когда выходила в коридор, замечала маячившего поодаль альбиноса, но он не приближался, просто наблюдал. Нервировало, однако. Поставила себе галочку выяснить, в какой комнате живёт, и обходить её десятой дорогой. Мало ли что... Готовила вечером Ольга, а я уползла в душ.

Думала, сюрпризы на сегодня закончились, ан нет: когда, наконец, вылезла обратно, в маленьком коридорчике наткнулась на противного альбиноса, стоявшего у стенки и с ухмылочкой пялившегося на меня.

– Оп-па, какая приятная встреча, – светлая бровь изогнулась, а красные зенки медленно и с удовольствием оглядели

меня. – Соседями, значит, будем.

– Будешь лезть – яйца оторву, – хмуро известила я, чтобы сразу расставить точки над «ё», и поспешила в свою комнату.

Слава безымянным проектировщикам, с нашей стороны кроме замка имелся банальный крючок, и уж его-то, думаю, телекинезом не вытащить. По крайней мере, судя по виду, альбиносу не больше двадцати с небольшим, и скорее всего, он вряд ли на выпускном курсе учится, а значит, можно спать спокойно. На следующий день Ольга умотала до вечера куда-то, а я просидела в комнате, питаюсь весь день «дошираком» – благо чайник электрический в комнате стоял, а канистра с чистой водой под столом. Стрёмно было в коридор выходить, ещё наткнусь на этого беловолосого. Хватило того, что утром зубы чистить шла, как заправский партизан, на цыпочках, чутко прислушиваясь к малейшему звуку за второй дверью. Короче, пока не научусь управляться с собственными способностями, буду всеми силами держаться от альбиноса подальше. Я реально оценивала свои возможности, и вздумай он чего предпринять в отношении меня, едва ли отмахуюсь. Лучше не провоцировать.

Понедельник начался, как обычно, с будильника и сонного матерка Ольги.

– Тебя предупреждали, что с прогулами тут строго? – зверски зевнув, произнесла она и сползла с кровати. – Мне сказали, если без уважительной причины, такой пистон вставят, замучаешься выковыривать.

Я пожала плечами и, включив чайник, захватила полотенце.

– Значит, не будем прогуливать. Пошли зубы чистить.

Столкнувшись в коридоре с выходящим из сортира альбиносом, я только скользнула по нему сумрачным взглядом, не отреагировав на подмигивание, и заползла вслед за Ольгой в душевую, где и раковина была. То, что этот извращенец беловолосый щеголяет тут голым торсом и приспущенными спортивными штанами, меня абсолютно не возбуждает. Хотя соседка, разом проснувшись, присвистнула и демонстративно облизнулась. Альбинос не отреагировал, захлопнув дверь, а мы приступили к чистке зубов и пёрышек. Через сорок минут, зевающие и хмурые, выпали из общежития с толпой остальных студентов и почесали к главному зданию. Предстоял первый учебный день.

* * *

Поскольку расписание мы уже знали, то потащились с Ольгой на третий этаж, в нужную аудиторию. Первой парой стояла теория по экстрасенсорике, потом лекция по общей психологии, и третье что-то несусветное – демонология. Вот не вру, ей-богу! Не, ну понимаю там, привидения, духи, нечисть разная, но про демонов мне не говорили! Но это ещё не всё, после часового перерыва стояла физподготовка, аж две пары. И это только понедельник... Позёвывая и разгля-

дывая таких же сонных и взлохмаченных согруппников, мы ввалились в аудиторию и расселись: всего оказалось пятнадцать человек, возраста примерно от восемнадцати до двадцати одного, по половому признаку почти пополам, шесть девчонок и девять парней. Мы с Ольгой заняли середину ряда, решив, что ни в ботаники на первой парте, ни в отстающие на камчатке записываться не хотим.

Ровно в девять дверь в аудиторию распахнулась, и в помещение стремительным шагом вошёл высокий, подтянутый мужчина с квадратной челюстью и колючими глазами. Остановившись за кафедрой и заложив руки за спину, он обвёл нас пристальным взглядом, задерживаясь на каждом несколько секунд. Когда его рентгеновские гляделки нашли меня, казалось, мужик мгновенно просканировал сознание, залез в самые тёмные уголки, безжалостно высветил их и как следует встряхнул. Я чуть не взвыла и с трудом подавила желание залезть под парту. Пшеничного цвета брови чуть поднялись, и взгляд препода стал заинтересованным, но он ничего не сказал, оглядев остальных. Тут дверь снова открылась, и на пороге аудитории появился... Пришлось спешно зажать ладонью рот, потому что с языка просилась парочка совершенно непечатных выражений.

– Доброе утро, Семён Николаевич, – бодро поздоровался альбинос и широко улыбнулся, вытянувшись и коротко наклонив голову. Сзади раздался тихий восхищённый вздох, я покосилась, кто это у нас с такими нестандартными вкусами

к мужчинам – оказалось, рыженькая пышечка с большими серо-зелёными глазами и пухлыми губками. – Простите за опоздание, зачётки забирал у секретаря.

Семён Николаевич чуть заметно поморщился.

– Верден, – отрывисто произнёс мужик. – Ладно, проходи.

Я тихо зашипела сквозь зубы и уткнулась лицом в сгиб локтя. Эй, там, наверху, это слишком жестокая шутка! Не хочу с этим типом три года тут куковать! Не зря же моя интуиция сиреной исходила при виде этого Вердена, а ей я привыкла доверять. Альбинос опасен лично для меня.

– Охренеть, – вполголоса прокомментировала Ольга. – Это наш сосед с слюноотделительным торсом, что ли? Эй, мать, кончай демонстративно лебедь изображать. Что он успел тебе сделать?

– В том-то и дело, что ничего, пока, – угрюмо проворчала я, приподняв голову и наблюдая за Верденом прищуренными глазами.

Кто б сомневался, взгляд красных гляделок почти сразу нашёл меня, и альбинос уверенно направился к нашему ряду.

– Какой приятный сюрприз, Софья Александровская, – негромко произнёс этот вампир недоделанный, усевшись рядом, и небрежным жестом пододвинул в мою сторону две зачётки. – Будет, у кого лекции списывать, если что.

Я молча показала ему средний палец и демонстративно отвернулась.

– Итак, – подал голос препод. – Как уже слышали, меня зовут Семён Николаевич, а молодой человек с выдающейся внешностью – ваш староста, Тим Верден.

Твою дивизию, он ещё и староста.

– Я – ваш куратор, – продолжил мужик. – Экстрасенс высшей категории, биоэнергетик, буду у вас вести теорию и практику по этим предметам. Прогулы оправдываются только справкой из морга, – он ещё раз обвёл нас глазами. – И учтите, я пробую любой блок, врать мне не рекомендуется. Завтра на семинаре пройдёте тесты, определим уровень ваших способностей. Теперь достали тетради, записали число и тему: «Классификация экстрасенсов. Определение экстрасенсорики в общем. Основные способности каждого класса»...

И понеслась. Я забыла про присутствие рядом Вердена, еле успеваю записывать за Семёном Николаевичем, весь сон как рукой сняло. Ольга тоже усердно строчила, иногда вставляя едкие комментарии по поводу отдельных фраз препода. В конце пары староста раздал всем зачётки, и нам объяснили, что обычных сессий тут нет, а зачёты и экзамены сдаются по мере изучения курса предмета. Так что через три недели сдавать зачёт по теории экстрасенсорики... Я тихонько взвыла, с ужасом глядя на пять исписанных листов за одну пару. А занятия четыре раза в неделю. Теоретические. Семинары слава богу стояли всего два раза.

Когда куратор милостиво махнул рукой, окончив пару, я

дождалась, пока Верден с нарочитой ленцой выберется, и рысью потрусилась к следующей аудитории, на психологию. Ольга за мной. Преподаша – живенькая сухонькая старушенция с совершенно седыми кудряшками и большими квадратными очками, – мне понравилась, и её манера излагать тоже. Она оказалась экстрасенсом класса В: сверившись с записями с предыдущей лекции, выяснила, что Маргарита Александровна умеет влиять на эмоции, сканировать память, определять болезни внутренних органов, взламывать блок более слабых экстрасенсов, соответственно, экранировать мысли и немножко гипнотизировать. Любимой присказкой этой дамы оказалось «Сударь и сударыни», и она во время лекции имела обыкновение замирать на пару секунд, словно задумавшись, а потом снова сыпать терминами и объяснениями. Верден и здесь сел рядом, только хитрая я посадила с краю Ольгу, а сама забурилась с другой стороны, чтобы не отвлекаться и не дёргаться от близости альбиноса.

Демонология оказалась в действительности чем-то вроде биологии, только потусторонних существ: привидений, вампиров, зомби, духов, и... демонов. Классификация, способности, признаки... Информация лилась щедрым потоком, а вёл этот предмет ну просто красавец-мужчина: высокий, темноволосый, с орлиным профилем и низким, бархатным голосом – Олег Павлович. Девчонки пустили слюни, все кроме меня, и даже Ольга пробормотала что-то про своё вступенувшееся либидо, сбросившее пыль веков. Плюс ещё че-

тыре исписанных страницы за одну лекцию, и экзамен через месяц: дальше вместо теории начиналась практика, по способам ловли всего этого зверинца. Голова пухла и трещала, но к собственному удивлению я поняла, что мне интересно, и очень. Пропускать вряд ли буду, даже если с бодуна и неспамши. Прорезалось природное любопытство, да ещё и одобренное доказательствами, что всё это не выдумки, раз серьёзные люди преподают это в серьёзном заведении.

На обед сбегали домой, удачно свалив от Вердена с его предложением проводить, и вернулись к физкультуре, в спортзал.

– Здорово, орлы и орлицы, – ничем не выдающийся мужик, разве что широкоплечий и тоже высокий, оглядел наш строй насмешливым взглядом. – Меня Георгий Натанович зовут, можно просто дядь Жора. Ну что, будем делать из вас командос?

Кто-то из девчонок испуганно ойкнул, физрук заржал и милостиво пояснил:

– Так, не ссать, сейчас разминка, бег, отжимания – парням турник, девчонкам – скамейка, потом пресс. Потом тир, пневматика. И не хрен морды вытягивать, кто вам в руки даст нормальный пистолет, пусть даже с холостыми?! – дядь Жора фыркнул. – Вы ж друг другу в жопы как понастреляете, а выковыривать потом кому?! – в строю раздались сдержанные смешки, кто-то из девчонок даже покраснел. – Пока десять пулек в десять банок не загоните, никакого настоящего

оружия! На следующей неделе начнём азы рукопашки и теорию по стрелковому. Зачёт по ней сдаёте мне через три недели, потом по стрельбе, потом начинаем практику по стрелковому настоящему и теорию по холодному. Ну и учимся грамотно драться. Вопросы? Нет? Тогда бегом марш!

...Вечером я пришла измочаленная и с дёргающимся глазом: две пары физкультуры добила окончательно. Если так будет каждый день, к концу недели от меня останется только тень. А ещё конспекты почитать надо, Николаич предупредил, что завтра устроит блиц-опрос в начале пары...

* * *

Утро повторилось до деталей: полураздетый Верден, бодрая до неприличия Ольга, похабно подмигнувшая соседу, за что удостоилась ленивого, оценивающего взгляда, и хмурая, невыспавшаяся я, злобно зыркнувшая на альбиноса. Помому, он debil, раз не понял, что его мускулистый торс меня ни разу не цепляет. Ну да ладно, не лезет, и то хорошо. Позавтракав, мы потопали в Институт – в сопровождении старосты, нагло ждавшего нас около двери. Я сделала морду кирпичом, Ольга весело хмыкнула, альбинос довольно оскаллился в улыбке. Девчонки с нашей группы, да и остальные, проходившие мимо, косились на Вердена с конкретным интересом, а он делал вид, что не замечает. Позёр хренов.

На вторник расписание осталось то же, только очерёд-

ность пар поменялась: демонология первая, психология вторая, экстрасенсорика третья, и неизменная физкультура после обеда. На экстрасенсорике, как и обещал Николаич, после блиц-опроса, на котором я вроде не облажалась, устроил тестирование. На кафедре лежали руны, большой хрустальный шар, разноцветные камушки, несколько колод Таро, горящая свеча и блюдце с водой. Народ зашептался, заинтересованно косясь.

– Итак, – препод прошёлся перед кафедрой. – Сейчас по одному проходим и слушаем мои инструкции, выполняем их, после снова лекция. Завтра тестирование продолжится на семинаре по медитации.

Эм, йогой что ли заниматься будем? Группа зашепталась с новой силой, а Николаич начал вызывать по списку. Я пошла первая.

– Закрой глаза, – негромко скомандовал куратор, сверля меня взглядом, и я послушно зажмурилась. – Возьми то, к чему потянет. Слушай интуицию.

Прислушалась и с удивлением поняла, что вижу предметы на столе, как разноцветные сгустки... энергии? Хрен знает. Руны светились холодным голубым светом, камешки – разноцветными шариками, шар сиял ослепительно белым, карты мягко переливались разными оттенками красного, а свечка ярко желтела с самого края. Мои руки, не задумываясь, потянулись к одной из колод, пульсировавшей багровым, насыщенным цветом, и едва пальцы коснулись гладкой

поверхности, меня неслабо потрянуло, будто разрядом тока. Я ойкнула и распахнула глаза, отдёргнув конечности. Николаич поднял брови, смерив заинтересованным взглядом.

– Любопытно, – обронил он. – Ну, возьми, давай.

Я с опаской снова потянулась к колоде, и на сей раз никаких неприятных ощущений – потёртый картон был приятным на ощупь, пальцы плотно обхватили стопку, удобно лёгшую в ладонь. От карт исходило ровное тепло, как будто от нагретого солнцем камня.

– Так, – Николаич склонил голову, блеснув глазами. – Забирай, забирай, твоё теперь. Ещё что-то?

Я с сомнением оглядела остальное, и взгляд зацепился за сферу. Прежде, чем успела понять, что делаю, осторожно провела пальцами по гладкому стеклу – или хрусталу? – и внутри вдруг закрутился маленький вихрь из белого тумана. О? Моргнула, снова нежно погладив шар. По вихрю пробежала радужная волна, и перед глазами вдруг пронеслась картинка: полутёмное помещение, я, прижатая к стенке, и нависший Верден со слегка светящимися глазами и плотоядной ухмылкой, его лицо в считанных сантиметрах от моего. Ай! Отдёргнула пальцы, потрянув головой, вдоль спины пробежал холодок. Что за шутки?! Сфера очистилась, став снова прозрачной.

– Офигеть, – ёмко выразился Николаич, его брови взлетели до уровня волос. – Способности к ясновидению налицо. Причём сильные, раз сфера отозвалась без всякой настрой-

ки. Девочка, ты меня радуешь, – он довольно улыбнулся. – Завтра проверим твой уровень. Грановская! – выкрикнул он фамилию соседки. – Сонька, шар возьми, – это уже мне.

Я с некоторой опаской снова прикоснулась к сфере, но ничего не произошло, слава богу. Увиденное пару минут назад не давало покоя: это что, Верден таки перейдёт к активным действиям? Нахрена я ему сдалась, интересно? В любовь с первого взгляда не верю, альбинос ни разу не нежный романтишный выюноша, падкий на мелких, вечно всклокоченных селёдок, состоящих из одних коленок и локтей, как я. Просто трахнуть хочет? Хм-м, так к его услугам целая общага на всё готовых студенток, особо не обременённых моралью и строгим поведением. Или любит трудности, укрощать недотрог? Извращенец чёртов, надо вдобавок к баллончику с газом обзавестись плоскогубцами: предупредила же, что без хозяйства оставлю, если грабли протянет. Ладно, теперь буду вдвойне осторожной.

Ольге приглянулась свечка, и больше ничего: она налила воск в блюдечко, с интересом пялилась на него несколько минут, потом хмыкнула и почесала в затылке, стрельнув в Вердена задумчивым взглядом. Э? Это что она там увидела? Интересно, если спрошу, расскажет или нет, или придётся усмирять нездоровое любопытство? Николаич кивнул и посоветовал Ольге запастись толстыми свечами из воска. Соседка тоже кивнула и вернулась на место.

– Ты чего там увидела? – вполголоса спросила я, краем

глаза наблюдая за Верденом, топтавшемся у кафедры.

Николаич достал ещё одну сферу взамен утащенной мной и поставил на стол, колод Таро оставалось три штуки.

– Ну, – Ольга почесала переносицу. – Вердена, – ответила и замолчала.

– И? – подтолкнула я, изнывая от нетерпения. – Его профиль, что ли, на воске?

Если бы не хотела говорить на эту тему, сразу бы сказала, а так, раз начала, то пусть уж договаривает.

– Да не, не на воске, – задумчиво протянула соседка. – Воск в какую-то бесформенную фигню вылился, но я посмотрела, и прямо чётко так увидела картинку... – она снова замолчала, и к моему удивлению, я заметила на её щеках лёгкий румянец – засмушалась, что ли?!

– Да не мнись уже, – любопытство нетерпеливо грызло изнутри, – что за картинку?

– Мы с ним целовались, – глубокомысленно изрекла Грановская и зависла.

Я чуть не заржала самым неприличным образом. Я-то уж подумала, что что-то совсем уж непотребное, вроде свадебного кортежа или вообще совместных детей. А тут всего лишь поцелуй.

– А нефиг бросать на него такие красноречивые взгляды, как утром, – давясь хихиканьем, прокомментировала я. – Такие, как он, воспринимают их однозначно, в меру своей испорченности.

– Да фиг знает, я думала, он на тебя запал, – огорошила она ответом.

– Э? – я уставилась на неё с недоумением. – Это ты с какого такого потолка взяла? – озадаченно поинтересовалась у Грановской, искренне удивлённая таким заявлением.

– Да ладно, Сонь, – усмехнулась излишне проницательная Ольга. – А то я не вижу, как он на тебя смотрит и чуть не облизывается.

– Иди в сад, а, – я поёжилась – альбинос тем временем выбрал руны. В момент, когда я на него неудачно посмотрела, наши глаза встретились, и он ухмыльнулся, как кот, налопавшийся сметаны. Что этот крендель там увидел в своих костяшках?! – Вот посмотри на меня и скажи, чего такого он во мне нашёл? – я выразительно оглядела себя.

– А это ты его спроси, – отозвалась Ольга и пожалала плечами. – Мужики вообще странные создания. Но факт остаётся фактом, Верден на тебя стойку сделал, – она уже откровенно ухмылялась, весело глядя на меня.

– Меня этот факт крайне удручает, – пробормотала я, уткнувшись в лекции – альбинос подходил к нашей скамейке.

Ольга неопределённо хмыкнула и тоже замолчала. Верден плюхнулся рядом, его рука змеёй скользнула на спинку в опасной близости от моих плеч.

– Одно лишнее движение, в глаз дам, – равнодушно сообщила я, резко подавшись вперёд и облокотившись на парту.

– Глаз лучше убрать, – вкрадчиво ответил вампир недоделанный, и я почувствовала, как его взгляд буквально обжёг меня.

Если думал смутить, пошляк хренов, не на ту попал.

– Ничего, до уха тоже дотянусь, – невозмутимо ответствовала я.

– Потом поговорим, – лениво отозвался Верден.

Сам с собой говори, Казанова красноглазый. Дальше всё пошло, как обычно: ворох информации на пять с половиной страниц, вопросы на следующую лекцию, перерыв – и физкультура. Я не отлипала от Ольги, она только понимающе хмыкала, но от шуточек воздерживалась. Верден крутился поблизости, нервируя взглядами, и не пытался подобраться поближе – и слава богу. День второй прошёл...

На следующий день медитация стояла первой парой. По пути в Институт несколько девчонок в открытую попытались подкатить к Вердену, он нагло флиртовал с ними, и я тихо радовалась, надеясь, что переключится на более доступных, и замыкание в его мозгах рассосётся. Ага, с разбегу, конечно: оказывается, этот спектакль был рассчитан на одного зрителя, ибо в процессе альбинос откровенно поглядывал на меня, следя за моей реакцией. Ну, я постаралась не разочаровать его. Нахально ухмыльнувшись, подмигнула и показала большой палец, мол, так держать, милоч, правильной дорогой идёшь, товарищ. К моей досаде, Верден не растерялся и как ни в чём не бывало, следующую попытку познакомиться

высокой брюнетки с грудью четвёртого размера просто проигнорировал, отвернувшись. Да что ж этому придурку надо от меня?! Может, действительно поговорить начистоту и довести до его сведения, что мне не нужны никакие отношения, вообще, ни с ним, ни с кем другим? Желательно при свидетелях, той же Ольге, например.

Мы ввалились в небольшую аудиторию, рассчитанную человек на двадцать-двадцать пять, и устали на преподавательский стол, за которым уже ждал Николаич – это он медитацию тоже будет вести? Ну, клёво, мужик мне нравился. Перед ним лежала колода больших карт, и я почему-то знала, что это не Таро.

– Так, – он обвёл нас взглядом. – Сначала теория, чтоб тренировались, потом по одному подходим ко мне, – он встал и прошёлся перед нами, заложив руки за спину. – Значится, для контроля ваших способностей и их усиления требуется сосредоточенность и умение не обращать внимания на происходящее вокруг, иными словами, концентрация, – Николаич поднял указательный палец. – Если думаете, что это просто, то глубоко ошибаетесь, – он усмехнулся. – Упражнение первое, контроль дыхания, – я строчила, как заведённая, записывая за ним. С каждым днём мне всё больше нравилось в этом заведении, несмотря на некоторый скепсис в самом начале. – Закрываем глаза и делаем глубокие вдохи-выдохи на счёт раз-два-три, считаем про себя. Вдох равен выдоху, дышим полной грудью, ритм у каждого свой, по-

ехали, – Николаич остановился. – Руки перед собой, пальцы соединить. И слушаем своё дыхание, сосредотачиваемся на нём.

Мы дружно отодвинули конспекты, зажмурились и старательно засопели. Поскольку тут стояли обычные парты, все сидели по двое, правда, красноглазый староста устроился за моей спиной, но сейчас это совершенно не мешало. Глаза-то у него закрыты.

– Хорошо, дышим-дышим, я всё вижу! – предупредил Николаич. – Засаекаю время, должны продержаться в таком ритме не меньше десяти минут. Кто собьётся, начинает сначала. А теперь по одному ко мне. Учтите, схалтурить не удастся! Да кто б сомневался. Я почему-то поверила ему сразу.

– Александровская, – прозвучала моя фамилия.

Прервала упражнение, села к его столу.

– Значит, так, – негромко начал Николаич, зорко поглядывая на дышащих студентов. – Показываю карту, пытаешься угадать, что на ней. Говоришь первое, что приходит в голову, на раздумья не больше двух секунд, – он подвинул к себе листок с пустой таблицей и моим именем. – Поехали.

Он поднял первую карту. Я, особо не надеясь на успех, посмотрела на полосатую рубашку, и вдруг перед глазами чётко появились две горизонтальные линии.

– Две полоски, – ляпнула я. Кто-то за спиной тихо заржал, Николаич только взглянул, нахмурившись – раздалось ойканье, и смех стих.

Молча перевернув карту, он продемонстрировал мне толстые линии и поставил плюстик в таблицу. Взял вторую, я увидела треугольник. Снова в точку. При этом Николаич не забывал контролировать остальных и время от времени называл ту или иную фамилию, что значило – требуемые десять минут не выполнены. Когда я безошибочно назвала пятую по счёту карту, за спиной уже отчётливо раздавались тихие матюги сбивавшихся одnogруппников.

– Так, – Николаич расписался на листочке и отложил его. – Александровская, класс В. Неплохо для начинающей, – похвалил он и милостиво пояснил. – У большинства едва на А набирается на первом курсе, а у тебя ещё и потенциал нехилый. Свободна.

Я вернулась на место и занялась дыханием. Мне сразу легко задышалось в знакомом ритме, звуки постепенно словно отодвигались, и я прямо чувствовала, как воздух входит в лёгкие, наполняет их и потом плавно выходит. По коже пошли странные, но скорее приятные покалывания, и я отключилась от реальности, полностью уйдя в размеренный ритм. Это первое, чему научилась, когда поняла, что обладаю не совсем обычными способностями.

– Александровская! Первые очки на класс С, поздравляю, – вырвал из нирваны громкий голос Николаича. – Пятнадцать минут, ну надо же, – я распахнула глаза и уставилась на ехидную усмешку куратора. Со всех сторон раздались удивлённые шепотки, и кто-то даже тихо присвистнул. –

Где тебя нашли, уникам? – с интересом спросил он, окинув меня взглядом.

Я пожалала плечами, ужасно довольная похвалой, но постаралась не показать эмоций.

– Да так, – небрежно ответила и добавила, – я знаю это упражнение, тренировалась в свободное время, ещё до зачисления сюда.

Николаич крякнул, пошевелил бровями и что-то пометил на моём листочке.

– Продолжаем, продолжаем! – прикрикнул он на притихших студентов.

– М-м, Сонька, да ты самородок, – мурлыкнул за спиной негромкий, довольный голос альбиноса. У него оказался стандартный для всех поступавших класс А, что меня обрадовало донельзя – то, что я сильнее его по способностям, повышало мои шансы отделаться от наглого альбиноса. – Возьмёшь в ученики?

Молча показала через плечо средний палец и вернулась к дыханию. Успокаивало, знаете ли. Протестировав остальных, Николаич хлопнул в ладоши, прекратив упражнение. Кроме меня из шестнадцати человек в требуемые десять минут уложились только трое, и к моему сожалению, Верден был среди них. Ольга осилила пять минут, что тоже было неплохо.

– Дома перед сном тренироваться каждый день, – категорично заявил Николаич. – Теперь на каждой лекции буду

проверять в начале.

Кто-то сдавленно застонал.

– Следующее упражнение, – невозмутимо продолжил преподаватель. – Расслабляем мышцы. Вообще, в идеале это надо делать лёжа, но это тоже дома, – что показательно, ни одной шутки не последовало. Николаич зарекомендовал себя хорошо в плане дисциплины. – Сейчас сели поудобнее, – народ задвигался, я откинулась на спинку стула, положив руки на колени. – Почувствовали своё тело, от лица до кончиков пальцев на ногах... – голос Николаича приобрёл глубину, стал низким, тягучим. – Начинаем с лицевых мышц... – пауза. – Шея, затылок... вы чувствуете каждую мышцу, она становится мягкой... податливой... невесомой... – снова пауза. – Плечи, грудь... дыхание, раз... два... три...

И снова знакомое мне упражнение, я давно его перед сном делала. Подчиняясь дыханию, мышцы расслаблялись одна за одной, как по цепочке. Тело перестало чувствоваться, звуки снова отодвинулись, и вокруг меня образовалась пустота. Голос Николаича затих, перейдя в шёпот, и вдруг темноту перед глазами расцвели яркие всполохи: удивление рванулось, грозя нарушить концентрацию, я на автомате жёстко подавила ненужную сейчас эмоцию, сосредоточившись на дыхании. Ух ты, кажется, я вижу ауры! В основном белого цвета, неровные по краям, и там же окрашенные у кого в зеленоватый, у кого в голубой, а у кого-то насыщенный синий. Ещё попадался красный и жёлтый. Эмоции? Наверное. Ни-

колаич переливался тёмно-зелёным с вкраплениями красного. Я засмотрелась, и когда неожиданно аура препода направилась ко мне, перепугалась – вдруг что-то не то делаю?!

– Александровская! – гаркнул он, я вздрогнула, чуть не подскочив, и уставилась на него ошалелыми глазами. Взгляд Николаича вперился в меня, просвечивая словно рентгеном. – Ты вот что сейчас учудила, самоучка?! – грозно спросил куратор, уперев руки в бока и нахмурившись.

– Э... а что? – робко поинтересовалась, хлопнув ресничками.

– Ты что на первом курсе делаешь, Сонька? – недовольно буркнул препод, заложив руки за спину, но его взгляд выдавал настоящие эмоции Николаича – он был очень доволен. – Ауры видеть начинают хорошо если к середине первого, а то и к началу второго! – пояснил он, видя мои удивлённо поднятые брови.

Студенты зашушукались, поглядывая на мою скромную персону, а я почувствовала себя неуютно от такого пристального внимания и поёжилась. Взгляд Вердена прожигал дырки в спине, и боюсь даже предположить, какие мысли бродят в его голове насчёт меня. И как потом с последствиями этих мыслей бороться.

– Я стрелять не умею, – брякнула первое, что пришло в голову.

Народ нервно заржал, и у меня тоже вырвался смешок.

– Стрелять, – Николаич вздохнул и покачал головой, по-

том проворчал: – Боюсь представить, что в тире будешь творить с такими способностями. Так, – он подумал и решительно заявил. – Составлю для тебя индивидуальную программу обучения, после физкультуры зайдёшь ко мне в кабинет, – оглянулся на остальных студентов, ловивших каждое слово, и я тихонько перевела дух. – Чего сидим, кого ждём? – бодро поинтересовался Николаич. – До конца пары ещё двадцать минут, живо дышать и расслабляться!

– А в туалет можно? – пискнула рыженькая пышечка, кажется, Наташа.

Препод поднял брови.

– Иди, расслабь хотя бы сфинктеры, – милостиво кивнул он. – Раз всё остальное пока плохо получается.

По классу снова пронёсся смешок, но стих, едва Николаич обвёл всех пристальным взглядом. Народ послушно закрыл глаза и задышал, настраиваясь на упражнение.

– Соня-а-а-а-а, – раздался за спиной протяжный, негромкий голос Вердена, и захотелось повернуться к нему и съездить ему в ухо. Ну, так, для профилактики. – Какой ты разносторонний человек, оказывается.

Да блин, компот, достал, а! На способности мои, значит, запал? Вампир, что ли, энергетический? Чуть повернула голову, скосив на старосту взгляд.

– Донором не буду, – кратко ответила, остро сожалея, что не знаю, как сделать расстройство желудка.

Ускорять физиологические процессы в организме и устра-

ивать всякие болячки – это для меня пока высший пилотаж, хотя читала, что сенсы и такое могут. Послышался довольный смешок.

– Зачем мне донор? Мне хороший напарник нужен после Института, чтоб работать легче было, – невозмутимо ответил белобрысый приставала.

От его слов я чуть не поперхнулась вдохом. Работать, с ним?! Бегу и тапочки теряю, как же. Вот если бы он вёл себя по-человечески и не делал неприличных намёков при каждом удобном случае, я бы может и подумала. А так... Ясный пень, что этот извращенец лелеет планы затащить меня в постель, помимо использования моих способностей в работе. Вот спрашивается, на что так запал, на мои кости, что ли? Я объективно отношусь к себе, и хотя не дурнушка, но и не красотка, которой вслед оборачиваются. Так, совершенно среднестатистическая внешность.

– Губозакаталку подарю на Новый год, – хмыкнула я и отвернулась.

– Верден, разговорчики! – прикрикнул Николаич. – Работай давай!

А я, когда белобрысый затих, задумалась, благо, упражнение больше не надо было делать: альбинос заметил меня ещё в общаге в самый первый день, когда о моих способностях не знал. Значит, не только мои способности всё же привлекли? Или он тоже умеет видеть ауры, только тщательно скрывает это, и сразу заметил мои способности? Не зря же моя

интуиция сработала на минус, когда только увидела его. Ой, не прост этот Верден, далеко не так прост, как кажется. И почему у меня стойкое ощущение, что я ещё огребу от него по полной и во всех смыслах? А ведь куратор наверняка должен знать наши досье, аналитический отдел Института работает прекрасно, как убедилась на личном опыте. Попробовать, что ли, узнать у Николаича вечером, кто такой этот Тим Верден? А расскажет ли, вот в чём вопрос. Может, прошлое студентов – под грифом «совершенно секретно». Хотя, можно поделиться подозрениями... И что ещё умеет красноглазый? Может, и мысли читать?! Паранойя заскреблась коготками по сердцу, я испуганно покосилась через плечо. Так, пожалуй, надо попросить Николаича научить закрываться, раз для меня будет индивидуальная программа обучения.

До конца дня Верден больше не приставал, продолжая только издалека наблюдать, и я едва дождалась окончания физры, изнывая от нетерпения, даже усталость от зверствовавшего дяди Жоры отступила на второй план. Освежившись под душем и переодевшись, рысью рванула к Николаичу. Постучалась, приоткрыла дверь.

– Можно? – вопросительно посмотрела на хозяина кабинета.

– Заходи, заходи, – куратор поднял голову от бумаг и кивнул на стул. – Садись, Сонька Золотая ручка.

Я села, стрельнув взглядом в бумаги – оказывается, моё досье. Значит, угадала.

– Итак, – он откинулся на спинку, скользя по мне задумчивым взглядом. – Я так понял, твои способности активизировались совсем недавно, да? – уточнил Николаич на всякий случай.

– Ну-у-у... – протянула я, отведя глаза. – Летом. После выпускного, – кратко ответила – читал же бумаги, зачем спрашивать.

– Да не, – он покачал головой. – Там больше эмоций было и спонтанного всплеска, потому и получилось у тебя, я почитал. То, что самостоятельно тренироваться стала, молодец, – похвалил он, и стало приятно. – Там, на трассе, тебя нехило тряхнуло, потому наши и засекли, они как раз по таким всплескам и ищут таланты, – Николаич усмехнулся. – Ты в курсе, что мозги сварила тому типу в джипе? За одну минуту? – оgoroшил он меня следующей порцией шокирующих сведений.

К-как сварила?! Я икнула, представив картину, и желудок скакнул к горлу, я едва справилась с волной горечи.

– Это покруче, чем сердце остановить, – продолжил препода. – Так что, отправной точкой можно считать тот день, потому тебе сейчас всё так легко даётся всего лишь с третьего дня обучения, – Николаич внимательно посмотрел на моё обескураженное лицо. – Твои способности подстраиваются под тебя, получив толчок, такое бывает от сильных потрясений, но довольно редко, – разъяснил он ничего не понимающей мне.

– Я жить хотела, – тихо ответила, вспомнив тот кошмарный день. – Но я ничего не помню... – растерянно добавила, покосившись на него.

– Блок, – кивнул Николаич. – Такое тоже бывает, защитный механизм психики. Снять хочешь? – осведомился он, и я отчаянно замотала головой – не хочу знать, что тогда произошло, совсем не хочу. – Хорошо, не будем. Так, медитацией каждый день заниматься, лично проверять буду, – строго сказал он, приступив к основному вопросу нашей встречи. – К завтрашнему утру напишу список книг, возьмёшь в библиотеке. Раз ауры уже видишь, учи спектры, они от эмоций зависят, потом будем учиться влиять на эти самые эмоции. Да, кстати, ауры вампиров и сильных магов тоже имеют отличия, считаешь, – добавил Николаич, закрыв папку с моим досье.

– Маги тоже есть? – удивилась я.

– А то, – кивнул Николаич. – И тёмные, и светлые, всякие, это со всеми на лекциях будешь проходить. По медитации разрешаю пропускать, – на его губах снова мелькнула усмешка, – но зачёт сдаёшь мне лично через две недели, к дыханию и расслаблению отключение внутреннего диалога, – он внимательно посмотрел на меня. – Пробовала?

Я кивнула, вспомнив свои самостоятельные упражнения.

– Максимум три минуты, – призналась и с сожалением вздохнула.

– Придумай точку концентрации, – Николаич откинул-

ся на спинку стула. – Что угодно, на чём можно сосредоточиться, звук, предмет, который в руках крутить можно, или представь что-нибудь перед внутренним взглядом. Подсказывать не буду, сама нащупай, у каждого это индивидуально. Засекай время, к зачёту от момента дыхания до отключения диалога должно пройти не более двух минут. Как цепная реакция, понимаешь? – объяснил он, и я снова медленно кивнула, внимательно слушая. – В идеале, одновременно с дыханием должны начать мышцы расслабляться, и потом внутренняя речь отключаться. Методичку возьмёшь, думаю, справишься.

– Хорошо, – коротко ответила я, не сводя с него взгляда.

– Как освоишь, пойдём дальше, – Николаич помолчал, задумавшись ненадолго. – Ещё почитай теорию гипноза, следующее осваивать будем копание в мозгах, – он соединил пальцы, глянув на меня, в глубине его глаз блеснули весёлые искорки. – Вообще-то, это во втором полугодии начинают проходить, но мне кажется, у тебя пойдёт.

– Семён Николаевич, – тихо произнесла я, всё-таки решившись спросить. – А... можно вопрос?

– Ну? – брови куратора поднялись.

– Почему Вердена назначили старостой? Он ведь по силе не выделяется среди остальных, – быстро, пока не растеряла храбрости, проговорила я.

Препод потёр подбородок, покосившись на меня со странным выражением во взгляде.

– Как экстрасенс – да, – наконец ответил он. – Его потолок – класс В, ну может, через пару-тройку лет и до С доползёт, если будет усиленно тренироваться. Но он хороший рунный маг и ясновидящий в третьем поколении, плюс по личным качествам явный лидер. Потенциальный командир ячейки, если быть совсем точным. Способности студентов не являются секретом, потому и отвечаю, – счёл нужным пояснить Николаич.

У-у-у-у. Я скисла. Тогда да, допускаю, что он меня ещё при первой встрече прощупал и что-то почувствовал. Вот чёрт, кажется, я попала по самые помидоры.

– А почему спрашиваешь? – под внимательным взглядом Николаича стало неуютно.

– М-м, ну, – замялась. – Мне показался странным его столь явный и пристальный интерес ко мне с первых же дней знакомства, – как можно более обтекаемо выразилась я, пряча взгляд.

Высказывать взрослому мужику свои сомнения в своей привлекательности для парней показалось не совсем удобным и приличным. Куратор усмехнулся – и почему мне кажется, что он догадался о моих мыслях?

– Подбирает себе команду, – невозмутимо ответил Николаич. – Что вполне ожидаемо. Ещё что-то, Соня?

Так, похоже, моя личная война с Верденом – это только моё дело, и помогать мне никто не собирается. Ладно, провёмся.

– В этих ячейках как насчёт неуставных отношений? – прямо спросила, чтобы знать, к чему готовиться.

Дядька издал смешок, весело блеснув глазами.

– Если не мешают работе, то фиолетово, – ответ меня ни разу не обрадовал. – У нас не армия, а ячейки формируются не по половому признаку, а по балансу способностей, три, максимум четыре человека. Так что, если что, секс не запрещён, – доходчиво пояснил Николаич, и я недовольно поджала губы.

Угу, всё ещё хуже, чем думала. Но теперь хоть понимаю, к чему стремится Верден, пытаюсь подкатить ко мне, как к девушке: самая лучшая привязка – это чувства. Вот только промахнулся альбинос хренов со своими планами по соблазнению меня, постелью не привяжет, вряд ли у него вообще получится затащить меня туда. Про любовь молчу. Люблю только себя, а мужикам в принципе не доверяю ни на грамм, чтобы ещё и позволить себе такую глупость, как влюбиться в кого-нибудь из них.

– Короче, поняла, – коротко кивнула я и с места в карьер задала следующий вопрос. – Как научиться ставить блок на мысли?

– О, мать, замахнулась, – хмыкнул Николаич. – Боишься его, что ли?

– Опасаюсь, – поправила его, не желая признаваться в позорной слабости.

– Не, мысли он пока не умеет читать, расслабься, – об-

радовал куратор, и у меня чуть не вырвался вздох облегчения. – Освоишь эмоциональное воздействие, будем блокировать учиться. Всё, иди, – Николаич махнул рукой, показав, что аудиенция окончена.

Да уж, содержательный разговор, есть, о чём подумать. До общаги добралась без приключений, а вот день ещё не исчерпал сюрпризов. Ольга занималась медитацией, судя по отрешённому лицу и горизонтальному положению тела, на столе стояла сковорода с макаронами по-флотски. Я набрала в тарелку и поставила в микроволновку, стараясь делать всё тихо, чтобы не отвлекать соседку. У неё тоже стандартный А, так что пусть тренируется. Поужинав, вышла покурить на площадку и к собственному неудовольствию увидела там маячившего альбиноса. Демонстративно развернулась, собираясь прийти попозже – за десять минут не умру от никотинового голодания, – но Верден проявил удивительную прыть, в два шага оказавшись рядом и ухватив за локоть.

– Куда? – выдохнул он мне на ухо, дёрнул к себе, и моя спина оказалась прижата сильным телом альбиноса к стенке.

Блин. Этот умник ещё и свет выключил на площадке, так, что вокруг царил интимный полумрак. Как назло, никаких мимо проходящих тоже не наблюдалось к моей досаде. Р-роматника, едрёны пассатижи!! Перед глазами промелькнула картинка, виденная утром, сердце ухнуло от страха в желудок, но на Вердене была чёрная обтягивающая футболка, а в моём видении он щеголял голым торсом. Значит, есть

шанс отбиться. Ага, особенно учитывая стиснутые в железном захвате запястья и крепко прижатые его коленом ноги – даже проверенным женским приёмом не воспользоваться. Я задёргалась, пытаюсь вырваться и матерюсь, как сапожник, мелькнула суматошная мысль, а что будет, если прямо сейчас остановлю ему сердце. По головке не погладят, однозначно. Начинать учёбу в Институте с убийства перспективного студента – плохое решение. Дав подзатыльник панике, я стиснула зубы и уставилась прямо в глаза наглому альбиносу, ярость вспыхнула огненным шаром, слизнув страх, как бумажный кораблик.

– Пусти, – процедила, тяжело дыша от накативших чувств, сердце билось в горле, мешая дышать.

– Сначала поговорим, – невозмутимо ответил Верден, наклонившись к самому моему лицу, и довольно улыбнулся. – Хочу, чтобы мы работали вместе после выпуска, Соня, – это звучало слишком самоуверенно, на мой взгляд, он ведь даже не спрашивал меня, просто ставил перед фактом. – И, уверен, так и будет.

– Пош-шёл ты, – прошипела я, упрямо не отворачивая головы, хотя его губы так близко ужасно нервировали и заставляли живот поджиматься от беспокойства.

– Не упрямясь, не стоит, – Верден покачал головой, не переставая улыбаться. – Мне хорошие экстрасенсы в команде понадобятся, а ты лучшая в группе, судя по результатам. Мы сработаемся, точно тебе говорю.

Я глубоко вздохнула, прикрыв глаза и всё-таки чуть повернув голову в сторону. Затолкала порыв наорать на него поглубже и включила логическое мышление. Истерики сейчас мне ничем не помогут, так что, попробуем добром договориться.

– Верден, если не будешь тянуть ко мне загибающие лапы и успиришь свой член, я подумаю над твоим предложением, – ровно ответила я – ведь, если отбросить мою стойкую неприязнь к близким отношениям вообще с мужчиной, и в частности к намерениям Вердена насчёт меня, я бы попробовала с ним поработать, действительно.

Харизма у него есть, это чувствуется, и уверенность прёт из всех щелей. С приставкой «само»...

– Ну-у-у, – протянул он и усмехнулся. – Сонь, вот не поверишь, но меня к тебе тянет, – признался вдруг он, и чуйка подсказала, что не играет, не врёт.

В самом деле я интересовала альбиноса, как девушка. Только меня это ни разу не радует, знаете ли!

– Собака, что ли? – нервно огрызнулась я, близость Вердена начинала напрягать всё сильнее с каждой минутой. – На кости бросаешься?

– А мне нравятся худенькие, – выдохнул он мне в ухо, и я дёрнулась от пронзившего от макушки до пяток ощущения, испугавшись до чёртиков.

Хотя ощущение скорее было всё же приятным. И голос у блондина стал мягким, низким, таким... Хотелось слушать

и слушать. А вот это лишь добавило дров в костёр моей паники.

– Да не буду трахаться с тобой! – тихо прорычала я, снова дёрнувшись и выпуская эмоции из-под контроля. – Если так приспичило, погоняй лысого в сортире, или вон, к твоим услугам всё женское население общаги! – огрызнулась, невольно вжавшись в стену в бесполезной попытке отстраниться от него.

– Не груби, – совсем шёпотом отозвался он и издал тихий, довольный смешок.

Губы Вердена скользнули по шее, одарив меня ещё одним стадом бешеных мурашек вдоль позвоночника, я напряглась, как струна, замерев и боясь сделать лишнее движение. Да что за ёлы-палы?! Что ещё за странные ощущения от его наглых приставаний? Паника грозила перерасти в неконтролируемую, а в последний раз, когда это случилось, у одного типа вскипели мозги. Пора прекращать это безобразие, иначе Институт лишится потенциального лучшего студента.

– Со-о-онь, – проникновенно протянул этот ненормальный. – Повернись, а, – его губы снова прижались к коже чуть пониже уха, заставив подавиться вдохом.

– Ты на волоске от гибели, – с трудом выговорила я, и не думая выполнять его просьбу, перед глазами замелькали багровые всполохи. – Спроси у Николаича, как они меня нашли... – запнулась и сглотнула пересохшим горлом, пытаюсь взять под контроль эмоции: ну не хочу убивать, проблем по-

том не оберусь!

– М-м-м, – Верден замер, и я тихонько перевела дух – кажется, всё же внял голосу разума и моему категорическому «нет» на его приставания? – Ладно, как скажешь, Сонь, – он отпустил, и я поспешно отошла на два шага, растирая запястья и успокаивая дыхание. Раз, два, три, как там в упражнении. – Только всё равно будем вместе работать, – он усмехнулся, блеснув глазами. – Да и не только работать.

Курить расхотелось, и я молча вернулась в комнату в растрёпанных мыслях и чувствах. Какая на фиг любовь?! Я идиотка, что ли, втюриться в него?! Тут Верден крупно лопухнулся, ничего у него не получится, и понимание этого чуть-чуть подняло настроение. Ольга уже закончила заниматься и с любопытством уставилась на взъерошенную меня.

– Горячий разговор? – непринуждённо поинтересовалась она.

Я кивнула, не вдаваясь в подробности, и завалилась на кровать, медитировать. Стоило уделить серьёзное внимание контролю, в моей личной войне с Верденом это ой как пригодится. И завтра однозначно потрясу Николаича на предмет ячеек и их формирования, насколько там учитываются личные пожелания. Хочу спокойно работать, а не отбиваться от всяких озабоченных начальников.

На следующий день по расписанию опять три пары, в перерыв я поскакала в библиотеку, получив от Николаича список – по Таро кстати тоже книжица прилагалась, – и дого-

ворилась зайти вечером. Взбудораженные прошедшим днём одноклассники резко захотели наладить со мной отношения, и между парами я отбивалась от настойчивых расспросов, по ходу определив ещё парочку потенциальных командиров – их вопросы касались в основном, моих умений. Остальные пытались выяснить, где я научилась, и можно ли заскочить вечером, прояснить кое-какие моменты по лекциям. Перед третьей парой, когда меня в очередной раз настиг настойчивый Пашка с вопросом «давай дружить», рядом вдруг нарисовался Верден, ненавязчиво оттерев плечом одноклассника.

– Паш, тут занято, – спокойно улыбнулся альбинос.

Его собеседник засунул руки в карманы и вздёрнул подбородок, смерив Тима взглядом.

– А что, у нас рабовладение разрешили? – выдал он. – К Соньке теперь не подойти, да?

– Смотря с какими намерениями, – Верден прищурился.

Я пока помалкивала, мне было интересно, во что этот диалог выльется. Хотя, конечно, как Верден заявил свои призрачные права на меня, как на будущего сотрудника, слегка покорило. Паша хмыкнул.

– Что тебе до моих намерений? – небрежно произнёс он, и у меня мелькнуло опасение, как бы не вышло драки.

Староста чуть наклонился вперёд, глядя в глаза Пашке.

– Соня со мной работать будет, – негромко ответил он. – А в остальном ради бога, общайтесь, – и ещё одна небрежная

улыбочка, полная превосходства.

Он, значит, за меня уже всё решил, резвый такой, хотя я сказала, что всего лишь подумаю над его предложением.

– А Соню ты спросил о её планах после выпуска? – Паша изогнул бровь.

Грамотный вопрос, а этот парень начинает мне нравиться. Я покосилась на альбиноса, Верден же усмехнулся и вкрадчиво осведомился:

– А справишься с её характером?

Почувствовала, что краснею, и досадливо поджала губы, отступив на шаг назад от спорщиков. Нет, ну вы посмотрите на него! Что не так с моим характером?! Не нравится, не ешь...

– Я не дикая, на людей не бросаюсь, – огрызнулась и, не дожидаясь конца этого нелепого спора, поспешила на психологию, занять место.

Тоже мне, собственник, ни фига обо мне не знает, а ещё работать намерен вместе. Не удержалась и фыркнула. Нашёлся тут командир, понимаешь. Те, кто был свидетелем разговора, намёк поняли, и меня оставили в покое. Не сказать, чтобы я расстроилась, всё же общение не моя сильная сторона – Ольги с лихвой хватало. Но то, что вся группа дружно решила, будто между мной и Верденом есть что-то помимо будущего сотрудничества, задевало и вызывало желание надеть табличку с надписью «Да не сплю я с ним!!!» После физры, как и вчера, помчалась к Николаичу, обурева-

емая жаждой прояснить оставшиеся непонятные моменты.

– Ну? – куратор с интересом уставился на меня. – Уже вопросы появились? – он добродушно усмехнулся.

– Да, – плюхнулась на стул, скрестив руки на груди, и пристально уставилась на преподавателя. – На формирование ячейки влияет моё желание, с кем хочу работать, а с кем нет?

Николаич перестал улыбаться и прищурился, и я внутренне подобралась в ожидании неприятностей.

– Соня, у нас не детский сад, – жёстко произнёс он. – Хочу-не хочу можешь оставить за дверью, – и уже спокойнее продолжил. – Обычно, уже в течение первого года обучения срабатываются тройки и четвёрки, мы только корректируем потом, по результатам практики, и на третьем курсе уже начинаются задания конкретно для этих групп.

А, да, ещё и практика какая-то будет, директор же говорил... Я поджала губы и всё же рискнула рассказать про наглое поведение альбиноса. Может, Николаич приструнит его и прочитает, как не подобает будущим командирам вести себя с будущими подчинёнными?..

– Вчера Верден опять приставал, – кратко ответила я. – И я его чуть не грохнула, как тогда, на дороге, моего похитителя. По-прежнему думаете, что его идея сделать меня личным экстрасенсом хорошая? – посмотрела ему в глаза, но к сожалению, не увидела там страха или понимания.

– Для того и нужна медитация, чтобы уметь сохранять хладнокровие и концентрацию, и контролировать способно-

сти, – спокойно отозвался Николаич, ничуть не впечатлённый моим признанием.

Сдерживать дальше эмоции не смогла.

– Да блин! – я вскочила и прошлась перед куратором, потом остановилась и опёрлась ладонями о его стол. – Слушайте, давайте начистоту. Всё бы хорошо, но вот чего он ко мне лезет?! Мало доступных девчонок, что ли?! Почему по-хорошему не попытался договориться, а сразу в постель потащил? – выкрикнула в лицо собеседнику, возмущение кипело, требуя выхода.

– Прямо-таки сразу? – Николаич усмехнулся, оставаясь спокойным, как сфинкс.

Я на мгновение сбилась: чёрт, а ведь прав, Верден пока что ни разу не сказал прямо, что хочет секса со мной. Так, только намекал, что я заинтересовала его не только как будущий сотрудник с ценными навыками и способностями. Воспользовавшись моим замешательством, Николаич невозмутимо продолжил.

– Соня, он мужчина, и просто решил совместить приятное с полезным, что в этом страшного? – брови куратора поднялись в искреннем недоумении.

Мужчины! Я чуть не всплеснула руками, уже понимая, что поддержки здесь не дождусь, и мои загоны Николаича ничуть не трогают. Ну читал же досье, должен понимать, что после достопамятной встречи с Федькой и ко, я совершенно не жажду снова оказаться во власти мужчины!

– Не смешите мои коленки! – фыркнула я. – Посмотрите на меня и скажите, что тут приятного? Поддержаться толком не за что, ни спереди, ни сзади! – меня уже несло, и остановиться было крайне сложно.

– Посмотреть? – взгляд Николаича оценивающе прошёлся по мне, и я вдруг на мгновение смутилась, раздражение и злость как-то разом поубавились. – Посмотрел. Честно? – я кивнула, отчего-то оробев и совершенно некстати разволновалась. – Передо мной миленькая, симпатичная девчушка, не красавица, конечно, но и не откровенно страшная. А насчёт поддержаться – Сонь, ну вот откуда в твоей голове аксиома, что всем мужикам нравятся ядрёные бабищи с жопой в два обхвата и астраханскими арбузами вместо грудей? – Николаич насмешливо хмыкнул, и даже я улыбнулась, представив себе описанную картину. – Многие как раз худеньких предпочитают, сразу просыпается чисто мужское желание оберегать и защищать столь хрупкое создание, – в его последних словах отчётливо прозвучала ирония, и мои эмоции вспыхнули с новой силой.

– Это я-то хрупкое создание?! – я аж поперхнулась, с возмущением уставившись на куратора.

Николаич изволил заржать.

– Неа, ты колючая и дикая, как уличная кошка, – весело проинформировал он и вдруг перестал улыбаться, взгляд снова стал жёстким. – Ну-ка, сядь, Соня.

Я повиновалась, не рискнув возразить или артачиться.

Похоже, именно сейчас и будет тот самый серьёзный разговор, которого в глубине души я опасалась.

– А теперь слушай, – он прищурился. – Тим дурак, что начал действовать слишком резко и грубо, за это ещё получит по шее. Ты дура, что никак не можешь справиться со своими тараканами и нежно взращиваешь их, вместо того, чтобы разом отравить дихлофосом. Тебя сюда взяли не розовые слюни разводите, и потом, после выпуска, вы будете не в бильярд играть. Летом полевая практика, в условиях, максимально приближенных к реальным, и вот по этим-то результатам, а не по личному отношению, и будут смотреть, кто с кем сработается, – последние слова Николаич произнёс уже спокойнее, а вот я после его отповеди завелась не на шутку.

– Бл... чёрт! Вам что, совсем фиолетово, что меня бесят его наглые замашки?! – заорала я, выведенная из себя. – Как я смогу с ним работать, если от одного его присутствия меня корёжит от злости?!

– Соня, – Николаич насмешливо хмыкнул, мой выброс не вызвал у него особого раздражения. – Если убрать то, что полгода назад тебя грубо трахнули три полупьяных подростка, скажи честно, Верден тебе совсем неприятен?

Я заткнулась, снова озадаченная. Как-то вообще до сих пор не задумывалась на эту тему, ибо рядом с альбиносом на первый план вылезала настоящая потребность держаться от него подальше. Невольно вспомнилась наша встреча в курилке и моя странная реакция на его неожиданные поце-

дуи. Попыталась проанализировать и поняла, что это точно не отвращение, а если убрать панический страх, заслонивший тогда почти все другие эмоции...

– Я, конечно, могу тебе в голову залезть, но хочу, чтобы сама ответила, – куратор соединил кончики пальцев, не сводя с меня внимательного взгляда. – В первую очередь для себя самой. Ну?

Что ну? Привлекательный, что уж, даром, что альбинос, это я сразу заметила, ещё при первой встрече.

– Нет, не неприятен, – буркнула я, насупившись, и тут же вскинулась. – Я не доверяю ему!

– Как мужчине, или как человеку? – последовал тут же следующий точный вопрос вопрос.

– Э-э-э... – я зависла, моргнув.

А есть разница, что ли?

– Сонь, секс – это просто секс, тебя замуж никто не тащит и открывать душу не просит, – Николаич вздохнул. – У Тима нормальные мужские желания, между прочим. Или тебе хочется красивых ухаживаний? – он хитро прищурился. – Цветов там, конфет, походов в кино? – в этих словах звучала откровенная насмешка, и мои эмоции снова пришли в движение.

Мне?! Ухаживаний?! От Вердена?!!

– Какие на хрен ухаживания? – я вытаращилась на Николаича. – Какой секс? Мне он сто лет не сдался, ни Верден, ни секс! Я вообще учиться сюда пришла, а не решать лич-

ные проблемы! – сердито добавила, уже совершенно запутавшись, что от меня хотели и к чему вообще весь разговор.

– А зря, – невозмутимо отвечивал этот страшный человек. – Это я про секс, между прочим. Это весьма приятно и для молодого растущего организма даже полезно, – назидательно добавил он, подняв палец, а в его глазах плясали искорки смешинок.

– Знаете, что? – я решительно встала и категорично заявила, наставив на него палец. – Катитесь вы, со своей пользой, и Вердена туда же прихватите! И работать с ним фига с два буду!

– Соня, – снова тот же жёсткий тон. – Ты чего от меня хочешь? Чтобы пожалел и по головке погладил? Или чтобы наказал этого противного Тима? По попе, например, отшлёпал, или пальчиком погрозил? – я почувствовала, как краснею, и отчаянно помотала головой. Звучало действительно глупо. – Ему надо учиться подход к людям искать, тебе – справляться со своими проблемами самостоятельно. Так что, уж извини, если попросит, я дам ему твоё досье почитать.

Я дёрнулась, но ничего не сказала. Справедливо, мне же сказали о нём. Молча развернулась и потопала к двери, но едва открыла, Николаич снова заговорил.

– Знаешь, говорят, клин клином вышибают, – небрежно обронил он, и я вопросительно посмотрела на него через плечо. – Негатив снимается позитивным опытом, – с усмешкой пояснил куратор. – И знаешь, что-то мне подсказывает,

с Верденом вы сработаетесь.

Если такое заявляет сенс высшей категории, значит, это не просто догадки. Я тоскливо вздохнула, поняв, что в этом вопросе проиграла подчистую.

– То есть, моё мнение уважаемое руководство Института совершенно не волнует? – уточнила на всякий случай.

– Мы доверяем интуиции потенциальных командиров, – последовал спокойный ответ Николаича. – И обычно они не промахиваются. Тим раньше всех разглядел тебя, ему и карты в руки.

Вот, значит, как, кто первый того и тапки. Ладно. попрощалась с куратором и вышла из его кабинета. В общагу вернулась в глубокой задумчивости и плюхнулась на кровать, вяло подумав об ужине, однако есть особо не хотелось. Ольга тоже валялась с конспектом, но едва я появилась, отложила тетрадь и уставилась на меня внимательным взглядом.

– Паришься? – непринуждённо поинтересовалась Ольга.

– Нет, знаешь, наслаждаюсь, – вяло огрызнулась я на её любопытство.

– Зря, – она покачала головой.

– Хрена он привязался? Ладно бы просто по будущей работе, но остальное! – я нервно вздохнула и взъерошила и без того растрёпанные короткие волосы.

– Инстинкт охотника, – Ольга пожала плечами. – Пока убегаешь, есть азарт погони. И потом, Сонька, ну чего плохого в сексе-то, а? Ну переспите пару раз, он перегорит, дальше

будете нормально общаться, – непринуждённо добавила она.

Легко ей говорить, для меня лично ничего хорошего в сексе как раз нет. Понимаю, что это мои личные законы, что после такого резко отрицательного первого опыта другого быть не может, но... Чёрт, слишком мало времени для меня прошло, и слишком силён страх, засевавший глубоко в подсознании. Однако Ольге о моих переживаниях знать совсем необязательно.

– Я ему не дичь, – насупилась я, вытащила сигарету и переместилась к открытому окну. – И потом, а вдруг мне не понравится? – задумчиво добавила, созерцая улицу вниз. – Что тогда делать?

– О, так мы уже рассматриваем вариант с Верденом, хотя бы в теории? – ехидно усмехнулась Ольга. – Мать, ты часом не девственница? – с притворной озабоченностью уточнила она.

– Нет, – затянулась, глядя на тёмную улицу. Уже свежо пахло морозцем, того и гляди снег со дня на день пойдёт, несмотря на октябрь. Подумав, продолжила. – Меня в выпускной трое ушлёпков прямо во дворе изнасиловали.

Ольга тихо присвистнула.

– Тогда понятно, – она помолчала и осторожно продолжила. – Но, Сонь, правда, было и было. Мне кажется, тебе стоит подумать о Вердене, правда, он точно тебе плохого не сделает. Никто же не заставляет тебя влюбляться в него, да и он вряд ли втюрился в тебя с первого взгляда. Ты ведь так

не считаешь? – словно невзначай обронила она и покосилась на меня со странным выражением.

– Я что, похожа на дуру? – пожалала плечами, сделав очередную затяжку.

– Вот и славно, – повеселев, ответила Ольга. – А с нормальным мужиком это очень даже приятно, поверь.

Я неопределённо хмыкнула, не зная, что ответить. Ну не тянуло меня проверить, как это, когда не по принуждению и против воли, а по взаимному согласию.

– А хочешь, проверю, каков Верден в постели? – вдруг предложила Ольга, и я чуть с окна не свалилась.

Ни фиги себе, заявленьице! Выкинула окурок и уставилась на довольно ухмылявшуюся соседку.

– С дуба рухнула? – наконец выговорила я. – Какая мне разница, какие у него умения в постели? – на всякий случай добавила, чтобы Ольга не вздумала предположить, будто мне не всё равно, с кем там альбинос путается.

– Считаешь, я не способна его соблазнить? – Грановская хихикнула. – Да ладно, Сонь, если мужик не влюблён окончательно и бесповоротно, затащить его в постель как нефиг делать. Или ревнуешь? – она хитро прищурилась.

– Да боже упаси, – для наглядности перекрестилась, хотя в бога не верила. – Может даже, он на тебя переключится и отстанет наконец от меня.

– М-м, не думаю, – она посерьёзнела. – Сонь, ты только не пугайся, – вот зря она так сказала, потому что я тут же на-

приглась. – Мне кажется, тут всё гораздо глубже, чем просто влечение или тот же охотничий инстинкт. Когда смотрю на него, как он наблюдает за тобой на парах и в перерывах, знаешь... – Ольга замялась, подбирая слова. – Ощущение, будто между вами есть незримая связь какая-то. И это не любовь.

Я сглотнула, по спине неожиданно пробежал холодок. Странные слова соседки напугали, признаться. Где-то в глубине души у меня тоже росло странное убеждение, что интерес Вердена имеет под собой нечто большее, чем внезапно вспыхнувшую страсть...

– Ты вот на что сейчас намекаешь? – хриплым от волнения голосом спросила я. – Какая к чёрту связь?!

– Ты меня спрашиваешь? – она нервно облизнулась. – Понятия не имею. У Николаича спроси, если ответит, он всё-таки экстрасенс высшего класса, может, почувствует точнее, что это такое.

Бли-и-ин. Ну говорила же, влипну с этим Верденом!

– Так что, соблазнять его или как? – соседка снова вернулась к недавней теме разговора, несколько поспешно, что не прошло для меня незамеченным. – Или присмотришься к другим кандидатурам из наших мальчиков?

Я хмыкнула, вернувшись на кровать.

– Оль, да кто на меня взглянет, кроме этого извращенца красноглазого? Все только на мои способности слюной капаяют, видела, как сегодня резко обострился инстинкт дружбы у всей группы? Кстати, что характерно, независимо от поло-

вого признака, – я невесело усмехнулась. – И вообще, какие кандидатуры, о чём ты? Я не хочу ни отношений, ни чувств, не надо мне это, я учиться хочу, раз меня угораздило сюда попасть. И проблему Вердена с его нездоровыми желаниями тоже хочу решить как можно быстрее и с минимальным ущербом для собственного душевного равновесия, – решительно заявила, тема разговора начинала слегка раздражать.

– Ну так это легко, – Оля пожала плечами. – Пара жарких ночей, он успокоится, ты перестанешь думать, что секс – это больно и противно. Обоюдная выгода налицо. По-моему, игра стоит свеч, м-м? Или боишься, что втюришься? – поддела она с ухмылочкой.

Я так выразительно посмотрела на соседку, что та тихо заржала. Вообще, чего это она так упорно пытается подложить меня под альбиноса, ей-то что за выгода? Уговаривает, понимаешь, играя в моего личного психолога и убеждая, что это поможет мне справиться с последствиями изнасилования. Но задавать этот вопрос почему-то не стала.

– Я похожа на идиотку, которая способна влюбиться? – фыркнула в ответ на нелепое предположение соседки.

– Ну тогда вообще ноль проблем, Сонька, – Грановская потянулась. – Я проверю, каков этот герой-любовник в постели, и если очень даже ничего, вперёд, подруга, покорять сексуальные горизонты, – весело заявила она, и я чуть не поперхнулась от её слов. – Поверь, не решишь проблему сейчас и сама, никто не поможет. Личный опыт самое действенное

лекарство, причём желательно без чувств, по крайней мере, первое время, – назидательно закончила она и подняла палец.

– Ты прям как Николаич говоришь, – пробормотала я, чувствуя, что она в чём-то права, но упрямо не желая сдаваться разумным доводам.

Страх? Отвращение? Воспоминания о боли и жгучей ненависти к ухмыляющимся, довольным ромам? Зажмурилась и трянула головой. Да едва Верден поцелует меня, я ж на стенку полезу в панике. Как заставить себя успокоиться, когда подсознательные реакции и эмоции совершенно не поддаются контролю? А другого так вообще не подпущу к себе на пушечный выстрел, не говоря уже о том, чтобы первой подойти, да ещё с таким откровенным намерением. Вердена спасает только несусветная наглость и излишняя самоуверенность, других таких в группе нет, остальные парни вроде, не настолько ушибленные на всю голову. Ну и решительность, чего уж тут. Вместо цветочков-василёчков сразу расставил приоритеты, и обозначил намерения. Другое дело, что я с ними не согласна...

– Соня, давай честно, забудь о тех уродах хотя бы на пару минут, – Ольга не сводила с меня прищуренного взгляда. – Чисто как самец, хотя бы в теории, Верден тебе нравится?

Задумалась, вспомнив необычное лицо с красноватыми глазами, усмешку, лёгкую, едва видную небритость и вполне себе рельефное тело. Как на лестнице странно реагировало

уже моё тело на его близость и откровенные наглые приставания. Кстати, ни разу не грубые, как он целовал мою шею, мне... приятно было... Ы-ы-ы, значит, дело в мозге, что ли, и Николаич с Грановской правы?..

– Судя по молчанию, ответ утвердительный, – продолжила Ольга спокойно. – Уже хорошо. Значит, отвращения нет, а есть только страх? – продолжила она настойчивые расспросы.

– Ну, наверное, – я неуверенно кивнула – желание разобраться в себе пересилило настороженность и опасение откровенности по сути постороннему человеку настолько глубоко.

– Решаемо, – кивнула Ольга. – Значит, налицо исключительно негативный опыт, от которого психика и отталкивается. Тебе просто нужен грамотный любовник, Сонька, вот и всё, и все твои страхи благополучно уйдут, – тоном опытного профессора психологии произнесла она. – Насчёт планов Вердена работать с тобой, – Ольга помолчала. – Пока, мне кажется, рано об этом не то, что говорить, думать даже. Будет практика, там и станет ясно, что к чему. Да и вообще, три года учиться, произойти может всё, что угодно. Так, всё, тему закрыли, – она решительно выпрямилась. – При первом же удобном случае проверну в лучшем виде, а там уже тебе решать, что к чему, – Грановская подмигнула и ухмыльнулась.

На том и порешили. Дальше вечер прошёл спокойно и раз-

меренно: поужинали, позанимались, да и завалились спать. Перед самым сном меня вдруг дёрнуло в Таро залезть, спросить про Вердена, благо книжку я взяла, а Николаич сказал осваивать потихоньку. Ольга, отвернувшись к стенке, уже тихо сопела в две дырки, а я рассыпала колоду по одеялу и наугад вытащила карту, но за неё зацепилась ещё одна. Верден, Верден, кто ты в моей жизни?.. Перевернула – Шут и Император. Офигеть, и почему я знаю, кто из них кто?

...Мне не спалось. Я уже минут сорок ворочалась, но сон не шёл, в голове крутились всякие мысли, по большей части нерадостные. Права ли Ольга, насчёт хорошего любовника без всяких сантиментов? Прав ли Николаич, прозрачно намекнув на то же самое с Верденом? И почему, чёрт возьми, меня так настойчиво подталкивают к альбиносу, не оставляя больше никаких вариантов? Может, поступить наоборот и влюбиться в какого-нибудь хорошего человека? Ага, а как я узнаю, хороший ли он, и вообще, по-моему, по заказу ещё никто не влюблялся... И не тянет как-то совсем ни на какие чувства, это ж доверие тогда нужно, а я даже себе порой не очень верю, что говорить о другом человеке. Плюнув на сон, встала, набросила халат, сунула сигареты в карман и пошлёпала на лестницу. В башке и в душе полный раздрай, давно меня так не колошматило. Пожалуй, со дня смерти родителей.

Узрев на скамейке в углу тёмную фигуру, едва не рванула обратно в минутном порыве паники, потом устало вздохну-

ла и молча отошла к стенке, достав сигарету. Глупо так демонстративно шарахаться, всё равно мы будем сталкиваться и вне учёбы, раз уж ещё и соседи по блоку. Ну и, всё-таки надо попытаться нормально поговорить, наверное.

– Не спится? – негромко спросил Верден.

Я не видела, смотрит ли он на меня, зато отлично чувствовала его взгляд. Изучающий и внимательный, от него по коже немедленно поползли мурашки, щекоча невидимыми лапками и заставляя ёжиться.

– Нет, – кратко ответила я, щёлкнув зажигалкой.

– Я сегодня твоё досье пролистал, – продолжил он.

– И? – выпустила дым, не испытывая ничего от этого факта – ни стыда, ни возмущения. Ну, читал и читал. Изменить всё равно нельзя, а Николаич предупреждал, что если Верден захочет ознакомиться с моим личным делом, препятствовать не будет. – Жалеть будешь?

– А надо? – получила встречный вопрос, заданный на удивление спокойным голосом.

Что-то Верден не похож на себя, реально, что ли, куратор ему втык дал за неправильное поведение со мной?

– Нет, – сухо произнесла я и добавила, чтобы сразу уж расставить точки. – И цветов тоже не надо, ставить некуда, конфеты я не люблю, а отношений мне сто лет не надо, ни лёгких, ни тяжёлых, и в защите я не нуждаюсь, как и в заботе.

Надеюсь, этого ему достаточно, чтобы понял, что со мной гораздо удобнее просто дружить, и отвял с грязными намё-

ками.

– А чего тебе тогда надо, Соня? – снова спросил Верден с нотками неподдельного интереса.

Ну надо же, сподобился спросить моё мнение. Точно, Николаич постарался мозги на место вставить.

– Честно? – покосилась на него, не совсем уверенная, что альбинос не затеял очередную сложную игру по подборанию ко мне ключика.

И что ему в самом деле интересно моё мнение.

– Желательно, – светлая голова наклонилась.

– Партнёрства, Верден, – я помолчала, собираясь с мыслями и формулируя их по возможности кратко. – Партнёрства на равных. Не приставал бы, я бы серьёзно подумала о твоём предложении вместе работать, – не удержалась и снова озвучила своё главное условие.

Послышалось весёлое хмыканье.

– Сонька, ну вот тянет меня к тебе, веришь? – на сей раз, заявление Вердена уже не вызвало такого тотального удивления.

– Про любовь не грузи, а, – я досадливо поморщилась, стряхнув пепел. – Мы знакомы три дня, я в сказки не верю.

– Какая любовь, о чём ты? – искренне удивился Верден. – Я просто хочу тебя, а это большая разница.

Ну что ж, по крайней мере, честно. Мне ни капли не обидно, я даже облегчение почувствовала. Любовь не поддаётся контролю, а влечение – очень даже. Пожала плечами, заты-

нувшись.

– Если трахнемся разок, отстанешь? – спокойно и даже небрежно спросила, выпустив дым.

Если это решит проблему нашего общения, готова и на такой подвиг, уж больно не хочется, чтобы что-то учёбе мешало. Я, когда сегодня на уроке ауры увидела, и потом уже в общаге осознала, что сотворила, такой драйв почувствовала, что хотелось скакать по потолку от радости.

– Чего ты такая грубая? – я услышала вздох. – Трахнемся, трахнемся... Кролики трахаются, а мы займёмся сексом, так звучит гораздо лучше. И почему разок? – Верден издал смешок. – А если понравится?

Я покачала головой, затушив окурок, и тут же достала новую сигарету. Очень уж странный разговор выходил, я бы даже сказала, волнительный в определённой степени.

– А вот это вряд ли, – уверенно ответила альбиносу, и запоздало поняла, как это прозвучало для него.

Как вызов.

– Сомневаешься в моих способностях? – ну надо же, даже не обиделся, что удивительно, вон как весело голос звучит.

Хмыкнула и повернулась к нему, прислонившись спиной к стене.

– Слышь, вампир недоделанный, хочешь партнёрских отношений, перестань вести себя, как озабоченный пятнадцатилетний подросток, – решительно заявила Вердену. – Максимум, что тебе может перепасть, это одна ночь со мной, и

то, если я соглашусь. И пытаться ухаживать за мной не надо, мне все эти нежности и розовые слюни как рыбе зонтик, – поморщившись, добавила на всякий случай, чтобы у него совсем иллюзий не осталось.

– Значит, в общем и целом, ты согласна со мной работать? – уточнил Верден.

– Условия я озвучила, – сухо повторила я и затушила наполовину выкуренную сигарету – вдруг резко расхотелось курить. – Всё, или ещё вопросы остались? А то я спать пошла.

– Иди сюда, – неожиданно произнёс Верден.

Спроси кто меня, почему я молча не развернулась и не ушла, не отвечу, честно. Возможно, виновато нездоровое любопытство, которому страшно захотелось узнать, что этому альбиносу надо.

– Зачем? – насторожилась я, внутренне подобравшись.

– Не съем, не бойся, – теперь я ясно разглядела на его лице усмешку. – И даже не укушу.

Не удержалась и фыркнула.

– Со-о-онь, – протянул Верден. – Засунь свои колючки в портмоне и поглубже, я тебя не жить вместе зову. Просто подойди и всё.

Ну в самом деле, не завалит же прямо здесь, на скамейке. Я осторожно приблизилась и остановилась в паре шагов.

– Ну? Резче, что хотел?

Верден вдруг выпрямился, ухватил меня за руку и дёрнул

к себе на колени. Зашипев, как ошпаренная, я попыталась вырваться, но эта скотина красноглазая, обняв одной рукой, крепко сжал оба запястья – не напрягаясь, между прочим, и достаточно аккуратно, – а второй ухватил за подбородок, заставив смотреть в глаза.

– Пусти, пр-р-ридунок!.. – меня трясло от вспыхнувшей злости и ещё немножко от страха, но последний я худо-бедно контролировала.

– Не дёргайся, – спокойно заявил этот... альбинос хренов. – Я девушек не насилую в отличие от тех ублюдков, которых ты грохнула.

– Да-а-а-а?! – издевательски протянула я, но вырваться перестала – смысл? Отпустить не отпустит, а на запястьях синяки могут остаться. – Тогда зачем хватаешь? Я не собираюсь тут с тобой целоваться, между прочим! – вот зачем, спрашивается, ляпнула?

Не иначе, как от нервов плохо контролировала соображалку.

– Трусиха, – усмехнулся Верден. – Даже попробовать не хочешь.

«Тебе надо, ты и пробуй», – вертелось на языке, но мне хватило ума промолчать. Такой Тим, спокойный, уверенный в себе, откровенно пугал, потому что я не знала, чего от него ожидать. Вот сейчас он просто обнимал одной рукой, не пытаясь ни залезть под халат, под которым кроме трусиков и коротенькой маечки ничего больше не было, ни облапать за

всякие места. Держал за подбородок и пристально пялился, поблёскивая в густом полумраке глазами.

– Расслабься, Сонька, – он наклонился чуть ниже, и я плотно сжала губы, делая глубокие вдохи и усмиряя взметнувшийся страх – умом понимала, что эта эмоция тут лишняя, плохого мне делать не собираются, но поди убеди подсознание... – Это не больно, честно.

– Пусти, а, – процедила я сквозь зубы, сердце гулко колотилось в груди от какого-то тревожно-волнительного, не совсем понятного мне ожидания.

– Да не бойся, – его голос стал совсем тихим, бархатистым, и, чёрт, похоже, тело лучше меня знало, как реагировать – потому что пока я суматошно собирала по закоулкам сознания самообладание, оно расслабилось, немного откинувшись на руку Вердена, и ему стало как-то подозрительно жарко.

А я снова испугалась, только теперь совершенно незнакомых ощущений, вытеснивших застарелый страх боли и насилия. Я понятия не имела, что сейчас делать, потому что интуиция, как ни странно, сигналов бедствия и тревоги не подавала. Палец Вердена медленно обрисовал конур моих губ, потом ещё раз, и ещё, пока я не перестала их сжимать с упорством партизанки, поклявшейся не сказать ни слова проклятым фашистам.

– Просто поцелую и всё, – в шёпоте альбиноса отсутствовали привычные самоуверенные нотки, но и слащавой неж-

ности тоже не слышалось, однако слова звучали мягко, успокаивающе. – Не понравится, отпущу...

Его губы коснулись моих, не дожидаясь ответа, я напряглась и одновременно растерялась – что делать-то?! По факту, ведь первый раз целуюсь с кем-то... Непроизвольно стиснула зубы, чутко прислушиваясь к себе и пытаюсь уловить отголоски отвращения, понять, нравится мне или нет, и пропустила момент, когда делать начал Верден. А именно, медленно поглаживать языком, одновременно слегка покусывая, но не пытался покушаться на пространство за зубами и заставить открыть рот. Отметила, что его пальцы уже не держат подбородок, а переместились на затылок, легонько массируя, и всё вместе оказалось... неожиданно приятно. Особенно то, что альбинос не переходил границ, не распускал рук, и вообще, действовал на удивление осторожно – мелькнула странная мысль, будто на вкус пробовал. Никаких звёздочек перед глазами, головокружения или тем паче пресловутых мурашек, как в женских романах, однако я млела от происходящего, расслабившись настолько, насколько это было возможно. Признаюсь, в тот момент Верден усыпил мою бдительность, и страх отступил на задворки сознания, выпустив на первый план доселе незнакомое мне удовольствие. Не знаю, сколько времени вот так пролежала у него на руке, позволяя целовать себя, он отстранился первый.

– Ну? – Верден тихонько рассмеялся. – Не умерла? Мир? Я выпрямилась, благо меня уже не держали, и встала,

одёрнув халат.

– Перемирие, – коротко взглянула на него, невольно отметив, что мои губы слегка покалывало, и их очень хотелось облизнуть или потрогать пальцем. – Ты не ответил насчёт партнёрства.

– Сонь, я командиром буду, старшим по званию, – Верден откинулся на спинку скамейки, посмотрев на меня снизу вверх. – Мне придётся приказы отдавать и решения принимать те, которые нужно, а не те, которые тебе нравятся, – разъяснил он то, о чём я, в принципе, и так догадывалась. – И тебе придётся подчиняться мне.

Ну, понятно, равноправия не дождусь. Я прищурилась и посмотрела на альбиноса ещё разок.

– Приручить не пытайся, – отрывисто произнесла, с безнадёжностью понимая, что он не отвяжется, с работой так уж точно. – Я не зверёк, и вестись на твоё обаяние не собираюсь.

– О, а я таки обаятельный в твоих глазах? – насмешливо поинтересовался Верден, заложив руки за голову. – Прогресс, однако.

– Да иди ты! – рывкнула я, выведенная из себя невозмутимостью старосты, и рванула дверь коридора, твёрдо намереваясь пойти спать.

Тоже мне, соблазнитель... Но я могла гордиться собой: один поцелуй не заставил меня тут же растаять и растечься лужицей и броситься в объятия Вердена с криком «Вася, я ваша навеки!» Страстного желания повторить не испытыва-

ла, хотя и врать себе не стала: было приятно, и мне понравилось. Ладно, пора спать идти, не хочется завтра на медитации уснуть ненароком. Вот, кстати, сяду назад и посмотрю, чем живут мои одноклассники, заодно цвета аур повторю. Верден сказал, что просто хочет меня? Проверю. Если не врёт, будет фиолетовым отсвечивать с зеленоватым – признак экстрасенсорных способностей. Если что другое, тоже увижу.

Вернувшись в комнату, я свернулась калачиком под одеялом и моментально вырубилась. Кошмары не снились, равно как и эротические сны с участием красноглазого недовампира.

Дальше я с головой окунулась в учёбу, напрягаясь по полной, так что на всякие глупости времени просто не хватало. При каждом удобном случае оттачивала упражнения по медитации, доводя до автоматизма, изучала Таро по книжке, наугад вытаскивая карту и стараясь понять её значение, а потом Николаич подкинул ещё одну идейку, вручив ящик и посоветовав просить в него спрятать что-то и по тем же картам пытаться угадать. Ольга тихо офигевала, когда я безошибочно определяла её фото с паспорта – вытянув королеву Посохов, что означало женщину-шатенку, потом сторублёвую купюру – какая-то карта масти Монет, проще не придумаешь, и на закуску – любимый кастет Грановской, Сила, по которой не сразу опознала предмет и для подтверждения карта Мечей, что говорило об оружии. Ну и так и повелось: после неизменной физкультуры медитация, потом упражне-

ние с коробкой. Потом перекрёстный допрос друг друга по лекциям, зубрёжка рун по демонологии – нам начали рассказывать о способах нейтрализации всяких гадов с помощью пентаграмм и рунных формул. И спецзадания Николаича, кои я регулярно получала от него.

После успешной сдачи зачёта по медитации мы начали осваивать следующую ступень, умение видеть ауры без долгой концентрации. Точнее, у меня теперь получалось за пару-тройку глубоких вдохов почти сразу находить точку равновесия, частично расслабившись и убрав ненужные мысли, и мир вокруг расцветал. Кстати, Верден к моей досаде не соврал: его энергетическая оболочка ровно переливалась густо-фиолетовым всегда, когда смотрела на него, с неизменными зелёными всполохами, становившимися постепенно ярче – альбинос тоже не стоял на месте в плане развития способностей.

Он поумерил свой пыл, что не могло не радовать, но вместе с тем не упускал момента, при каждом удобном случае зажимая меня где-нибудь в уголке и приставая с поцелуями. И рада бы отбиваться, да вот только грубостей он по-прежнему себе не позволял, действуя настойчиво, но вместе с тем мягко. И без соплей и сюсюканий. Не пытался убедить, что весь из себя такой расписной и хороший, ну и я не дура, понимала, что цель у его действий одна: чтобы привыкла к нему, не шарахалась и не принимала в штыки его близость к своей тушке. Верден по-прежнему оставался са-

моуверенным типом, ироничным до зубовного скрежета – моего, – насмешливым и наглым, что демонстрировал при каждом удобном случае. Однако я обратила внимание, что альбинос научился очень точно выбирать стиль общения с людьми, поворачиваясь к ним то одной, то другой своей гранью. Той, которая нужна для установления нужных ему отношений. Манипулятор хренов...

Радовало то, что ко мне он свои штучки не применял, ибо я очень чётко чувствовала фальшь в поведении, а уж особенно, когда пошло дело с аурами. Со мной он был настоящим, насколько это было возможно, без всяких масок и театров одного актёра. Грело душу и то, что обманывать не пытался. Уважал? Возможно. Я не разбиралась, не до того было, честно. Оставила пока, как есть, благо дальше поцелуев дело не заходило, а целоваться с ним мне всё-таки нравилось. Иногда, под настроение, что случалось редко. Поцелуи тоже пока оставались достаточно целомудренными, без бешеной страсти. Скорее, просто нежные прикосновения к моим губам. Собственно, мы получали взаимную выгоду из нашего перемирия, потому что у меня туго шла рукопашка и рунные выкрутасы по демонологии, а у Тима подтормаживала анатомия – она началась у нас в начале ноября, – и медитация. Хотя зачёт по последней он сдал, уложившись в нужное время, однако впритык, за что получил по шапке от Николаича. Так что по вечерам теперь в нашей комнате собиралась тёплая компания из меня, Вердена и Ольги, и мы занимались до

зелёных мушек в глазах и трясущихся рук, забив на время про разногласия.

Альбинос валял меня на ковре, заставляя отрабатывать скорость реакции и умение выворачиваться из захватов, потом я засаживала его медитировать, держа за руки и дыша вместе, чтобы синхронизировать и запустить процесс мгновенной концентрации. Потом руны – я исписывала формулами и исчерчивала замысловатыми пентаграммами листок за листком, от усердия высунув язык. Дальше мы гоняли друг друга по лекциям и семинарским вопросам и заданиям. Ну и на закуску я открывала анатомический атлас и терзала Вердена по строению человеческого тела. У нас начались занятия по воздействию на разные органы, это уже в середине ноября, но пока теоретические – впереди маячил зачёт по этой самой анатомии. У меня он стоял автоматом, милая женщина средних лет, Екатерина Сергеевна, убедившись, что я не путаю расположение желчного пузыря и поджелудочной, и основательно погоняв меня по тренажёру, вредничать не стала.

А ещё, неожиданно пошла стрельба. Может, дело действительно в моих способностях, но зачёты дядь Жоре я сдавала со скоростью пулемёта, выбивая центр мишени практически из любой пушки. Как-то очень легко получалось прицелиться, и яблочко словно приближалось, становясь больше, оставалось только жать на спусковой крючок и получать очередную подпись под одобрительное ворчание нашего физрука. Мы с Верденом даже устроили что-то типа социалистическо-

го соревнования, кто быстрее освоит новую пушку. За всеми этими прелестями учёбы безумная идея Ольги соблазнить вредного и порой наглого альбиноса на предмет проверки его состоятельности в постели отошла на задний план. Не до того было с нашими нагрузками.

Ближе к Новому Году, когда народ научился видеть ауры, затрачивая на концентрацию не более пары секунд, и когда все сдали анатомию, Николаич начал учить нас изменять процессы в организме, вызывая ту или иную реакцию. О, такая веселуха началась, куда там обычным шалостям студентов... Особенно учитывая, что одновременно нам поставили в расписание биохимию, куда ж без неё. Куратор сначала зачитывал теорию по болячкам и расстройствам внутренних органов, далее мы строчили на биохимии длиннющие названия ферментов и катализаторов, на что распадаются белки, жиры, углеводы, как выводятся вредные вещества, и для чего нужен цикл Кребса. Полный апофигей, особенно учитывая, что преподавательница, высокая и сухая, как палка, Марианна Викторовна, гоняла нас как сидоровых коз, устраивая перед каждой лекцией письменные мини-опросы. Картина маслом: лестница, плавающие сизые клубы дыма и студенты со стеклянными взглядами, уткнувшись в тетради. Если прислушаться, бубнёж состоял из следующих реплик:

- Рибосомная РНК содержится в митохондриях...
- Макроэргические связи в молекулах АТФ... Придурок, сам ты макроэротический!! Расшифруй, раз такой умный,

что такое АТФ?!

– Аденазинтрифосфорная, ушлёпок, и очень неустойчивая!

– Цикл Кребса, цикл Кребса... ага-а-а, цикл трикарбоновых кислот... А-а-а, ё-моё, народ, я не успел переписать с доски, что после сукцината получается!!

– Фумарат, дятел.

– Спасибо, Наташенька, я тоже тебя люблю, кислота ты моя изолимонная!

– На фиг пошёл... НАДФ, НАДФ, где эта чёртова расшифровка?! Марианна наизнанку вывернет, если не напишу... Эм-м-м... Твою налево... никотинамир... не, не то. Никотинамид...

– Никотинамидадениндинуклеотидфосфат, писать надо печатными буквами!

– На фиг пошёл... коферментная форма ниацина...

И всё в таком же духе. А мне биохимия неожиданно понравилась, я с лёту схватывала все безумные формулы процессов, легко вникая, что к чему, и к концу курса народ поглядывал на меня с опаской: нам предстояло на семинарах по экстрасенсорике и процессам внутри организма переходить от теории к практике. И у меня были все шансы сотворить какую-нибудь диарею или изжогу чуть ли не щелчком пальцев, просто ускорив тот или иной биохимический процесс. А вредный Николаич с улыбочкой гестаповца обрадовал, что тренироваться будем друг на друге – он просле-

дит, чтобы без летальных исходов и неприятных конфузов. Правда, он прелесть? Ну, то есть, главное усвоить принцип, а дальше уже отработка в полевых условиях. Что крылось за загадочными последними словами, куратор колотья от- казался, сказав, что потом сами увидим.

В группе уже вполне сформировались компании, которые в будущем скорее всего станут ячейками. Что удивительно, это получилось само собой, примерно как у нас с Верденом и Ольгой в последнее время – если не брать конечно альби- носовскую идею фикс затащить таки меня в постель. Кто- то кому-то стал помогать, кто-то просто подружился, а вот Пашка и рыженькая Натали вообще встречаться стали. Это- му никто не удивился. Интерес ко мне как-то резко упал, как только народ понял, что Верден чётко обозначил свою позицию. С другой стороны, ещё один плюс: ко мне не лез- ли с предложениями встречаться и проявлениями прочих чувств. Так, иногда заходили по лекциям уточнить, или если что-то из упражнений не давалось. Я с упоением поглоща- ла знания, набирая очки на С класс, и Николаич пообещал, что после Нового Года попробует научить, как блокировать сознание от постороннего вмешательства. Широкие массы должны были начать осваивать этот предмет ближе к весне вместе с азами гипноза и воздействия на сознание. Высший пилотаж, чтение памяти и мыслей, откладывался аж на вто- рой курс. Я пребывала в печали... Но недолгой. Приближа- лись Новый год и неделя каникул.

Народ воодушевлённо затаривался бухлом и хавкой, благо стипендия позволяла, а разъезжаться никто не собирался, да и некуда – как уже говорилось, Институт ловко ухитрялся отсекать от прошлого. Я предвкушала, что наконец-то выплусь, забуду бесконечные конспекты, учебники и методички, отдохну от разноцветных аур, от которых в глазах рябило. Вообще, Николаич обещался, что во втором полугодии освободит меня наконец от ненавистной физподготовки, поскольку толком драться у меня не получалось, я скорее с перепугу нападающему что-нибудь с организмом сделаю, чем в нос тресну. Только стрельбу оставит, усложнив тренировки. Ясновидение я пока не трогала, так, только с Таро продолжала заниматься. Сфера как лежала на тумбочке красивым сувениром, так и лежала. Тим блистал в рунной магии, с лёгкостью щёлкая задачи и выстраивая замысловатые формулы, вместе с ним ещё четыре человека из группы обещали стать знатными рунистами.

Со мной по экстрасенсорике отличались три девчонки, начав с А класса и к зиме получив уже В. Правда, по словам Николаича это их потолок, но тем не менее, мы четверо неизменно обскакивали всех остальных на занятиях. В остальном, по периферийным предметам вопрос стоял всего лишь в зубрёжке и упорстве: ту же биохимию все сдали с первого раза, несмотря на зубодробительные формулы и названия. Психология тоже у всех ровно шла, и общая, и основы психоанализа. Откровенно отстающих, как и ботаников, сдаю-

щих всё на отлично, не наблюдалось. У кого-то что-то шло лучше, что-то хуже, но по словам Николаича это нормально, Институт тщательно отбирал студентов. Причина тоже ясна: кому захочется доверить свою спину и задницу троечнику и разгильдяю, так что академики здесь отсутствовали как явление вообще.

Итак, Новый Год... Честно, я расслабилась. Всё вошло в некое подобие порядка, Верден хоть и нервировал близким присутствием, но имел совесть на людях вести себя со мной прилично, хотя как народ сдал зачёт по медитации, научившись видеть ауры и их эмоциональную окраску, все резко озаботились вопросами самоконтроля. Угу, только вампир недоделанный и не думал скрывать предательский фиолетовый цвет, другое дело, что шутить на эту тему никто не рисковал. Ну а я без нужды старалась не оставаться с ним наедине. При Ольге кстати он тоже вёл себя более-менее сдержанно, обходясь двусмысленными шуточками-подначками, раздевая меня глазами, да обнимая, если садилась рядом. Перемирие пока сохранялось... Но и он, и я, обзавелись новыми умениями, а вот блоки пока ставить никто из нас не научился пока, и чёртов красноглазый извращенец первый сообразил, как можно эти самые умения применить с пользой для себя.

Тридцать первого с утра, как полагается, весь этаж, да что там, вся общага стояла на ушах. Кухни походили на парилку, потому что с самого утра на плитах варилось, шкворчало, томилось в духовке разнообразное жорево. Магазины в радиу-

се пятисот метров сделали хорошую кассу, бухло в них смели практически подчистую, как и молочные продукты. Почему-то никому в голову не пришло, что с бодуна можно быстренько самостоятельно вывести токсины из родного, страдающего похмелом организма, не вливая в него пиво и кефир. По коридору носились странные создания в замотанных полотенцами головах, с лицами, покрытыми зелёным, синим, белым. Некоторые вместо полотенца щеголяли бигуди разнообразной величины, потрясая ворохами шмоток, из которых выпадали чулки, кружевные лифчики и трусики, больше похожие на мечту фетишиста, чем на нормальное бельё. Барышни готовились к празднику... Мужской состав благополучно дрых, нимало не озабоченный своей внешностью. Как и я, собственно. Пока Ольга плескалась в душе и бегала ставить многочисленные кастрюльки и сковородки на кухню, я самозабвенно обнималась с подушкой, вкушая заслуженный отдых. Проспавшись и умывшись, я тут же оказалась припахана к готовке, а неосмотрительно высунувшийся в курилку Верден – к нарезанию салатов. Планировалось, что сам часикс все отмечают по комнатам, потом ставят столы в просторную кухню, выносят туда всё вкусное, и вперёд. Резонно, так все, кто не выдержит новогодний марафон до утра, смогут спокойно уползти к себе и отрубиться.

После обеда Ольге приспичило выяснить, что я собираюсь надеть. Пожала плечами, сообщила, что любимые джинсы и синюю рубашку, а в честь праздника повешу на шею дождик.

– Сонька-а-а-а!! – простонала Грановская и изобразила ужас, округлив глаза. – Ты можешь хотя бы раз в году выглядеть, как девушка?!

– Зачем? – удивилась я, причём искренне.

В моём гардеробе не водилось юбок и платьев с того самого злополучного выпускного, я предпочитала мужской стиль в одежде. Соседка не ожидала такого вопроса и зависла, соображая, что ответить.

– Оль, не парься, – я махнула рукой. – Всё равно народ укушается так, что всем будет пофигу, кто в чём одет, – усмехнулась. – А красоваться мне не перед кем.

Она прищурилась, уперев руки в бока.

– С другой стороны да, – задумчиво протянула Ольга. – Ладно, проехали. Ты это, как насчёт идеи соблазнить Тима?

Я вытаращилась на неё, лихорадочно вспоминая, это когда это я такое сболтнуть могла.

– Да не, – правильно поняла она мой ошарашенный вид и хихикнула. – Ну, если я его затащу в постель и потом поделюсь опытом? Помнишь, мы обсуждали?

– Э... – я почесала в затылке и пожала плечами. – Да делай, что хочешь. Я вообще робко надеюсь, что он удовлетворился поцелуями и на этом остановится.

– Угумс, – Грановская насмешливо хмыкнула и ехидно отозвалась. – А аура у него фиолетовым переливается просто так, да, для красоты? А уж когда он рядом, или смотрит на тебя, так вообще искрит.

Я поёжилась, разом вернулось беспокойство, спавшее всё время учёбы. Впереди неделя, особо ничем не занятая... Чёрт. Хотя, из общаги-то свободно можно выходить, другое дело, что пока училась, на прогулки времени практически не оставалось, так, перед сном пройтись вдоль Чёрной речки. Срочно, срочно составить культурную программу! Чтобы у Вердена не осталось шансов снова нервировать меня наглыми приставаниями!

– Ладно, расслабься, на сегодня я его займу, – Ольга хихикнула, правильно истолковав мою перекосившуюся физиономию.

Надеюсь. Я дала себе зарок пить мало, хотя вообще к алкоголю достаточно прохладно отношусь. Так, пивка за компанию или для души, иногда мартини. Водку пробовала всего один раз, не понравилось.

Когда Олька умчалась на кухню проверять очередную кастрюльку, я не удержалась и вытянула карту, интересуясь, что ночь грядущая мне готовит. Туз кубков, прямой. Эмоциональные переживания? С каких щей? Ревновать Вердена к Грановской? Угу, а ещё биться головой об стенку и громко стенать, какие все мужики козлы. Пожала плечами и спрятала картонку обратно. Не, ясновидение точно не моя сильная сторона. Да пусть хоть до утра развлекаются, я только порадоюсь, недостаток секса вреден для мужского здоровья.

После шести вечера время помчалось семимильными шагами. Явился Верден – волосы собраны в хвостик, подборо-

док гладко выбрит, чёрные джинсы, чёрная же рубашка с расстёгнутым воротом, благоухает горьковато-терпким парфюмом, прямо герой-любовник. Я тихонько фыркнула, отвернувшись, и поставила вазочку на уже вытасченный на середину комнаты стол, накрытый скатертью из личных запасов Ольги. Я признавала, что альбинос привлекательный, а если ещё и обаяние включит на полную катушку, то хана бабам. Поскольку я держалась с Верденом настороже всегда, даже когда мы вполне мирно занимались учёбой, на меня это его обаяние не действовало. Всё равно где-то в глубине души я опасалась старосту, прекрасно помня, как дёрнулась интуиция в нашу самую первую встречу.

– Сонька, – упис, углубившись в мысли, упустила из виду, что Грановская-то в который раз выскочила на кухню, и мы с соседом пока одни в комнате. Нехорошо... Руки Вердена моментально обвилились вокруг моей талии, несильный рывок, и меня прислонили к шкафу – я только успела ладони выставить, тихо матюкнувшись. – Не надо так демонстративно игнорировать меня, дикарка, – он проникновенно улыбнулся, не сводя с меня взгляда, и какое-то бесшабашное веселье в глубине необычных глаз Вердена вызвало смутную тревогу.

– Пусти, чёрт! – нахмурилась я, сильнее упёршись в его грудь. – Обнаглел, да?!

– М-м-м, – он вдруг резко наклонился, так, что я испуганно вздрогнула, и провёл носом вдоль шеи, втянув воздух. – Вкусно пахнешь, Сонечка.

Пипец, собака Баскервилей, тоже мне. Обычный гель для душа, фруктовый какой-то. Духами я практически не пользовалась.

– Верден, грабли убери! – сквозь зубы процедила я, немного сбитая с толку его действиями.

Отвыкла от наглости уже, да...

– А поцелуешь? – вкрадчиво поинтересовался он, продолжая одной рукой обнимать, а второй обхватив мои запястья и сжав их.

Ну, стандартное заявление, в общем-то, ничего другого и не ожидала. Посмотрела на его губы и осторожно коснулась своими, легко скользнув по ним языком – на большее меня никогда не хватало, тем более, инициативу практически всегда перехватывал Тим. И да, мы по-прежнему целовались, как малолетки, целомудренно, не увлекаясь французскими вариантами. Что случилось сейчас, понятия не имею.

– Халтуришь, Сонь, – выдохнул он мне в рот, и я аж растерялась от такой наглости и бесцеремонности, чем беловолосая скотина не замедлила воспользоваться.

Навалившись и прижав меня к боку шкафа, Верден продолжил поцелуй, да вот только я не успела захлопнуть свой распахнувшийся от возмущения рот. Там немедленно начал хозяйничать язык альбиноса, и я с перепугу чуть его не откусила – он, видимо, вовремя почувал мой порыв, и его пальцы тут же оказались на подбородке, удерживая меня от опрометчивого шага. Я застыла, боясь пошевелиться, и опять,

опять тщетно выцарапывая хотя бы отголоски отвращения – караул, в моём рту посторонний предмет!!! М-м, а ведь не настолько всё страшно, чёрт, даже приятно, и так... оу, блин, затягивает, однако, опасно затягивает, и как-то больше настойчивости у Вердена появилось, даже жадности какой-то... Э-э-э, кто выпустил мурашек, найду, голову оторву! Верден, тварь, прекрати меня целовать со страстью умирающего в пустыне, дорвавшегося до оазиса с водой! Прекрати, я сказала!! И какая разница, что мне самой чертовски понравился такой вариант поцелуя... Блин, только слишком много каких-то новых и тревожных эмоций, не надо мне такого счастья.

– Эй, народ, я не вовремя, да? – раздался от двери ехидный голос, и я готова была броситься на шею спасительнице соседке. – Могу ещё погулять!

– ...Ты чего буйный такой? – прошипела я не хуже гадюки, собравшись с силами и таки оттолкнув неуёмного альбиноса. – По морде давно не получал?!

Ага, пару раз вlepила, когда он не слишком удачно обниматься лез, и один разок после душа меня поймал. Верден довольно улыбался, и шальное выражение не уходило из его глаз. Я глубоко вздохнула, сжав кулаки, и чуть прикрыла веки: получай, фашист, гранату... Безошибочно нашла почки и слегка ускорила там процессы, отчего душе альбиносику вдруг срочно-срочно приспичило по-маленькому. Да ещё и с не слишком приятными ощущениями. Сдавлен-

но выругавшись, он согнулся, стрельнув в меня взглядом, в котором смешались раздражение и веселье – мда, странная смесь, точно извращенец, – и Верден рысью двинул к сортиру, бросив мне на ходу:

– С-с-сонька! Шутница хренова!..

Я хмыкнула, невозмутимо достала сигарету и спокойно ответила:

– А не хрен мне свой язык в рот совать без моего на то разрешения!

Надо же, услышал. Из-за двери высунулась голова, и меня известили:

– Я б тебе и не то ещё засунул, упрямое чудовище! – после чего Верден исчез.

Ольга давилась хихиканьем, чуть не сползая по стенке, я же в ответ на такую откровенную пошлость пожала плечами.

– На себя в зеркало посмотрел бы, Брэд Питт местного разлива, – и добавила, мстительно улыбнувшись. – А что засунул, откусила бы под корень. Чтоб неповадно было.

Грановская взвыла, сложившись пополам, а я с чувством выполненного долга ушла курить.

...Полночь подобралась незаметно, за столом мы шутили, вспоминали всякие смешные случаи из учёбы, нахваливали Ольгину стряпню, и в общем, всё было чертовски мило и уютно. Верден снова присмирел, только бросал на меня косые взгляды, а я усиленно делала вид, что не замечаю. Пробили куранты, мы глотнули шампанского, а из коридора по-

слышались шумные выкрики – народ пошёл объединяться. Мне стало вдруг грустно: ещё год назад это был семейный праздник, мама наготовила много вкусностей, приехал дядя Миша и какие-то гости... Ольга выскочила, организовывать общий стол, а я поспешила в курилку – неохота наедине с Верденом оставаться, да и захотелось хоть немножко одной побыть, переждать минуту слабости. Везде толпился народ, и я свалила в укромное местечко, которое совсем недавно открыла – закуток под лестницей на первом этаже, с маленьким окошком. Пожарная дверь здесь всегда была закрыта, и народ не шлся, проход в коридор первого этажа располагался выше на полпролёта.

Кто-то когда-то стащил сюда старый продавленный диванчик, обитый дермантином и кое-где порванный, но я садиться не стала, остановившись у окна и прикурив. На глаза навернулись непрошеные слёзы, шум веселящихся студентов доносился издалека, проходя мимо меня. Пришло вдруг осознание, что я ни разу не взрослая, чёрт, мне же всего восемнадцать!.. Ну хорошо, девятнадцать будет через пару недель. Да, жизнь стала интереснее, да, в перспективе я крутой экстрасенс, который будет получать нехилые бабки за работу – пусть даже и опасную, – но... Остро накатило ощущение собственного одиночества, внутреннего, душевного. Я не жалея себя, нет, ни в коем случае, в друзьях особо никогда не нуждалась. Но я очень скучала по родителям. Тоска резанула по сердцу, вырвав невольный всхлип, и пришлось сильно

прикусить губу, чтобы не скатиться в рыдания. А где-то по-прежнему коптил небо Крупин-старший, по милости которого я осталась сирота, и по милости чьего сыночка у меня теперь полная башка тараканов насчёт некоторых сфер жизни.

Глубоко затянулась, сглотнув ком, и почувствовала, что по щеке таки сползла предательская слезинка.

– Сонь, – от раздавшегося в паре шагов голоса я чуть не подпрыгнула, дёрнувшись в сторону и уронив сигарету.

Зло уставилась на Вердена, раздосадованная его неожиданным и бесшумным появлением, и мимолётно удивилась, как он нашёл меня здесь.

– Чё крадёшься, как привидение? – резко ответила я, снова отвернувшись – альбинос загораживал проход, а приближаться к нему не хотелось, вряд ли он позволит оттолкнуть себя и дать мне уйти. Достала новую сигарету, прикурила. – Чего пришёл? Мало места наверху?

– Могу задать тот же вопрос, – спокойно отозвался он и приблизился, остановившись за спиной, но не касаясь меня.

Отчего-то не сомневалась – вздумаю отойти, не получится. Устраивать тут возню, чтобы избавиться от Вердена, не хотелось, ну и дерётся он всяко лучше. На крайняк, если ползет снова, огребёт расстройство желудка часика на три.

– Погрустить захотелось, – ляпнула я, чуть не прикусив с досады язык – вроде всего-то пару глотков шампанского сделала, какого фига откровенничаю тут?! И перед кем... –

Верден, оставь меня, а? – устало попросила я. – Не порть и без того поганое настроение, хотя бы в праздник? Дай одной побыть...

Вместо ответа он молча обнял одной рукой, прижав к себе. Я снова дёрнулась, возмущённая поведением красноглазого, но Тим тихонько произнёс, наклонившись к уху:

– Ш-ш-ш, Сонь, перестань. В душу лезть не буду, но одну не оставлю, извини, – и столько решимости звучало в его голосе, что я поняла – сопротивляться бесполезно. – Давай просто помолчим вместе, м-м?

Психолог недоделанный. Никуда не девшаяся грусть растворила тлеющее раздражение, я подавила вздох и расслабилась. Не пристаёт, и ладно, а с ним теплее, тут, под лестницей, сквозняки гуляли будь здоров, на улице минус десять и лёгкий снежок. Когда надо, Верден становился просто душкой, и я иногда поражалась, как точно он угадывал моменты. Вот сейчас мне совершенно не хотелось показывать колючки, и было честно говоря параллельно на его присутствие. Обнимал, согревал, и хорошо. Уютно, тепло и ненапряжно.

– Скучаешь? – раздался через некоторое время его тихий голос, и я как-то сразу поняла, что он о родителях. – У тебя аура синюющая, – счёл нужным пояснить Верден и осторожно убрал мне за ухо короткую прядь.

Ну да, когда грустим, синеем. Я молча кивнула, не вдаваясь в подробности. Если видит, чего говорить.

– Мои развелись несколько лет назад, мама в Ригу уеха-

ла, папа здесь остался, – продолжил Верден, и я немедленно удивилась, чего это его на откровенности потянуло. – У него свой эзотерический салон, он не захотел бросать. А маме надоело.

– Батя знает про Институт? – после небольшой паузы всё же спросила я.

Любопытство пересилило упрямое желание не показывать интереса, тем более, альбинос сам начал рассказывать о себе.

– Ни сном, ни духом, – послышался вздох. – Он думает, я в другой город уехал, сразу как мама ушла. Обиделся за развод. Раз в год шлю ему письма, типа у меня всё хорошо, учусь, работаю, хотя оба живём в Питере.

– Он же ясновидящий у тебя, – я вспомнила, как Николаич говорил про Вердена. – Неужели не может посмотреть, что на самом деле с сыном?

– На родственниках и близких людях это плохо работает, – хмыкнул Тим.

Мы снова помолчали, и неожиданно я обратила внимание, что грусти как не бывало. Очнулась от рассеянных раздумий, и тут уловила странное ощущение, будто кто по коже невидимым пёрышком водит. Знакомое очень ощущение. Раздражение зашевелилось маленьким злобным гоблином, я резко выдохнула и повернулась к Вердену, уперев руки в бока.

– На хрена?! – рявкнула, крайне недовольная его вмеша-

тельством в мои эмоции – ушлый вампир недоделанный под шумок убрал то, что мне мешало нормально веселиться.

Ну да, сам себе не исправишь, я же не могла посмотреть со стороны и увидеть собственную ауру. До этого ещё как до Америки пешком, освоение астрального тела вообще спецкурсом на последнем году шло и только для тех, кто осилит.

– А где спасибо? – он улыбнулся, не сняв руки с моей талии, и наклонился вперёд. – Сама же фиг попросишь, упрямая гордячка, и будешь тут всех полночи пугать угрюмой физией, – чуть тише добавил Верден непривычно мягким тоном.

– Пусти, – стукнула его ладонью в грудь, испытывая нездоровое и страстное желание таки сделать ему что-нибудь с кишками.

– Сначала спасибо, – Верден наклонился ещё ниже, и я непроизвольно стиснула зубы.

– Запор на неделю хочешь? – непринуждённо поинтересовалась, оскалившись в улыбке. – И никакой «линекс» не поможет, и клизма не спасёт.

Он тихо рассмеялся и отпустил.

– Ох, Сонька, нарвёшься у меня, – староста покачал головой. – Ответишь за свои шуточки по полной.

Молча показала ему средний палец и прошла мимо, собираясь подняться наверх. Срочно захотелось алкоголя в больших количествах и бесшабашной весёлости пьяной компании студентов. Можно даже с танцами на столе.

– А блок я научусь ставить, – словно невзначай обронил Верден, когда я уже поставила ногу на первую ступеньку.

Развернулась, изогнула бровь и смерила его взглядом.

– Я раньше, – кратко известила я и поспешила наверх, к остальным.

Думала, этим инцидентом Новый год будет исчерпан. Но ночь только начиналась...

На этаже веселье шло вовсю: кто-то вытащил колонки, включили свет, создав уютный полумрак – перед кухней коридор расширялся в рекреацию, ей и нашли применение. На самой кухне столы ломились от многочисленной еды, стояли батареи початых бутылок с широким выбором алкоголя, от банального пива до абсента. Я тут же плеснула себе мартини, разбавив соком, чувствуя, что настроение действительно исправилось к лучшему, и усмехнулась, покачав головой. Иногда Верден своими поступками ставил меня в тупик, и его неожиданная мимолётная забота слегка напрягала. Мне бы очень не хотелось вмешивать в наше подобие дружбы ещё и чувства, и если в отношении себя я была железно уверена в том, что ничего там нигде нет, то вот в такие моменты, как сегодня, в голову поневоле начинали закрадываться нехорошие мысли. Однако спрашивать в лоб пока не собиралась – Верден ко всему ещё и хороший психолог, и кто его знает, вдруг притворяется, чтобы усыпить мою бдительность? Лучше держаться нейтрально и не забивать себе эфир лишними помехами.

– Сонька! – выдохнула мне в ухо невесть откуда взявшаяся Ольга, уже слегка навеселе и с блестящими глазами. От неё пахло коньяком и сигаретами. – Ты куда смылась? И где Тим? Мне ж его охмурять предстоит, – усмехнулась она и вдруг подмигнула. – А может, и не надо уже, мать, а? Может, без проверки обойдёмся?

Я пожала плечами и раздвинула губы в ответной улыбке, отсалютовав ей бокалом.

– Да как хочешь, на самом деле, – сделала глоток. – Мне фиолетово.

Грановская округлила глаза.

– Что, уже?! – наигранно удивлённо поинтересовалась она.

Я на мгновение уставилась на неё непонимающим взглядом, а потом фыркнула и рассмеялась. Это она так тонко пошутила насчёт цвета ауры человека, охваченного сексуальным желанием.

– Дура ты, – беззлобно огрызнулась я. – Мне лично уже не особо интересно, какой он там в постели.

– А мне вот да, – протянула Ольга, и её взгляд переместился на дверной проём кухни.

Она тряхнула высоким хвостом, демонстративно подтянула край короткого платья-футляра без лямок, залпом выдула стопку коньяка и направилась к выходу, покачивая бёдрами. В коридоре мелькнула белая макушка Вердена. «Ну, удачи, соседushка», ехидно пожелала я ей вслед. Отчего-то

перед глазами мелькнула картинка, как зажатый в угол альбинос с испуганным лицом отбивается от нападающей Ольги, и снова пробрало на ха-ха. Честно? От мысли, что эти двое окажутся в постели, действительно не было ни холодно, ни жарко. Вот ни на сколочку. Собственно, и не должно, с какого перепугу? Верден мне никто, обещаний и клятв никаких не давал, между нами вообще нет отношений, и я искренне недоумевала, почему Ольга периодически подкалывала меня на предмет ревности. Хотя поводов я ни разу не давала, как бы она не пыталась их вызвать. Даже староста понял на удивление быстро, что его флирт с другими я воспринимаю с невозмутимостью египетского сфинкса, и бросил это дело. Интересно, Ольга преуспеет в своём намерении, или Верден пошлёт её куда подальше?

Мысль мелькнула и ушла, а я наконец расслабилась под мартини и отправилась танцевать. Было действительно весело, грусть-тоска окончательно сдала позиции, и я вместе с остальными лихо отплясывала под зажигательную музыку, с кем-то шутила, о чём-то говорила... Танцы на столе тоже были, где-то часика через полтора, когда половину пустых тарелок убрали, сгрузив в раковины. Основательно набравшаяся, но всё ещё уверенно стоявшая на шпильках Натали в коктейльном платье тёмно-зелёного цвета ловко поднялась, несмотря на нахмуренные брови Пашки, и устроила офигительное шоу. Обошлось без стриптиза, слава богу, но и так от плавных, чувственных движений у наших мальчиков остек-

ленели глаза и отвисли челюсти. Закончилось всё тем, что Натаху просто схватили в охапку и унесли с кухни под двусмысленные шуточки зрителей и тихие матюги Пашки. Она же, томно прикрыв глаза, обняла его за шею, и, кажется, вырубилась. Мда, сочувствую, похоже, ждёт его не жаркая ночь, а приведение благоверной в более-менее относительный порядок.

Часам к трём я утомилась, да и голова кружилась от выпитого. Захотелось прилечь, и наверное даже поспать. Ольга не появлялась, и я надеялась, у неё всё выгорело с Верденом. Интересно, им хватило ума не устраивать игрища в нашей комнате? А то с альбиноса станется, так изошрённо пошутить... Я хмыкнула собственным мыслям и смачно зевнула. Так, покурить и отдохнуть, наверняка завтра, как все проспятся, будет продолжение банкета. По крайней мере, бухло ещё не всё выхлебали. Удовлетворив никотиновое голодание, вернулась наконец в нашу с Грановской комнату. Тихо и темно, и слава богу, никого. Ещё раз зевнув, поплелась чистить зубы и умываться, но едва вышла в короткий коридорчик, замерла: за дверью раздавались тихие голоса. Любопытство сделало стойку, и я на цыпочках подкралась, надеясь, что этим двоим сейчас ни до кого нет дела, и я смогу услышать что-нибудь интересное. И вообще, кстати, чего это они разговаривают? Это стадия «а поговорить?» или «ну зачем же сразу в постель»? В смысле, всё уже случилось или ещё нет? Если нет, лучше погулять где-нибудь, вдруг тут сте-

ны тонкие, а Олька громкая. Осторожно прислонилась ухом к двери и прислушалась.

– Тимка, ну что ты ломаешься, а? – ух ты, Грановская прямо как кошка мурлычет. – Не жениться же прошу... Разок переспим да и всё, мне много не надо...

Оу, так у них ещё не дошло до главного, что ли? Зажала рот ладонью, сдержав рвущееся хихиканье: похоже, картинка-то оказалась вещей...

– Оль, зачем тебе это надо? – тихий, странно спокойный голос Вердена. – Или так сильно приспичило, гормоны в голову ударили?

Смешок Ольги.

– А не всё ли равно? Побудь джентльменом хотя бы сегодня, сделай девушке приятно... Считай, это твой подарок мне на Новый год...

– Ольга-а-а-а, зачем? – угу, узнаю эти нотки, теперь пока не узнает причины столь странного поступка Грановской, не отвяжется.

Вот странный, ему тут секс предлагают, причём без всяких обязательств, и не самая страшная девушка в общеаге, между прочим, а он разговоры разговаривает. Пауза затянулась, и я так поняла, что Олик грамотно заткнула Вердену рот.

– Вот упрямый... – пришлось напрячься, чтобы расслышать тихий шёпот соседки. – Ты что, влюбился что ли, Тимка? – несмотря на насмешливую интонацию, я уловила нот-

ки беспокойства и сама занервничала.

Так, вот не надо мне тут этого, санта-барбары разводить! Секс сексом, но чувства нафиг, Верден!

– Угу, и как честный мужчина, свято храню верность единственной, – насмешливое хмыканье пролилось бальзамом на моё сердце.

Неслышно перевела дух и рискнула посмотреть ауру, не врёт ли: дверь или стена для меня теперь препятствием не являлись. Так, судя по всему, Ольга и альбинос на кровати, она у него на коленях. М-м, понятно, Грановская уже созрела, фиолетовая окантовка говорила лучше всяких слов, а вот в ауре Вердена на привычном фоне того же цвета с изрядным добавлением зелёного мелькали жёлтые пятнышки интереса. Врал бы, светил красным.

– Ну тогда в чём дело, а? – Ольга наклонилась, а я поспешно вынырнула обратно в тёмный коридор, до подглядывания опускаться не хотелось. – Сколько у тебя женщины не было, стойкий оловянный солдатик? – до меня донеслось хихиканье. – Ух, по-моему, давно, а?

Невнятное ругательство, какая-то возня, и чуть хриплый голос Тима, от которого совершенно неожиданно у меня по спине прокрались непонятные мурашки:

– Ч-ч-ч-чёрт, Грановская... – снова пауза, а вот от следующих слов я отскочила от двери, как ошпаренная, прижимая к вспыхнувшим щекам враз похолодевшие ладони. – Что, хочешь проверить, хорошо ли Соньке будет, да? Ладно...

Я пулей метнулась обратно в нашу с Ольгой комнату, сердце бешено скакало в груди, а смесь волнения, злости, растерянности и беспокойства – вдруг заметил, что я под дверью торчала?! С Вердена станется применить тот же трюк с аурами, особо не отвлекаясь от Ольки, – мешала нормально дышать и требовала срочного успокоения. Где там мои сигареты? Глотнув воды, я поспешно вышла, наплевав на запреты и остановившись у окна напротив двери в нашу комнату. Кто сейчас за соблюдением правил следить будет, вся общага пьяная в дупель, включая охранников и коменданта.

Едва я сделала первую затяжку, как накатило странное ощущение: стало неожиданно жарко и как-то неуютно, что ли, офигевшее сердце чуть сжалось, а потом снова заколотилось, и дыхание с какого-то перепугу сбилось на мгновение. Я сглотнула, испугавшись: что происходит?! Низ живота заныл, но критические дни вроде закончились неделю назад, и потом, заныл как-то приятно, отчего волнение усилилось, и я выдохнула, прислонившись лбом к прохладному стеклу. Вспомнились поцелуи Вердена, и общая температура тела скакнула ещё на несколько градусов, по спине прокатилась дрожь, заставив тихо охнуть от удивления. Смятение усилилось, я просто не знала, что делать и как это прекратить. Дрожащими руками прикурила ещё одну сигарету, чувствуя, как участилось дыхание, между ног всё напряглось в странной болезненно-сладкой судороге, и тут до меня дошло.

– ..., – с чувством прошипела я, и спасительное возму-

щение пополам с яростью помогло поумерить взбесившиеся эмоции. – Верден, м-м-мать!..

Он знал, что я стояла за дверью. И теперь оплатил за вечерний ускоренный курс по выведению лишней жидкости из организма, устроив мне... что? Как называлось то, что я испытывала? Это вот и есть, что ли, желание? Спросить было не у кого, и пришлось пока взять за аксиому. Ощущения потихоньку потеряли остроту, и я с трудом выдохнула, докурив и яростно затушив бычок. Вот скотина, тоже мне, Юлий Цезарь, у него там баба в постели, а он ухитряется ещё тратить время, чтобы преподать мне маленький урок! Да чтоб у тебя больше одного раза не получилось, учитель хренов! Но портить удовольствие Ольге не стала, хотя велико было желание учудить что-нибудь в отместку. Ладно, утром разберёмся. Ещё немного постояв у окна и дождавшись, пока организм придёт в норму, я вернулась в комнату и быстро уснула. Никакие посторонние звуки меня не тревожили – или Грановская таки тихая, или тут стены толстые.

* * *

Утро наступило для меня часиков в двенадцать, и слава богу, без похмелья. Проснувшись, чётко поняла следующее: хочу есть, курить и знаю, что должна делать дальше. У меня дело осталось незавершённым там, в прошлом, и пора ставить последнюю точку. Моя жизнь изменилась резко и на-

всегда, надо идти вперёд, а не грустить о прошлом, которого не вернуть. Странно, в душе поселилось умиротворение, как только приняла решение. О том, что произошло ночью, старалась не думать. Покосившись на дрыхнувшую без задних ног Ольгу, я отправилась умываться, тихо надеясь, что не столкнусь с Верденом. Обошлось, альбинос не появился. Постояв в раздумье перед шкафом, я выпендриваться не стала: джинсы, рубашка, свитер, как обычно. На дело иду, а не в бирюльки играть. Приведя в порядок волосы, перекусила остатками вчерашнего пиршества – мы перед тем, как выносить всё на общий стол, часть в холодильник как раз на утро оставили, – оделась и вышла в коридор. Интересно, в Институте кто-нибудь есть сейчас? Мне бы с Николаичем переговорить, имею к нему пару просьб.

Общага словно вымерла, да и неудивительно, небось, до утра бузили дорвавшиеся до свободы замордованные учёбой студенты. На вахте клевал носом охранник, проводивший меня удивлённым взглядом. Улица встретила свежим морозным воздухом и звенящей тишиной, как всегда первого января. Пока шла к Институту, не встретила ни одного прохожего, а в здании всё-таки оказались живые: на проходной тоже сидел охранник, правда, непривычно бодрый в отличие от нашего, общажного.

– Есть кто-нибудь? – поинтересовалась я.

– А кого нужно? – задал он встречный вопрос, слегка удивившись.

– Мне бы с Семёном Николаевичем как-нибудь переговорить, – озвучила я просьбу. – Очень надо, на самом деле, – состроила просительный взгляд и хлопнула ресницами.

Тот потёр переносицу, снова стрельнул в меня острым взглядом – не сомневаюсь, он тоже экстрасенс, но проверять не стала, – и достал толстую тетрадь.

– Сейчас, – достав мобильник, мужик позвонил. – Семён Николаевич? Не разбудил? Здравствуйте, с праздничком... Да, спасибо, всё тихо... Тут к вам студентка... – охранник вопросительно посмотрел на меня, я назвала имя и фамилию. – Александровская, говорит. Срочно. Да, сейчас, – он протянул трубку мне.

– Доброе утро, – поздоровалась я. – Семён Николаевич, извините, что от праздника и отдыха отрываю, мне надо встретиться с вами, это ненадолго, – скороговоркой выпалила, опасаясь, что меня пошлют лесом за такую странную просьбу первого января.

– Сонька, чего тебе не сидится дома? – он смачно зевнул. – До завтра подождать не может?

– Нет, – твёрдо ответила я и тихо добавила. – Точки на прошлом поставить хочу.

– Понял, – голос Николаича перестал быть ленивым и ослабленным. – Поднимайся к кабинету, буду через десять минут.

– Спасибо, – я отключилась и отдала трубку охраннику. Куратор не опоздал. Я удивилась отсутствию бурных сле-

дов празднования на гладко выбритом лице, потом вспомнила, что препода – сенс высшей категории и наверняка умет приводить себя в порядок чуть ли не по щелчку пальцев. Открыв кабинет, он коротко кивнул.

– Проходи.

Я разместилась на знакомом стуле, и не тратя времени, начала:

– Семён Николаевич, мне нужен адрес Крупина, – внимательно посмотрела на него.

Наверняка помнит, кто это такой, у Николаича память отменная, а уж моё-то досье он наверняка наизусть знал. И отчего-то я не сомневалась, что нужную информацию мне предоставят.

– Так, – он откинулся на спинку стула и соединил кончики пальцев. – Уверена?

– Да, – твёрдо ответила. – И ещё, где он сейчас.

Лицо препода осталось невозмутимым.

– Водить умеешь? – отрицательно покачала головой, и Николаич досадливо вздохнул. – Хорошо. Оружие какое предпочитаешь?

Я моргнула от неожиданности.

– Что?

Вообще-то, собиралась обойтись своими силами, зачем устраивать перестрелки в духе бандитских войн?

– Оружие, говорю, какое нравится больше? – колючие глаза холодно взглянули на меня. – Без него я тебя никуда на-

хрен не выпущу. Так бездарно потерять одну из лучших учениц в группе – меня за яйца подвешат и будут медленно поджаривать. А надеяться только на собственные способности неразумно – ты своих пределов ещё не знаешь, и сколько за раз людей можешь вырубить, тоже, – он наставил на меня палец. – Это только на полевой практике выясняется. Так что насчёт оружия?

– «Беретта», – не колеблясь, ответила я.

Этот небольшой удобный пистолет действительно стал моим любимым в тире, хотя с остальным тоже умела управляться очень неплохо. Николаич кивнул.

– Неплохо. А теперь слушай, – он сделал паузу и посмотрел мне в глаза. – Я бы мог поехать с тобой и подстраховать, Софья, но это – только твоё дело. Да и зная твой характер, – куратор вдруг усмехнулся, – тебе это не понравится, слишком уж ты гордая. И потом, одному человеку проще, меньше шансов обратить на себя внимание. В твой телефон вделан маячок, – я про себя присвистнула – когда успели, интересно, а? – и твоё перемещение будет отслеживаться. На всё про всё даю два часа, хватит? – получив мой утвердительный кивок, Николаич поднялся, – тогда жди здесь.

Он отсутствовал минут сорок, за это время я успела подремать, окончательно увериться, что поступаю правильно, выйти покурить и вернуться обратно.

– Ну-с, – Николаич выглядел радостным и довольным, и держал в руках объёмный пакет. – Краткий инструктаж. Это

адрес, – на стол легла бумажка, в которой значилось Ольгино с названием улицы и номером дома. – У него там коттедж, на Новый год зависает. Это, – из пакета появилась кобура с торчащей рукояткой, – твоё теперь. Вот разрешение, – листок с моей фоткой, печатями, подписями – всё, как полагается. Я вытаращилась на бумагу: как так быстро?! Или подозревал, что обращаюсь с такой просьбой?.. – На всех студентов это оформляется сразу, – пояснил Николаич, увидев работу мысли на моей физиономии. – Просто выдаётся после выпуска обычно. Всё законно, – он усмехнулся. – У нас свои каналы, Соня, не хлопай глазами. Выстрелить-то в человека сможешь? – он с интересом посмотрел на меня, пока я задумчиво гладила вытащенную из кобуры «беретту».

Прищурилась, вспомнила тот тёмный двор и щерившееся в похабной ухмылке рыло Федыки. Залитое кровью лицо папы, восковой бледности – мамино, почти сливавшееся с больничной подушкой. Равнодушное, отстранённое – того, кто вёз меня куда-то за город, собираясь тупо убить. Растянула губы в улыбке, хотя внутри всё заледенело от ненависти и злости. Всё началось с его сыночка, если бы не это, ничего бы не случилось. А каков сын, таков и отец. В моём случае, за грехи сына будет отвечать папаша, воспитавший такого ублюдка. Мир мне ещё спасибо скажет, что избавила его от подобного подонка.

– Сомневаетесь в моих силах? – сухо ответила я, изогнув бровь.

– Уже нет, – куратор крякнул и отвёл взгляд. – Надевай кобуру. Хотя не, постой, это ещё надень, – из пакета появилась чёрная футболка. – Разработка наших кудесников, вообще-то тоже выдаётся уже только после выпуска, когда ячейки формируются, – пояснил Николаич.

– Бронежилет? – любопытствовала я, скинув куртку и свитер, и начав расстёгивать рубашку.

– Почти, – Николаич кивнул и отошёл к окну, заложив руки за спину. – Бронефутболка. Не смотри, что тонкая, пулю держит хорошо практически из любого оружия. Правда, синяки могут остаться.

Я переделась, застегнула кобуру. Куратор обернулся, подошёл, поправил, и я надела куртку.

– Я пошла? – вопросительно глянула на него.

– Иди, Сонька, – Николаич положил руки мне на плечи и взгляделся в лицо. – Удачи, Александровская, не облажайся там, не посрами мои седины. Хотя, знаешь, не сомневаюсь, у тебя получится, – хмыкнул он и хлопнул по плечу. – Всё, давай, меня жена дома ждёт.

Вон оно как, неожиданно, что наш суровый дядька, оказывается, женат. словно угадав, о чём думаю, Николаич подмигнул, дождался, пока выйду, и закрыл кабинет. Я ещё постояла в курилке, спокойно выкурила сигарету, подумав, что надо бы посмотреть карту Ольгино, где там этот коттедж располагается. Ладно, у метро в Макдак заскочу, нетбук всегда с собой в рюкзаке носила. Проверила, не топорщится ли курт-

ка от кобуры, накинула капюшон и спустилась вниз. Попрошлась с охранником, вышла на крыльцо...

Верден стоял, прислонившись к кованым перилам, ограждавшим речку, и молча курил, глядя на меня прищуренным взглядом. Я замерла, откровенно растерявшись, потому что меньше всего ожидала тут узреть его. И главное, как догадался-то, что я здесь?!

– Поехали, – бросил он, докурив и шагнув ко мне.

– Куда? – я невольно отступила назад, насторожившись.

Светлые брови поднялись, Верден хмыкнул.

– Мстить, куда же ещё, – насмешливо ответил он. – Куда тебя могло понести первого с утра пораньше, когда нормальные люди отсыпаются и страдают жёстким похмельем?

Я почувствовала себя дурой. Это вот он так хорошо меня успел изучить, следил с утра втихаря, или ему Николаич позвонил?! Упрямо мотнула головой, откинув прядь со лба.

– Одна справлюсь, – буркнула я, но при этом осталась на месте.

Порой, собственные действия ставили меня в тупик...

– Сонька, учись приказы исполнять, – усмехнулся мой личный красноглазый кошмар. – Раз работать вместе будем.

– Я не давала ещё согласия, – процедила сквозь зубы, крайне раздражённая его самоуверенным и наглым тоном.

И наконец спустилась с крыльца, намереваясь пойти к метро. Время шло, а до Ольгино ещё добраться надо.

– Вот ты ж вредная, а, – успела сделать всего два шага, как

меня тут же схватили в охапку и попросту перекинули через плечо. – Посмеешь что-то сделать с моим организмом, вчерашнее тебе цветочками покажется. А я смотреть буду и при этом пальцем к тебе не прикоснусь, – добавил он спокойно, придерживая меня за коленки.

Эм... Я затихла, сразу поверив и проникшись угрозой. Стало жутко неловко, и я молча порадовалась, что урод беловолосый не видит моего лица – щёки просто пылали, и по моему от них даже пар шёл. Козёл, нашёл, чем шантажировать!!

Шли мы недолго, меня поставили на ноги перед тёмно-зелёным «Ниссан Алмера». Верден достал ключи и отключил сигнализацию. Я уставилась на тачку круглыми глазами.

– Водить умеешь? – недоверчиво переспросила.

Верден кивнул.

– Машину отец подарил на восемнадцать, за пару дней как я уехал от него. Садись, Сонь.

Молча забралась на переднее сиденье и достала ноут: отставить сантименты и эмоции, впереди работа.

– Адрес какой? – Верден вырулил со стоянки около Института.

– Ольгино, Лесная улица, 32, – я сверилась с листочком и ввела координаты в Яндекс-карты. – Там коттедж частный.

– Угу, – он кивнул, и в салоне повисла тишина.

Посмотрев, где находится Крупин, закрыла комп и покосилась на профиль Тима.

– Ты как понял, где я? – вопрос не давал покоя, и я всё-таки решилась его задать.

– Кроме того, что увидел тебя в окно, как ты к Институту шла? – он пожал плечами. – У меня как компас внутри, который всегда на тебя показывает, Соня.

Я испуганно икнула, вжавшись в сиденье. Это что за новости?!

– Пока не разбирался, что это и откуда, – видимо, на моей физиономии отразились эмоции, раз он счёл нужным пояснить. – И не особо горю желанием, знаешь ли, – усмехнулся Верден, бросив на меня весёлый взгляд. – Есть и есть, меня всё устраивает.

Песец пушной и страшный. Понятно тогда, как он вчера вычислил, что я у двери стояла... Сердито поджала губы и прислонилась к окну, глядя на проносящиеся мимо дома. Интуиция осторожно зашевелилась, но пока в том плане, что хорошо, что Верден со мной поехал. Шансы на благополучный исход моего рискованного мероприятия резко повысились, что не могло не радовать – ведь ехала наобум, без всякого плана. Я успела задремать, пока мы ехали, и проснулась от осторожного прикосновения к плечу.

– Приехали, – негромко сообщил Верден, кивнув вперёд.

Тихая улочка с заборами, за которыми разнообразные дома и коттеджи. Всё укутано снегом, и ни души. Понятно, обычная картина для первого дня нового года. Я прищурилась, нашла табличку с номером тридцать два.

– Нам туда, – показала пальцем.

Тим снова кивнул. Потом расстегнул длинное пальто, откинул полу и проверил, хорошо ли пистолет выходит. Я снова молча вытаращилась на него: боже, у этого-то откуда оружие?! Или про компас брехня и всё же Николаич подсуетился? Верден поднял брови и хмыкнул, заметив мою ошарашенную физию.

– Сонь, у меня жизнь тоже не сахар была до Института, – усмехнулся он. – У тебя план-то есть, мстительница?

Я снова перевела взгляд на коттедж, успокоившись. В самом деле, мало ли что у него там было. Подготовился, и молодец, проще будет. Все вопросы потом, когда вернёмся в общагу.

– Смотрю, сколько там народу, – негромко начала сообщать на ходу. – Через забор ты мне поможешь перелезть, я открою калитку. Заходим и действуем по обстановке. Мне только до Крупина добраться, – стиснула зубы, загнав поднывавшуюся холодную ярость поглубже.

Эмоции лишние, сейчас голова ясная нужна. Верден кивнул.

– Учитывая Новый Год, скорее всего там все пьянящие в дымину валяются, и об охране никто не позаботился. Чем тише всё сделаем, тем лучше. Так, знаешь, как этот Крупин выглядит?

Ещё бы. Его морда отлично врезалась в память после прикосновения к той красноречивой записке, которую я полу-

чила после смерти родителей.

– Знаю, – кратко ответила я.

– Отлично, – он в очередной раз кивнул. – Руку дай.

– Э? – я вопросительно уставилась на него. – Зачем?

Верден терпеливо вздохнул.

– Сонь, просто дай. Учись доверять хотя бы на задании, – он усмехнулся и подмигнул.

Мда, сильны старые привычки. В команде я работать явно не умею, значит, будем учиться. Молча протянула руку, Тим осторожно взял мою ладонь и некоторое время рассматривал, легонько водя по ней пальцем. Я ёжилась и пыталась сдерживать нервное хихиканье – от его действий по руке до локтя разливалось приятное тепло. Потом он достал ручку, перевернул мою ладонь и нарисовал три руны: Лагуз, похожую на написанную в другую сторону единицу, Турисаз, напоминавшую шип на стебле, и Кеназ – попросту знак «больше». Потом на мгновение накрыл своей ладонью, смежил веки, и меня аж потрянуло, до локтя стрельнул несильный удар током.

– Эй! – выдернула конечность, потрясла, сердито покосившись на Вердена. – Чего творишь?

– Руны вообще крайне полезная вещь, – Тим хрустнул пальцами и усмехнулся. – Ими не только демонов и привидений гонять можно.

– Откуда знаешь? – я рассматривала руны, и показалось, они даже слегка светятся.

Хмыкнула, покачав головой. Хуже не будет, Лагуз усиливает экстрасенсорику, а Турисаз защитит от всяких нехороших случайностей. Кеназ вообще прошибает нафиг практически всё, очень мощная руна для осуществления каких-то планов.

– Со-о-онь, не одна ты до Института что-то самостоятельно изучала, – Верден вдруг взъерошил мне волосы. – Сиди здесь, я сейчас.

Он вышел, захлопнув дверь, и достал что-то из кармана. Явно подготовился. Я смотрела, как он рисует на воротах углём прямую Хагалаз и перевёрнутую Наутиз, и на моих губах проступала кровожадная ухмылка. Мда, хана телепузикам. Если мне не изменяет память, первая – руна разрушения, а вторая – вообще смерти. Я чуть не облизнулась от предвкушения. Страха и мандража не было, я чувствовала себя скрученной до предела пружиной и жаждала действий. Тим завернул за угол, изрисовал другую сторону забора, потом пошёл дальше – я так поняла, он по кругу обходил. Вернулся минут через пять, отряхнул руки и открыл дверь с моей стороны.

– Готова? – весело поинтересовался он, протянув ладонь, его необычные глаза со слишком светлой радужкой светились азартом.

Широко ухмыльнулась и ухватила за руку Вердена, выскочив из машины.

– А то, – всё-таки не удержалась и облизнулась, с вожде-

лением глядя на коттедж.

– Охотница, – пожалуй, впервые за время нашего знакомства я уловила в голосе альбиноса нотки нежности.

Это удивило и взволновало, но сейчас лишние переживания только мешали. Я притушила эмоции и повернулась к дому, сосредоточившись и прикрыв глаза: кто у нас где? Ого, ни хрена себе, народу. На первом этаже я чётко различила пять аур мутно-серого цвета со всполохами оранжевого – да, спим-с и именно в полные дрова. Ну, дружочки, если вам повезёт, живыми останетесь. Мне лишние жертвы ни к чему, но в таком случае вам лучше спать дальше. Посмотрела на второй этаж – там три человека в одной комнате, и судя по размытым светло-лиловым пятнам, они недавно весело проводили время в знойной групповушке. В другой вповалку дрыхло человека четыре, кажется. Не разглядеть, похоже народ просто уложили рядом, как сельдей в банке. И где у нас господин Крупин? Интуиция подсказывала, именно на втором этаже, и именно в компании двух девиц не слишком тяжёлого поведения, как показывали ауры.

– Второй этаж, – отрывисто бросила Вердену и подошла к забору.

Высокий, в полтора человеческих роста. Если дотянуться до верха, легко перелезу и спрыгну. Раз в неделю мне всё же приходилось в спортзале потеть, но не махая руками и ногами, а планово занимаясь на тренажёрах для поддержания физической формы. И да, за последние пару месяцев я на-

растила мясца на свои мощи, бёдра слегка округлились, папа подтянулась и стала упругой. Руки перестали быть похожими на веточки, и рёбра не вызывали желание провести по ним деревянной палочкой и проверить, как звучат. Так что, задача перелезания через забор не представлялась невыполнимой.

Тим молча подошёл к забору, сцепил пальцы и чуть присел. Я легко пробежалась до него, оттолкнулась ногой от его ладоней, и Верден ещё придал ускорения, спружинив и подбросив меня вверх. Пальцы в перчатках сжали край, я подтянулась, стиснув зубы, и закинула ногу. Есть. Перевела дух, внимательно оглядела пустой двор – тишина. Отлично. Мягко спрыгнула в сугроб, отряхнулась и открыла калитку, впустив Вердена. Мы поднялись на крыльцо, альбинос плавным движением отвёл полу пальто, медленно вытащил пистолет и замер, глазами показав на ручку. Ещё раз проверила, всё ли тихо в комнате, и аккуратно нажала. Щелчок – и мы в коротком коридоре, заваленном обувью. Скользнули, замерли, я продолжала сканировать комнату впереди, чутко отслеживая спящие тела. Руны на руке начало мягко покалывать, хотелось приплясывать от нетерпения, но я заставила себя двигаться так же плавно и бесшумно, как Верден. Мы были похожи на тени, отражения друг друга, оба в тёмном, молчаливые, сосредоточенные.

Лёгкое касание ко второй двери, и она распахнулась, явив нашим взорам спящие вповалку тела разной степени разде-

тости, в нос ударил тяжёлый, сивушный запах. На столе – тарелки с остатками еды и пустые бутылки, полные окурков пельницы. Я сморщилась от неприятных ароматов и поспешила прокрасться к лестнице справа. Тим призраком скользнул следом, и через несколько минут мы были на втором этаже. Две двери, и я безошибочно выбрала ту, которая слева. Так и есть, вон красавец, боров краснорожий, развалился на широкой кровати, храпя, как рота десантников после недельной пьянки. На девиц я даже не посмотрела, моя цель лежала вот, на расстоянии в несколько метров. Оглянулась на Тима – он замер у двери, оставив её открытой, и чутко прислушивался, глядя чуть прищуренными глазами в коридорчик. Ясно, тут он контролирует, можно не париться. Отвернулась, прикрыла глаза. Ну и что у нас тут? Оу, супер, есть, где разгуляться. Мои губы в очередной раз разъехались в ухмылке, и я хрустнула пальцами, приступив к осуществлению мести.

Думаете, мне было интересно банально грохнуть Крупина, как и его сынулю, остановив сердце? Не-е-е-ет, мне надо, чтобы этот ублюдок страдал, понимал, что он умирает, и боялся этого, боялся до ужаса, до седых волос, до трясущегося подбородка. Такие, как он, мнящие себя хозяевами жизни, эту самую жизнь любят до безумия и очень боятся её потерять, потому и окружают себя охраной со всех сторон. Жестокая? Ага, ещё какая. И мне ни разу не стыдно или не жалко. Меня никто не жалел, ни его сынок, ни тот, кто устро-

ил аварию моим родителям. Отвлёкшись от воспоминаний, я сосредоточилась: печень хоть и вполне ничего ещё, через пару лет сдавать начнёт. Вылечить можно, но... зачем? Подправила положение, ускорив кое-какие процессы – через пару дней Крупина скрутит жёсткий приступ печёночных коликов. А в перспективе – неминуемый цирроз, и никакое заграничное лечение не поможет. Добавим сюда ещё почки, пиелонефритик после печени покажется ему лёгким приступом простуды. Ну и на закуску, так сказать, чтоб жизнь мёдом совсем не казалась, нашла в желудке ярко выраженный эрозийный гастрит, и... Здравствуй, язва. Крупин, ты не жилец.

Открыла глаза, пальцы немного тряслись – сколько я вложила в этого уroda сил? Да плевать, хоть все, зато через пару месяцев самое большое я с удовольствием прочту некролог про него и нажрусь в хлам в день его похорон.

– Соня, – тихо позвал Верден. – Пойдём. Они скоро просыпаться начнут.

Да, шуметь с выстрелами не хотелось. Мелькнула мысль, что хорошо бы найти ещё того, кто сидел за рулём джипа, но... Понадеялась на удачу, что он где-то среди гостей этого коттеджа, а то, чем Верден изрисовал их забор, сработает вернее, чем направленный взрыв. Все, кто находится здесь, поймут в ближайшее время такие крупные неприятности, что лучше бы им сразу прямо тут устроить массовое самоубийство путём сожжения в бане. Мы так же бесшумно спустились на первый этаж, и вот тут меня впервые накрыло от-

дачей: в ушах зазвенело, во рту появилась сухость, а голова опасно закружилась. Кажется, всё-таки переборщила, даже с учётом рун Вердена... Сильная рука тут же крепко обняла, поддерживая.

– Сонька, мать итить, экспериментаторша, ты чего ему там наворотила?! – тихо прошипел красноглазый прямо мне в ухо. – Слила почти весь свой резерв, башкой думаешь, нет?! Чёрный Плащ в юбке, ё-моё... Дура, а если б всё по-серьёзному, что бы я делал с истощённым экстрасенсом на руках?! Силы соизмерять надо, Кашпировский недоделанный!.. Ремня бы тебе всыпать...

Не прекращая ругаться, он спрятал пушку, покосился на дрыхнувших без задних ног бандосов, и не думавших даже шевелиться, не говоря уже о просыпании, и взял меня на руки. Сил возражать не нашлось, я только вякнула что-то невнятное, типа «положь где было, сама доковыляю», и в ответ получила пятиэтажное выражение, куда мне отправляться с такими намерениями и что конкретно там делать. Мда, таким рассерженным я Вердена ещё не видела, а уж тем более не слышала, чтобы он так ругался. Да и пофигу. Слабость превратила мышцы в кисель, я чувствовала себя медузой, а от слов моего напарника и, по ходу, всё-таки будущего командира, пробило на нездоровое хихиканье. Бессильно прислонившись лбом к его плечу, я тихо хрюкала от смеха и пропустила момент, когда в изрисованной Верденом руке начало слегка покалывать. Кеназ активизировалась, что ли?

Мы быстро пересекли двор, вышли в калитку, даже не озаботившись её закрыть, и Тим, опустив меня, но так же придерживая одной рукой, открыл машину и усадил на переднее сиденье. Наклонился, упёршись ладонью в спинку, ухватил за подбородок, повернув мою наверняка бледную физию к себе, и пару секунд внимательно вглядывался.

– От Николаича по шее получишь, – известил он об очевидном. – А теорию по тому, сколько сил требуется на то или иное воздействие на организм, будешь лично мне сдавать.

После чего внезапно прижался к моим губам, жёстко, сильно, и так же быстро отстранился, зачем-то направившись обратно к забору. Я тряхнула головой, с недоумением глядя ему вслед: это вот что сейчас за пассаж был с поцелуем? А руку стало покалывать сильнее, кстати, и слабость потихоньку проходила. Интересно, за сколько восстановлюсь? Устроившись поудобнее на сиденье, с ленивым интересом наблюдала, как Верден, прижав ладонь к забору, что-то сделал, руны ярко полыхнули и исчезли. Оббежав вокруг коттеджа, и по всей видимости проделав то же самое с остальными рисунками, он вернулся в машину.

– Теперь уходим, – отрывисто произнёс альбинос, глядя прямо перед собой, и завёл машину.

Едва мы начали выруливать, как со стороны коттеджа донёсся хриплый вопль – ого, окно там что ли, открыто? Верден замер, повернув ко мне голову и изучая с каким-то отстранённым интересом.

– Это язва, – ровно известил он. – Если в ближайшее время не приедет скорая, он истечёт кровью. Ты ему прободную устроила, – добавил он, однако меня это известие лишь порадовало. – Цирроз уже начал развиваться, печень разрушится через пару-тройку недель, если Крупин доживёт сейчас до операции, – обрисовал Верден ситуацию до конца.

Ой. Кажется, перестаралась. Теперь мне понятно, почему силы так быстро закончились. Со стороны коттеджа снова раздался мучительный крик, а я медленно улыбнулась, вздохнула и откинулась на спинку.

– Тим, поехали в общагу, – смачно зевнула, вдруг резко потянуло в сон. – Я жрать хочу, как из пулемёта...

Он удивлённо хмыкнул, и мы наконец поехали. Ну да, по моему за всё время нашего знакомства я его первый раз по имени назвала. Я погрузилась в дрёму, продолжая чувствовать благотворное воздействие рун, и какое-то такое умиротворённое состояние одолело... Неправду говорят, что от мести никакого удовлетворения не чувствуется, и потом становится не для чего жить. О, у меня как раз очень даже есть, для чего, и теперь можно не оборачиваться в прошлое, бросить все силы на настоящее и будущее. Учёба, учёба и ещё раз учёба.

Мы тормознули у Макдака, я навернула вредного фастфуда с большим удовольствием и даже позволила Вердену расплатиться – небывалый поступок с моей стороны, учитывая упорное нежелание быть ему хоть в чём-то обязанной, даже

в мелочах. У меня-то тоже деньги были. Непривычно задумчивый вид альбиноса особо не трогал, я чувствовала себя от-лично – сон и руны на руке сработали на совесть. Наш вояж в Ольгино мы не обсуждали, да и вообще не разговаривали: я ела, Верден размышлял о своём.

В общаге Ольга уже давно проснулась, и узрев меня, молча уставилась квадратными глазами.

– Сначала душ, – отмахнулась я, сняв куртку и расстегнув кобуру.

Теперь глаза соседки стали как две большие плоски, со-всем круглые.

– Потом, – повторила я, взяв полотенце и юркнув в душ.

Водные процедуры окончательно взбодрили, от недавней слабости не осталось и следа.

– Ну? – тут же пристала Ольга. – И куда это ты моталась, с Тимкой, да?

Я хмыкнула, услышав, как она назвала белобрысого. Надо же, уже Тимка. Интересно, Вердену бы понравилось такое имечко?

– По делам, – кратко ответила. – Честно, Оль, решала лич-ные проблемы.

– А-а, – протянула Грановская и замолчала.

Я подняла брови, смерив её взглядом, и не удержалась от ухмылки.

– И где отчёт о постельных подвигах красноглазого? – ехидно поддела соседку.

Увидев, как ступшувалась Ольга, я сильно удивилась.

– Что, так всё плохо? – осторожно спросила, кажется, впервые за время нашего знакомства видя соседку в замешательстве, подозрительно смахивающем на смущение.

– Он сказал, ты и так знаешь, – буркнула она, покосившись на меня с неопределимым выражением на лице. – Вдаваться в подробности не стал, но просил передать, что никакой рассказ не заменит личного опыта. Чёрт, Сонь, с кем мы связались? Как он просёк, что я ради тебя только старалась?! – нервно выпалила она и прерывисто вздохнула, явно встревоженная всей этой ситуацией, слегка отдающей абсурдом, на мой взгляд.

Я покачала головой и пожала плечами, не видя причин для паники, если честно. Просто Верден – чертовски хороший психолог и к тому же проникательный. О том, что он может чувствовать меня на расстоянии, и стены ему не помеха, сообщать не стала, посчитав, что это слишком личное и вообще, не моя тайна.

– И чего, тебя его просьба молчать остановит? – насмешливо поинтересовалась я у Ольги.

Стало любопытно, с какой такой радости всегда бойкая и уверенная в себе Грановская слушается Вердена. Соседка наклонилась и тихо спросила, глядя мне в глаза:

– А ты уверена, что он сейчас не стоит за дверью и не слушает? – выдохнула она. – Или на ауры наши не смотрит, м-м?

Признаться, это её предположение окатило, словно ведром ледяной воды. Я подпрыгнула, уже почти на автомате просканировав пространство: так и есть, гад, даже не скрывается!! Возмущение плеснуло в голову горячей волной, я подлетела к двери в общий коридорчик, распахнула её и с яростью уставилась на небрежно ухмылявшегося упыря, стоявшего, прислонившись к стенке и скрестив руки на груди.

– Ты... – задохнулась от переполнявших эмоций, лихорадочно перебирая, что бы такое сотворить, чтобы запомнил надолго.

– Со-о-о-онь, – тихо протянул противный Верден с серьёзным видом. – Ты только что выложились по полной, а у меня сил достаточно, и я не шутил утром, – вот скотина, как легко разгадал мои намерения! Тоже мне, нашёлся, проницательный! – Ольга, если ляпнет тебе хоть слово, в ближайшие дни из сортира не выйдет. Расстройство желудка – страшная вещь, между прочим, – небрежно добавил он без тени улыбки.

Я сначала не поняла, а потом сложила два и два и выпала в осадок: он что, втихаря от меня начал осваивать основы гипноза?! Ничем иным его заявление не могла объяснить, потому как привязать реакцию организма на мысли в сознании – это уже заява на ментальные штучки. Так и до полного С класса недалеко.

– Тва-а-а-а-арь, – протянула я, сверля его взглядом. – Играешь, да? – процедила сквозь зубы, нехорошо прищурив-

шись и не собираясь так просто сдаваться.

– Я?! – Верден очень искренне удивился. – А кто тут затеял нелепые проверки, а? Да ещё и за моей спиной? – с ироничной усмешкой поинтересовался он. – Между прочим, я оскорблён до глубины души твоими сомнениями в моей состоятельности, как мужчины! Не хочешь сама проверить, кстати? – голос Вердена стал тише, как-то глубже, что ли, и в памяти разом всплыли ночные ощущения.

Нервно сглотнув, я захлопнула перед его носом дверь и перевела дыхание. На что надеется, что сама приду?! Ща-а-аз, бегу и тапочки теряю! Вернулась в комнату и плюхнулась на кровать, сердито поджав губы. Ну откуда такие скотины берутся, а! Как не бывало утреннего перемирия, Верден вернулся к своей отвратительной нахальной манере и пошлым намёкам.

– Сонька, что он тебе сделал? – с любопытством спросила Ольга. – Ну, ночью? Сделал же что-то, да, иначе с чего бы ему заявлять, что ты знаешь?

Зыркнула на неё, ничего не ответив, потом молча переоделась, сунула наушники, врубила музон и ушла гулять. Если этот ушлёпок красноглазый пойдёт за мной, плевать на его угрозы, обеспечу расстройство всего организма по полной. Чтоб знал, как доставать.

Я до вечера шлялась по городу, время от времени заходя в кафешки и оттаивая за бесконечными чашками кофе. И думала, думала, думала... За эти месяцы, проведённые в

Институте, Вердену удалось сделать большое дело: я избавилась от страха, занозой сидевшего глубоко внутри, от страха перед слишком близким нахождением рядом мужчины. Конкретнее, страха перед насилием. Ведь меня и обнимали, и даже целовали, и ничего, действительно не умерла, даже что-то приятное в этом было. Иногда. А вчера... Чёрт. Из головы не выходили ощущения, навязанные Верденом, и раскладывая по полочкам свою реакцию, я вынуждена была признать: было здорово. Ну, в смысле, непривычно, ново, в чём-то пугающе, потому что не до конца понимала, что происходит, от чего тело вдруг взбрыкнуло и так предательски повело себя. Но блин, приятно. И самое страшное, после честного вопроса самой себе, а хотелось ли продолжения, ответ был: да. Однозначно. Тут примешался и чисто академический интерес – правда ли, что в книжках пишут, что это настолько кайфно, и разбуженные инстинкты, направленные в правильное русло одним не в меру шустрым и умным недовампиром, и вплавленная в характер чуть ли не с детства привычка решать проблемы самостоятельно.

Николаич в чём-то прав, оставлять на самотёк не вариант. А ну как на каком-нибудь задании меня в углу зажмут, что, тоже от паники голову потеряю и пожгу нахрен и своих, и чужих? Наверное, уже стоит наконец покончить с этими дурацкими метаниями? Пока не пойму, что ничего страшного в обычном в общем-то деле нет, проблема будет пускать корни всё глубже, и кто знает, во что может вылиться. Конкрет-

но моя неприязнь к Вердену? А на чём она основана, на воплях интуиции? Так пока она молчит, и уже давно. Уснула, или смирилась с тем, что всё так, как есть? Да, он выводит меня из себя, бесит его нахальство и превосходство, потому что сама такая же нахальная и вредная, но ведь реально, на свободу вроде не посягает. Вроде. Ну а то, что связь там какая-то между нами – потрясу Николаича при случае, вдруг дельное что подскажет. Кстати, может, действительно, переспим, и эта связь исчезнет, ведь одна ночь ничего не изменит между нами. Чувства не вспыхнут, я не упаду в его объятия, как переспелая груша, он не потащит в загс. Работать-то с ним мне сегодня понравилось, если уж быть откровенной.

Когда за окном очередной кофейни стемнело, а у меня кофе уже в глазах плескался, и от выкуренных сигарет горло саднило, я направилась обратно в общагу. Пока дойду от Невского, часа полтора-два пройдёт, проветрюсь, успокоюсь, да и спать, наверное, завалюсь. Народ наверняка бухать продолжит, а я сегодня перенапряглась, да ещё стопудово Николаич завтра на ковёр вызовет. Расплатилась, вышла на морозный, свежий воздух, поёжилась и быстро зашагала в сторону Петроградки. Любила я пешком гулять, и сейчас соваться в душное метро не хотелось. Времени девять, к одиннадцати буду дома.

...Общага ожидаемо пошла на второй виток празднования Нового года, опять гремела музыка, шатались пьяные и весёлые личности и компании, на нашем этаже всё точно

так же. Проходя мимо двери Верденовской комнаты, покосилась, но сканировать не стала – больно много чести, постоянно отслеживать его местонахождение. В комнате Ольги не было, только горел ночник. Сняла куртку, оставшись в джинсовой рубашке и тонком свитере с воротом под горло, я уселась на кровать и попробовала отвлечься, включив ноут и углубившись в инет. Зевнула, протёрла глаза, плюнула на всё, да и решила таки лечь спать. Рассеянно почёсывая в затылке, поплелась чистить зубы... Да вот только прошла мимо душа и решительно направилась к двери в комнату Вердена. Ёрш твою медь, альбинос хренов, ты выиграл. Но только одну ночь! И никаких игр в «мой парень-моя девушка»!

Только толкнув дверь, поняла, что она была приоткрыта, а значит, меня ждали. И, похоже, весь день с момента, как ушла. Мелькнула малодушная мысль, а правильно ли поступаю, но я дала ей мощного пинка, отправив подальше: я уже стою на пороге и знаю, что Верден на меня смотрит. Было бы крайне глупо и нелепо сейчас свалить к себе, бормоча «извини, я очканула, давай не сегодня». Шагнула в тёмную комнату, прикрыла дверь, постояла, пока глаза привыкали к отсутствию света. Тёмная фигура у окна плавно отлепилась от подоконника и направилась ко мне, бесшумно и молча. Я невольно попятилась, пока не упёрлась спиной в стенку, но упрямо не опускала головы, следя за Тимом. Он остановился, упёрся ладонью в бетон над плечом и медленно наклонился ко мне. Верден ничего не спрашивал, да собственно и

не надо, всё и так яснее ясного. И, пожалуй, в кои-то веки я была ему благодарна за отсутствие комментариев, хотя мог бы, с него станется.

Сильные пальцы легли на подбородок, проведя по губам, и я отчего-то зажмурилась. Внутри всё перемешалось, пытаюсь справиться с сильным волнением, и одновременно злясь на себя за столь сильные эмоции, я тщетно искала хоть малейшую возможность разрушить странное очарование момента, убрать это новое и пугающее ощущение – то, что я девушка, а рядом привлекательный парень, который не собирается делать мне ничего плохого. Тёплые, мягкие губы коснулись моих, только теперь они были настойчивее, как и язык Вердена, заставляя раскрыться навстречу и открыть наконец рот. Ну... я ж пришла чему-то научиться, да? Так какой смысл сопротивляться и устраивать показательные выступления упрямства и собственной глупости? Я застыла, пока Тим медленно изучал – по-другому не сказать, – открывшиеся просторы, и чутко прислушивалась к себе, чтобы вовремя уловить даже малейший отголосок того, что происходящее мне неприятно или не нравится. Фиг там был. Температура тела медленно повышалась, суматошное сердце мешало нормально дышать, прыгая по всей грудной клетке, а я уже сама потянулась к Вердену, пытаюсь что-то там неумело изобразить в плане ответного поцелуя. Белобрысый отстранился, тихонько фыркнул, и его руки легли на мои плечи, начав тихонько стягивать рубашку.

– Сонь, расслабься, – раздался тихий, успокаивающий шёпот. – Всё нормально будет...

Шутник, да, расслабиться?! Не получалось, хоть убей. Сорвавшиеся с цепи эмоции, объединившись с инстинктами, пугали до чёртиков силой ощущений, и я никак не могла с этим справиться. Мда, реакция девственницы во всей красе... Но я молча позволила Тиму снять с меня рубашку, всё-таки опустив и чуть отвернув голову. Он взял за руку и потянул за собой к кровати – чей-то голос внутри истерически пропищал: «Э-эй, так быстро?! А как же прелюдия там, и всё такое?..» Подумала, что если начну ржать, как ненормальная, ничего не получится, а второй раз вряд ли наберусь смелости прийти. Или сейчас, или никогда. Так что жёстко задавила неизвестного паникёра, тем более что меня просто усадили на край кровати, правда, между раздвинутых ног, спиной к Вердену. Руки Тима обвилились вокруг талии, заставив откинуться ему на грудь, и на мгновение я почувствовала себя неудобно – дал знать о себе тот проклятый дворик и жёсткая скамейка под спиной. Я напряглась, стиснув зубы, и попыталась выпрямиться.

– Ш-ш-ш, – тут же успокаивающе произнёс Верден, и шею коснулись его губы, такие же мягкие, но уже горячие. – Сонечка, тише... Тебе же так удобнее?

Осознала, что он прав – видеть сейчас лицо Тима хотелось меньше всего. Пусть всё останется пока так, на уровне ощущений, потому что, если посмотрю в его глаза, боюсь увидеть

там что-нибудь... ненужное. Да и я сама начала бы капитально смущаться, что сейчас вообще лишнее. Верден продолжал неторопливо целовать шею, помогая себе языком, и я даже не заметила, в какой момент «поплыла», прикрыв глаза и откинув голову ему на плечо. Вот уж не думала, что от простых прикосновений к коже у меня башню снесёт, да ещё так далеко. Своё тело я уже не контролировала, а только пыталась беспомощно осознать, что же, что же такое происходит, отчего хочется выгибаться, и одежда вдруг становится жутко неудобной, потому что в ней ужасно жарко. И спокойное дыхание превращается в тихие, судорожные вздохи, периодически срывающиеся на всхлипы.

Ладони Вердена скользнули под тонкий свитер, оказавшись неожиданно прохладными, и это слегка отрезвило, вернув меня в реальность. Проклятое сознание вместе с тараканами никак не желало отключаться, ехидно комментируя: «А вот сейчас, дорогуша, тебя разденут...» Кажется, я опять замерла, настороженно ожидая дальнейших действий Тима.

– Со-о-онь, – протянул он шёпотом, и его ладони медленно поднялись вверх, задирая свитер. – Ручки подними...

Не дав мне осознать, о чём просит, ушлый альбинос слегка сжал зубами мочку моего уха, отчего я чуть не взвилась, разом позабыв про страхи и сомнения. Без шуток, меня будто током несильно тряхануло, я аж охнула, стиснув кулаки, и не зная, как сдерживать шквал обрушившихся эмоций. Зачем сдерживать? Потому что панически не хотелось утонуть

в нём с головой, перестав контролировать окружающее, содрать с себя последние щиты, остаться мягкой, ранимой, такой, какой и наедине с собой не бывала... Потому, что тут не было места притворству: или такая, какая есть, или вообще не стоило затевать всё это. Это даже доверием-то не назвать, это что-то глубже, и оттого ещё более пугающее. Нет, не подобрать слов, не могу.

– Умница... – прошелестел Верден.

Ой. Пока я тут занималась сеансом психоанализа с собственным сознанием, Верден успел таки стянуть с меня свитер, и его ладони легли на мою не шибко большую грудь, прикрытую тонким кружевом белья. Я вздрогнула, ухватив его за запястья, сердце гулко колотилось о рёбра, и приходилось часто сглатывать пересохшим от волнения и страха горлом. Только страха не иррационального, а вполне конкретного. Страх позволить продолжить этому человеку и дальше изучать моё тело, его слабые места, и вместе с одеждой снимать с меня последнюю защиту.

– Сонь... – хриплый, проникающий в каждую клеточку тела, голос, и у меня вырвался глухой стон, полный тихого отчаяния, я почувствовала спиной, как тяжело, неровно билось его собственное сердце. – Ручки убери...

Не имея сил ответить, мотнула головой, и тогда он начал осторожно поглаживать большими пальцами грудь поверх бюстника, задевая край открытой кожи, отчего мурашки уже не переставая гуляли от затылка до пяток. Я ёжилась, позво-

ночник вдруг сделался гибким, тело мягко прогибалось под лаской, желая продолжения, и полностью игнорируя сигналы растерянного сознания не поддаваться. Время остановилось, застыло каплей янтаря, а я в каком-то сладком оцепенении отметила, что пальцы Тима сдвинули кружево и с каждым движением опускали его всё ниже, пока не добрались до напряжённых, ноющих сосков. Осторожно обвели, чуть сжали, и я зашипела сквозь стиснутые зубы, погребённая под очередной лавиной ощущений.

– М-м-мать... – вырвалось у меня.

Уже не думалось, что и зачем делает Тим, я сражалась с тяжёлым приступом стеснения, так и не убрав судорожно стиснутых на его запястьях пальцев.

– Мешает, – выдохнул вдруг он и на мгновение отстранил меня, легко стряхнув мои руки.

Тихий щелчок, и бельё полетело на пол, а спустя пару секунд, когда меня снова прислонили к груди, я обнаружила, что Верден ухитрился и с себя стянуть футболку.

– Вот та-а-ак... – его ладони мягко провели по моей обнажённой груди, слегка сжали и медленно поползли вниз, по животу.

Сволочное сознание взвыло сиреной, кажется, я впиалась ногтями в его руки, но тут Тим сжал кожу под ухом зубами, и звук, вырвавшийся у меня, иначе как мявканьем, не назвать. Вампир, точно. Пока я хватала ртом воздух, подбирая выраженьица покрепче, Верден быстро расстегнул пуговицу на

моих джинсах, и тихий шелест молнии набатом прозвучал в ушах. Я стиснула колени, дыша, как после стометровки, и пискнула:

– Нет!..

– Да, – снова хриплый шёпот, сорвавший нафиг все предохранительные клапаны в моём сознании. – Сонечка, ножки раздвинь... – ласковая просьба, в которой звучало слишком много повелительных ноток, и противиться им практически не осталось сил.

– Пош-щёл ты... – отозвалась я, и это больше походило на бессильный стон, красноречиво говоривший о моём поражении.

«Дура», – радостно оскалилось сдавшееся сознание, а в следующий момент Верден чуть сдвинулся, и его рот накрыл мои дрожащие, искусанные губы. Соппротивление бесполезно, вы окружены. Я на мгновение потерялась, чем этот соблазнитель и воспользовался, ловко обхватив мою ногу своей, и прижав к краю кровати. Я дёрнулась, но его ладонь уже проникла под джинсы и трусики, не давая мне времени осознать происходящее. Внутри как костёр взметнулся, в самом низу живота поселилось знакомое тянущее ощущение, заставив мышцы сжаться. Продолжая целовать меня, Тим нежно провёл пальцами по самому сокровенному местечку, и тело рванулось навстречу, бесстыдно прижавшись, и не оставляя мне больше никакого выбора. Стоп-кран сорван, тормоза отказали, и времени думать, как же сохранить хоть частичку

себя, тоже не осталось. Я зажмурилась, окончательно сда-лась и позволила ему делать то, что он хотел. То, что я хоте-ла. Меня уже трясло крупной дрожью, джинсы стали ужасно тесными и неудобными, и я сама пошире раздвинула колени, откликаясь на откровенные ласки, стремительно скользя ку-да-то по наклонной. Когда Тим неожиданно убрал руку, не удержалась от разочарованного стога, проклиная непослуш-ные связки, столь явно демонстрировавшие мою полную ка-питуляцию, пока он не шепнул, взявшись за пояс:

– Приподнимись.

Да не вопрос. Джинсы вместе с бельём полетели на пол, и Тим продолжил, заставляя стонать в голос, требовать чего-то большего. Когда его пальцы оказались внутри, я поняла, что же это за восхитительное ощущение. Хотелось не пальцев, нет, мало было.

– Ещё-о-о-о... – мама моя, да я сейчас умолять его буду, наплевав и на гордость, и на всё остальное, лишь бы продол-жал!

Он не останавливался, поглаживая, перебирая, забирая все мои страхи, без остатка. Сердце колотилось с сумасшед-шей скоростью, и в какой-то момент я испугалась, что по-теряю сознание, настолько острые, новые, офигительно яр-кие ощущения затопили всё существо, когда пальцы Тима, на несколько мгновений выскользнув из меня, мягко нада-вили на жарко горящую чувствительную точку.

– А-а-а-а-а!.. – я захлебнулась криком, тело вдруг стало

лёгким, почти невесомым, и я резко сжала колени, отчего меня накрыло огромной волной, и на пару секунд окружающее перестало существовать, оставив наедине с оргазмом.

Тим тихонько шевельнул пальцами, и снова пронзительное, сладкое ощущение – он что, издевается?! Я сколько могу выдержать?! Оказалось, много. Раза четыре точно, пока Верден наконец не сжалился и не убрал руку. Над ухом раздался тихий, довольный смех, а я поняла, что мне блин мало.

– Встань-ка, – сильные руки обхватили талию, помогая подняться, и я поняла, что ноги меня не держат.

Сделала над собой усилие и выпрямилась, обхватив плечи руками. Обнажённую, разгорячённую кожу пощекотал лёгкий сквознячок, и я невольно поёжилась. За спиной раздалась возня, и меня развернули лицом. Ой. Тим опять не дал мне времени сообразить, что происходит, притянул к себе и поцеловал. Я ответила, сама, и обняла его за шею. Мимолётно отметила, что на нём тоже больше нет одежды, но смутиться не успела – меня увлекли к кровати, не прерывая поцелуя, и я оказалась сидящей верхом на Вердене. Он безошибочно угадал, что уложить себя на спину я не дам ни при каких обстоятельствах, какой бы расслабленной и возбуждённой ни была.

– Иди сюда, – ладони Тима сжали мою попку, приподняли и медленно опустили.

Ай-йя-а-а-а... Я непроизвольно вцепилась ногтями в его плечи, пристально глядя в глаза Вердену, и замерла, привы-

кая к новым, но не менее волнующим и острым ощущениям.

– Больно? – с непривычной мягкостью спросил Тим и легонько провёл ладонями по моим бёдрам.

Вместо ответа я медленно качнулась вперёд, отдав бразды правления древнейшему инстинкту – тело само знало, что и как делать, мне оставалось только наслаждаться процессом. Верден со свистом втянул воздух, и меня пронзило острое чувство власти над ним, сейчас, в данный конкретный момент. И это... пьянило не хуже того же абсента. Откинула голову, и из горла вырвался низкий, воркующий, какой-то не мой смех. Точнее, мой, но я себя больше не сдерживала. И не боялась утонуть, потому что была не одна. Это не любовь, и не просто животная страсть, это что-то несоизмеримо большее, чему не было определения. Мы двигались, как единое целое, угадывая желания друг друга, то замедляясь, то ускоряя темп, мучительно зависая на грани и снова продолжая, бесконечно долго, изматывая ожиданием. Не нужно было дурацких слов, нежных признаний, уверений в верности, были только мы, он и я. Проклятый альбинос, забравшийся мне под кожу, узнавший меня так, как никто не знал. Опасно, очень опасно, но я всегда отличалась склонностью к авантюрам и пониженным инстинктом самосохранения. Подумаю утром, как быть и что дальше делать, как держать его на расстоянии, не допустить больше этой жуткой, безумно притягательной близости, не позволить ему забрать меня без остатка. Сейчас мне было просто хорошо...

...Он не позволил мне уйти. Прижал, обнял, осторожно лёг на бок, тихонько дуя на влажную шею, и молчал. Молчала и я, собирая себя по кусочкам и с кряхтением пытаюсь снова натянуть броню отчуждённости и упрямства. Получалось из рук вон плохо.

– В душ? – негромко спросил Тим.

Отличная идея. Только без тебя, красноглазый. Мне надо подумать и осмыслить.

– Спинку потру, – послышался смешок, и я, сжав губы, пихнула его кулаком в грудь.

– Губу закатай, – огрызнулась хриплым голосом. – И так получил больше, чем заслуживал...

– Со-о-оня-а-а-а, – проникновенно протянул Верден. – Я же говорил, что понравится. У тебя аура искрит, – добавил он, усмехнувшись, и легонько провёл губами вдоль изгиба шеи.

Я зашипела, попытавшись отодвинуться, и ведь не поспоришь: понравилось, ещё как понравилось, и... чё-о-о-о-рт, ещё хочется! Проклятое тело не желало успокаиваться, дорвавшись наконец до вкусняшки под названием качественный секс. Но с Верденом?! Опять дать власть над собственными эмоциями и чувствами, позволить превратить тело в мягкий воск под этими наглыми, возмутительно умелыми пальцами?!

– В душ, – уверенно повторил он и выпрямился, не отпуская меня.

В следующий момент я снова оказалась у него на руках и возмущённо забарахталась, сыпля трёхэтажными непечатными, а этот гад сделал вид, что споткнулся! Ну, я испуганно вдохнула и рефлекторно ухватила за его шею, заткнувшись на полуслове.

– Вот так лучше, – весело известили меня, и Верден продолжил путь в душевую. – Сонька, не бузи, – он открыл дверь, поставил меня на пол, придержав за талию, и закрыл шпингалет.

Меня начало трясти от разгорающейся ярости, но что-либо сказать я опять не успела: меня мягко, но настойчиво подтолкнули к душевой кабинке, и Верден включил воду. Массаж тугими, горячими струями очень взбодрил, придав сил. Я резко развернулась, стиснув пальцы так, что ногти вонзились в ладони, и впила в лицо альбиноса сузившимися глазами.

– Ну и что дальше?! – выплюнула я. – Думаешь, разок переспала с тобой, и теперь имеешь на меня все права, да?! – мой голос шипел, как вода на раскалённой сковородке. – Типа, там, отношения, вся фигня?! .

– Нет, – спокойно оборвал он мою тираду, не отводя взгляда, и его ладонь упёрлась в кафель рядом с моей головой.

Честно, я растерялась от этого простого и ёмкого ответа, и ярость сдулась, как воздушный шарик.

– Что?.. – переспросила, вконец перестав понимать этого

красноглазого демона.

– Не считаю, что имею на тебя какие-то права, – охотно повторил он и слегка улыбнулся. – И в отношении играть не собираюсь.

– А-а-а-а-а... – очень содержательно ответила я, хлопая ресницами, как блондинка при виде квадратного уравнения.

– А чего ты ожидала, Сонь? – он пожал плечами, его улыбка стала шире. – Что теперь буду взапрос целоваться с тобой при всех, активно лапая за все выступающие части тела и обозначая, что между нами что-то есть? – светлая бровь изогнулась, в голосе Вердена послышалась весёлая ирония. Его вся ситуация и моя реакция просто забавляли! С-скотина беловолосая... – Или может, патетичного опускания на колени, бархатной коробочки и посещения загса? – я вздрогнула, придя в ужас от описанной картинки, и замотала головой, разбрызгивая воду с мокрых волос. – М-м, предположу, что моего категоричного заявления из разряда «собирай вещи, будешь у меня жить»? – продолжал он кривляться, только вот после его последних слов повисла пауза, потому что я внезапно осознала, что из всей сказанной белиберды вот конкретно эта опасно близка к реальному положению дел.

Верден нагнулся, я испуганно отшатнулась, коснувшись спиной кафеля, и несильно стукнулась затылком об стену – ч-ч-чёрт, лучше контролировать себя надо, дорогуша! Тут же вторая ладонь Тима легла на пострадавшую часть, и его лицо стало ещё на пару сантиметров ближе, почти нос к носу

с моим.

– Хотя, знаешь, последнее, пожалуй, неплохо звучит, – задумчиво обронил он.

Его голос опять приобрёл глубину и тягучесть, и я напряглась, моментально почувствовав опасность: Верден включил нахального и наглого типа, берущего, что ему надо, не спрашивая, а в сочетании с этими нотками и красноречивым взглядом сработало не хуже детонатора на мои ещё не совсем успокоившиеся эмоции и желания. Тело вздумало артачиться, тут же охотно отозвавшись на провокацию, и пришлось до хруста стиснуть зубы.

– На ... пошёл, – твёрдо ответила я. – Только через мой труп я пропишусь у тебя на ПМЖ.

В ответ раздался смешок, он прижался ко мне, и его ладонь с затылка медленно переместилась на моё плечо, плавно скользя по мокрой коже, потом вдоль руки до локтя, и ловко нырнула на талию. Пальцы Вердена легко пробежались по пояснице и замерли на моей пятой точке. Эхм, я отвлеклась, заморожённо прислушиваясь к новой гамме ощущений – прикосновения под струями воды чувствовались чуть по-иному, но оттого не менее... возбуждающе.

– Тебе учиться ещё два с половиной года, – ласково известил меня об очевидном факте Тим, собрав губами капельки воды с шеи, что заставило меня тихо ругнуться и крепко зажмуриться – стоять спокойно выдержки хватало, а вот загадать в глазах настоящую свою реакцию вряд ли получится.

Я снова хотела этого невозможного человека, отрицать бесполезно. – А потом всё равно все вместе жить будем.

Последняя фраза привела в чувство покруче ледяного душа. Что там я говорила об опасности слишком частой близости с альбиносом?

– Чудесной шведской семьёй?! – взвилась я, уперев ладони ему в грудь, но пальцы скользнули по мокрой коже, слегка царапнув её, и судя по резкому выдоху Вердена это ему понравилось. Извращенец, точно. – Тебе конкретно объяснить, что НИЧЕГО между нами не будет, и куда можешь засунуть себе все мысли на этот счёт? – я заводилась всё сильнее, злость и желание намертво перемешались, но балом правили совсем не они, а упрямство и проснувшийся страх. – Да, всё было отлично, спасибо, что избавил от страхов, но я не буду больше спать с тобой, точка, всё, ясно? – выпалила на одном дыхании, всерьёз опасаясь его ответа на мой всплеск.

Реально, испугалась до чёртиков и нервной икотки, и даже не того, что он отберёт у меня пресловутую свободу и заставит играть в какие-то нелепые отношения, пародию на любовь-морковь. Нет. Я вспомнила, как буквально пару десятков минут назад плавилась в его руках, позволяя делать всё, что угодно, добровольно вручив ему власть над собственным телом, и какой ловила от всего этого кайф, и... Стало страшно, потому что это почище наркотика. Возможность быть самой собой хотя бы в подобные редкие часы, когда ни перед кем не надо притворяться и выглядеть старше, чем есть

на самом деле, слишком притягательная, прямо-таки опасно манящая, и неизбежно вызовет привыкание, а я... Я не хотела привыкать, ни к Вердену, ни к кому вообще. Уж особенно к Вердену. Потому что когда есть любовь хотя бы с одной стороны, человеком можно манипулировать в своих интересах, держать на некотором расстоянии, причинять боль от предательства или наоборот, окутать нежностями и прочими сантиментами...

Между нами любви не было. Было непонятное притяжение, настолько сильное, что сопротивляться крайне сложно, несмотря на все мои выбрыки и попытки сохранить дистанцию. Более того, влюблённого можно обмануть, можно использовать его чувства. Можно держать в счастливом неведении относительно реальных мотивов своих поступков, всё равно будет верить и прощать. Я же могла испытывать к Тиму что угодно кроме любви, могла делать, что хочу в отношении него, вести себя, как заблагорассудится, и это никак не изменит существующего положения вещей. Так же, как и он мог быть каким угодно, хоть белым и пушистым, хоть зелёным и лысым рядом со мной. Абсолютно фиолетово, что очень точно отражало суть странной связи между нами. Секс являлся только приятным дополнением, красивой и удобной рамкой, служившей для оформления того, что происходило на самом деле.

И я также очень чётко понимала сейчас, что то новое знание обо мне, которое он получил сегодняшней ночью, о но-

вой Софье Александровской, появившейся на свет благодаря его настойчивости и уверенности в собственных действиях, не узнает никто кроме нас двоих.

– Сонь, расслабься, – прошептал Тим, медленно слизнув языком ещё пару капель, а я замерла, напряжённая, как линия высоковольтной передачи, не зная, чего хочу больше, уйти наконец отсюда, или махнуть на всё рукой и уже убрать колючки. После драки кулаками не машут, Верден теперь имел прекрасное представление о собственной власти надо мной. – Всё между нами останется... Я не буду ни к чему принуждать... Ну что ты такая испуганная и недоверчивая, а? – Тим поднял голову, внимательно всматриваясь в мои глаза, потом хмыкнул и снял душ с крючка. – Я же не лезу в душу, Сонька, и не прошу любить до гроба, ну? – настойчивый голос звучал слишком уверенно, чтобы игнорировать его.

Тёплые струи воды коснулись шеи, Верден отстранился, но его вторая рука снова упёрлась в стенку, отрезая мне пути к отступлению.

– Просто будем где-то рядом друг от друга, и всё, – он замолчал, а я неожиданно и к собственной досаде ощутила, как загорелись щёки от румянца: взгляд Тима медленно путешествовал по моему телу, разглядывая то, что не смог в темноте комнаты, и мои щиты из возмущения и злости разлетелись, как стеклянные, под этим серьёзным, вдумчивым взглядом, ни разу не наглым или самодовольным. – Это ведь

несложно, Сонечка?

А за взглядом следовали струи воды, и внутри стремительно нарастал знакомый вихрь ощущений. Кожа вдруг сделалась безумно чувствительной, до болезненности просто. Я прикусила губу и зажмурилась, всхлипнув от бессильной ненависти и судороги желанья, скрутившей низ живота.

– В-верден... – простонала сквозь зубы, не в силах выразить обуревавшие чувства, в которых злость тесно переплеталась с восторгом от происходящего. – С-с-скотина, у-ублюдок... – хватало только на ругательства, потому что струи душа, переключённые с дождевого режима на массажный, неумолимо, кругами, снижались, приближаясь к стратегически важному месту между судорожно стиснутыми бёдрами.

Что показательно, при этом Верден не касался меня и пальцем, просто смотрел и улыбался. Как обещал не так давно...

– Не надо бояться того, что происходит, – мягкий, тихий голос, почти сливавшийся с шелестом воды. – Это ты, только другая... И этого никто кроме меня не увидит, никогда...

Вот это уж точно, никто и никогда. Мысль о том, что могу прекратить всё очень легко, вмешавшись в организм Вердена, даже не маячила на задворках сознания – вряд ли я вообще сейчас на что-то способна кроме жалких попыток усмирить собственный организм, что уж о чужом говорить.

– Ножки, Соня, – голос Тима раздался совсем рядом с

ухом, настойчивый и уверенный.

Уверенный, что послушаюсь, как совсем недавно, и едрить твою налево, сделала же!.. Да, хотелось нырнуть снова, достать до самого дна и забить на все заморочки между нами, хотя бы на ближайшее время. Наркотик чистой воды, вызывающий привыкание с первого раза, и от которого невозможно отказаться... Я упёрлась пяткой в кафель, согнув ногу, отвела колено и решительно задвинула отчаянно верещащее сознание куда подальше. Мда, кажется, теперь понимаю, отчего интуиция дёрнулась при нашей первой встрече. Видимо, предупреждала вот как раз о таком развитии событий. Ну и пофиг, ну и к чёрту. В конце концов, я же сама сюда пришла, никто не заставлял. Ну а то, что банальный перепихон – в моём представлении – вылился во что-то гораздо большее, что ж, будем решать проблемы по мере поступления. Утром. Когда очухаюсь от всего и буду способна сообщать на трезвую голову.

...Мы снова целовались, жадно, захлёбываясь друг другом, и скоро душ сменили пальцы Тима, а потом и он сам. Мне было параллельно, услышит ли Ольга – если вернулась – мои крики и стоны, также, как Вердену было совершенно всё равно, что я расплосовала ему плечи и спину, конкретно так, до крови. Мне хотелось сделать ему больно, хоть чуть-чуть отомстить за то, что посмел показать такое наслаждение, крепко посадив на него, и теперь получил отличный инструмент для манипулирования мной. Но я не сдамся так

просто, нет, только не чересчур умному альбиносу, слишком хорошо знающему, как со мной обращаться. Война, так война, и все средства будут хороши. Вопрос, почему не могу принять всё, как есть, тоже как-то не возник, я сразу доверилась защитной реакции на попытку – успешную – вторгнуться на мою глубоко личную территорию и начала инстинктивно защищаться, вопреки желаниям и доводам разума. Подсознание страшная штука, особенно если оно решило встать на дыбы и показать зубки.

И да, уйти к себе мне снова не дали. Вымотанная и уставшая, я только вяло и дежурно послала его, когда Верден вытер меня, укутал в полотенце и отнёс к себе в кровать. Я моментально выключилась, едва донеся голову до подушки. Алилуйя, эта ночь наконец закончилась.

* * *

Утро наступило внезапно и довольно поздно, по моим ощущениям. А ещё, ощущения говорили, что ночью по мне проехалось несколько катков и потопталось стадо слонов. Были все мышцы, и в таких неожиданных местах, что я боялась пошевелиться, чтобы не охнуть и не застонать. Кроме того, есть хотелось просто адски, и едва подумала о спрятанных в холодильнике в комнате заנачках, желудок громко заурчал. Ну вот, зараза такая, всю конспирацию нарушил, а я-то думала по-тихому слинять, обойдясь без очередной пор-

ции душещипательных бесед. Напряглась, не открывая глаз и откуда-то совершенно точно зная, что Верден уже давно не спит, и ожидая чего-то вроде «доброе утро, солнышко», или «как спалось, страстная моя». Откуда в голову полезла вся эта чушь из бульварных романов в мягких обложках, не знаю, видимо, слишком сильны стереотипы.

– Глаза открывать будем, трусиха? – альбинос в своём репертуаре, не оправдал моих ожиданий.

При этом продолжал обнимать одной рукой за талию – я лежала на боку, уткнувшись в его грудь, и до ушей накрытая одеялом. В комнате было довольно прохладно, судя по моему холодному носу. Задержав дыхание, как перед прыжком в воду, я осторожно приподняла веки и наткнулась на пристальный, спокойный взгляд светлых глаз. Верден лежал, подпирая ладонью голову, и просто смотрел на меня, ожидая, видимо, первой реакции. Я не разочаровала. Наверное.

– И? – изогнула бровь, отметив, что голос ещё хрипловатый, и откашлялась.

Глаза не отводила, хотя где-то на периферии сознания мелькнули остатки смущения – под одеялом, естественно, ни на нём, ни на мне, ничего не было.

– Что «и»? – губы Вердена дрогнули в намёке на улыбку. – В любви признаться, что ли? Или начать распинаться в том, как всё было замечательно, и какая ты вся из себя чувственная и сексуальная? – насмешливо заявил он, усмехнувшись шире – немедленно захотелось съездить по его физиономии,

чтобы стереть эту чёртову ухмылку. – Так первого нет, и ты это знаешь, а второе тебе уже известно и без моих слов.

– Ты просто песец какой-то ходячий, – сквозь зубы ответила я, раздражённая донельзя тем, как он легко просчитал ход моих мыслей. Оказывается, я мыслю дремучими стереотипами, ужас какой. И ведь опять, опять прав в каждом слове. Нафиг признания, и подтверждение глубины моего падения, особенно от него, мне тоже туда же не сдалось. – Всем спасибо, все свободны, – я рывком выпрямилась, откинув одеяло и стараясь не ёжиться от прохладного воздуха, и спустила ноги с кровати, повернувшись к Вердену спиной.

– Не, ну кофе в постель могу организовать, – до меня донёсся тихий смех. – Но ты вроде его не особо любишь, да? И не горишь желанием задерживаться в моей постели дольше, чем нужно. Так зачем заставлять?

Нагнулась, подняла с пола его джинсы и запустила в весело скалящегося альбиноса. Давай, давай, я тебе ещё устрою небо в алмазах и ананасы на берёзах. Думаешь, теперь сама за тобой бегать буду? Угу, вот прямо щас всё брошу и начну. Удержалась от вопроса, а что в таком случае ему вообще от меня нужно – не знаю и знать не хочу, достаточно того, что упорно тащит в свою ячейку, – и начала одеваться, собирая с пола одежду. Взгляд Тима почти не напрягал, остатки стеснения решили, что после такого ночного марафона и безумства в душе глупо краснеть только потому, что кто-то слишком наглый в открытую пялится на твою голую грудь и

попу. И чего там не видел, спрашивается? Я заправила свитер, надела рубашку, кое-как пригладила волосы и наконец посмотрела на Вердена. Он лежал, закинув руки за голову, до половины укрытый одеялом, и тоже смотрел на меня.

– Поцелуешь на прощанье? – светлая бровь поднялась, а я чуть не поперхнулась от такого наглого предложения.

Мало, что ли, ночью целовались?! У меня вон до сих пор губы опухшие и болят... Я скупно улыбнулась и послала ему воздушный поцелуй.

– Бывай, герой-любовник, – демонстративно помахала ручкой и направилась к двери.

– Приходи в любое время, секси, – раздался вслед ехидно-насмешливый ответ.

Я промолчала и просто вышла, закрыв дверь. Пока в голове царил пустота, мысли попрятались по углам, отказываясь выходить и принимать участие в обсуждении дальнейшей стратегии поведения с Верденом. Я махнула рукой, решив не насиловать измученное непривычной ночной нагрузкой сознание, и занялась удовлетворением насущных нужд: есть и курить. А потом можно и поразмышлять...

– Судя по твоему помятому личику и встрёпанной шевелюре, да здравствует секс? – раздалось со стороны Ольгиной кровати, и я чуть не подпрыгнула от неожиданности.

Она сидела, поджав под себя одну ногу, и насмешливо ухмылялась, не сводя с меня блестящих от любопытства глаз. Я неопределённо повела плечами и полезла в холодильник.

– Типа того, – как можно безразличнее отозвалась, не желая вдаваться в подробности.

Ольга и сама прекрасно знает, каково оно, а сплетничать на тему мужиков и тем паче их достоинств, уподобившись каким-нибудь кукольным блондинкам, ни разу не хотелось.

– Да ладно?! – недоверчиво протянула Грановская, и настолько натурально, что я вынырнула из недр и уставилась на соседку, не понимая, то ли так искусно притворяется, то ли на самом деле удивлена. – Сонь, я ж так ляпнула, вижу, ты выходишь вроде как со стороны комнаты Тимки, вообще, думала, в сортир ходила... Чё, реально переспали? – снова переспросила она с любопытством.

В какой-то момент мне показалось, что в голосе Ольги слишком много нездорового интереса. А уж то, как она его постоянно называла – тоже мне, нашла комнатную собачку, домашнего мальчика, Тимка, ага... – вообще ни в какие ворота не лезло. Но нагло ломиться в чужую душу, когда меня туда не приглашают, да ещё и в своей форменный бардак, посчитала не совсем правильным.

– Оль, а чего ты так переживаешь по этому поводу? – спокойно поинтересовалась я, накладывая салат в тарелку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.